

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

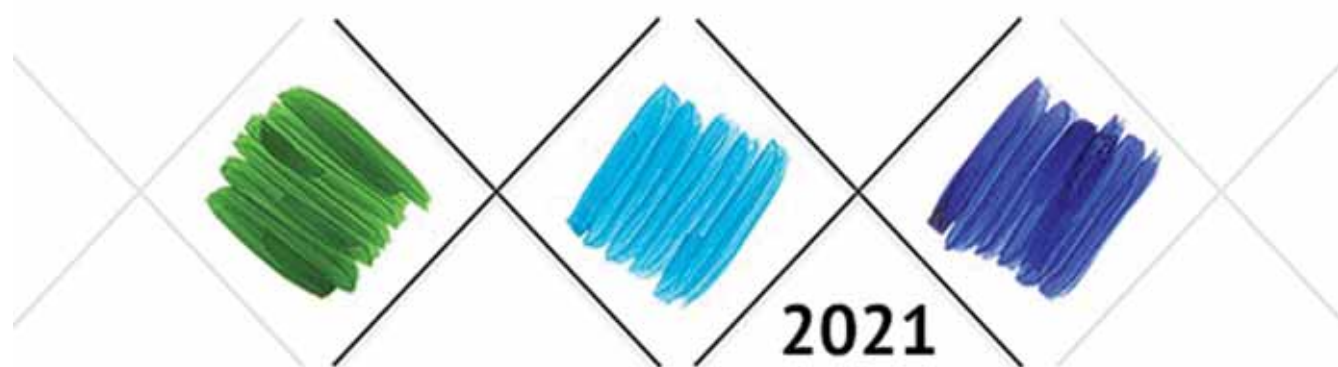
СМЕНА

№5 МАЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2021

Двадцатые молодежные
ДЕЛЬФИЙСКИЕ ИГРЫ
России
ПЕРМСКИЙ КРАЙ

6+

Чтобы помнили

<i>Николай Черкашин</i>	«Этот день мы приближали, как могли...» 4
-------------------------	--

Нам пишут

<i>Геннадий Гусаченко,</i>	В память о них зажгите свечу... 18
<i>Амаяк Тер-Абрамянц,</i>	Валя Муга 20
<i>Евгений Мосолов</i>	Портрет Илюшки 22

Неизвестное об известном

<i>Юрий Осипов</i>	«Духовный реализм» Ивана Шмелева 25
<i>Денис Логинов</i>	Нити Ариадны 102

Это интересно

<i>Дмитрий Зелов</i>	Вечный огонь — священный символ нашей памяти 40
<i>Татьяна Моженюк-Нинэн</i>	Русский Париж. По следам русских художников XIX века 58
<i>Виктор Ом</i>	Первый иллюстратор «Мертвых душ» 92
<i>Олег Дорогань</i>	Иван Переверзин. Афоризмы 115

Судьбы

<i>Евгения Гордиенко</i>	Русско-немецкий японец 47
--------------------------	--

Житейские истории

<i>Леонид Доброхотов</i>	Вкусней пирожного 54
--------------------------	-----------------------------------

Шедевры

<i>Ирина Опимах</i>	Серов В.А. Портреты на фоне времени 65
---------------------	---

Замечательные современники

<i>Елена Воробьева</i>	Никита Кологривый: «Мне нравится сниматься в кино, но и играть в театре тоже» 75
------------------------	---

Из российской истории

<i>Алла Зубкова</i>	Путь к трону 78
---------------------	------------------------------

Иронический детектив

<i>Павел Стерхов</i>	Свадебный пирог и... немного крови 122
----------------------	---

Кроссворд. Эрудит

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales-smena@yandex.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич,
smena-the-best@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Актер театра и кино
Никита Кологривый.
Фото из личного архива

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
**Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4

Для писем:
127994, Москва, ГСП-4,
Бумажный проезд, 14, стр. 1
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через:
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение 1
+7 (495) 744-55-12

© ООО «Журнал «Смена»

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано:

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж —

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 19.04.2021

«Искренность была отличительной чертой этого тонкого и глубокого новеллиста, которого можно назвать русским Мопассаном. Только в отличие от Мопассана веселости в нем было куда больше. И — наивности, простодушия. Пытаясь объяснить феномен Куприна, ссылаются на «стихийность», «непосредственность» его произведений, на пленительную «первичность» переживаний. Это так — и не совсем так. Но вот что бесспорно в творчестве этого замечательного русского писателя — это «теплая доброта Куприна ко всему живущему», «купринское благословение всему миру». Вот чем отличаются его «Конокрады», «На покое», несравненные «Штабс-капитан Рыбников», «Гамбринус» и пронзительный «Поединок».

Юрий **Осипов** «Благословение миру»

«В многочисленных трудах, посвященных Пушкину, его личная жизнь, кажется, разобрана чуть ли не на атомы. Но одна женщина, сыгравшая весьма заметную роль в жизни поэта, как-то осталась в стороне — о ней пишут и знают очень мало. А между тем, Ольга Сергеевна Павлицева (в девичестве Пушкина), старшая сестра поэта, до конца его жизни была для него близким другом и доверенным лицом.

Денис **Логинов** «Подруга весны моей златой...»

«Если спросить, кто изобрел телевизор, большинство людей назовут имя Зворыкина. Между тем, первенство в изобретении технологии принадлежит совсем другому ученому — Льву Термену, имя которого незаслуженно забыто, несмотря на то, что он — автор и множества других изобретений. Помнят его в основном благодаря музыкальному инструменту, которому он дал свое имя — терменвокс. Все изобретения Термена перечислить невозможно, можно только сказать, что всю свою долгую и интересную жизнь он посвятил движению науки вперед, и в этом был велик.

Евгения **Гордиенко** «Голос изобретателя»

«Детектив Александра **Аннина** «Сокровища Гохрана» (часть II-я)

Николай Черкашин

«Этот день мы приближали, как могли...»

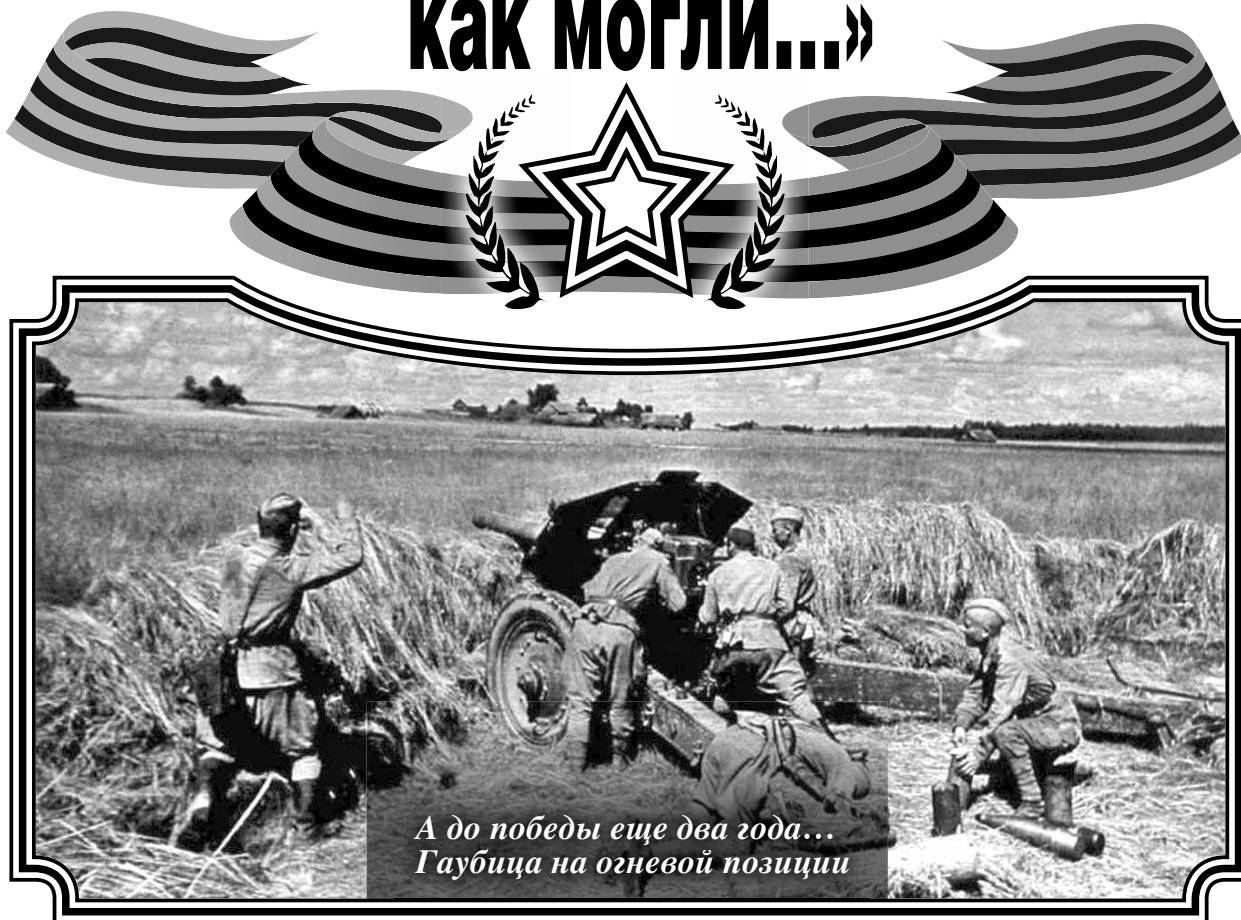

Фото из личного архива Н.П. Пудова

Есть книги, написанные ради славы. Есть книги, написанные ради денег. А есть книги, написанные для того, чтобы помнили...

Александр Герцен в свое время задавал риторический вопрос: «Кто имеет право писать воспоминания?» И сам же отвечал на него: «Любой человек. Ибо у всякого другого человека есть право их не читать».

Однако не читать воспоминания полковника в отставке Николая Петровича Пудова невозможно. Они написаны на живом, пережитом автором материале нашей новейшей истории. Нет нужды говорить, какое это подспорье для историков — семейные хроники. Но ведь это еще и увлекательное чтение для вдумчивого читателя, который откроет для себя еще один взгляд на свое время и своих современников. Тем более что в известные годы наше родоисчисление было прервано агрессивными идеологическими императивами. Люди сжигали свои родословия, дневники, фотографии предков, чтобы не попасть в число «социально чуждых элементов». Даже правнук великого поэта Александра Пушкина — Григорий Григорьевич Пушкин — узнал о своем великом прадеде лишь

в зрелые годы. До этого от него таили его дворянское происхождение, которое могло повредить ему в советской жизни. Но если с дворянскими генеалогическими древами еще можно разобраться, они ведутся из века в век, невзирая даже на исторические катаклизмы, то о крестьянском родословии говорить не приходится. Это редчайшая вещь! В лучшем случае, сведения о своих пра-пра-прадедах передавались из поколения в поколение устно, и довольно часто эта устная летопись обрывалась со смертью памятной бабушки. Но как это важно, знать тех, кто незримо и немо уходит у тебя за спиной в глубину веков, кто дал тебе частицу своей крови, своего опыта, своей памяти! Благодаря таким людям, как Пудов, мы не стали манкуртами, людьми без исторической памяти, Иванами, родства не помнящими.

Работать с Николаем Петровичем было легко и трудно. Легко, потому что все, о чем он рассказывал за чашечкой кофе предельно понятно — для человека, знающего военную жизнь не понаслышке. К тому же мне весьма знакомы те места, в которых он воевал — и Крым с Севастополем, и Белоруссия, и его бывшие плацдармы в Польше и Германии. А трудно — поскольку память столетнего ветерана изрешечена провалами, как орудийный щит под хорошим обстрелом.

Впечатляет духовная сила этого человека: столетний чудо-богатырь, родом из можайского села, с легендарной смоленской земли, он — живое воплощение строк Твардовского:

*То серьезный, то потешный,
Нипочем, что дождь, что снег, —
В бой, вперед, в огонь кромешный
Он идет, святой и грешный,
Русский чудо-человек.*

Вот и Николай Пудов шел в бой всем смертям назло и сейчас стоит все на том же: наперекор всем возрастным хворям, мировой пандемии — воистину святой и грешный, русский чудо-человек.

15-летний капитан — это художественный вымысел. А вот 19-летний лейтенант во главе своих бойцов — подлинная реальность. Вот он сидит передо мной, тот самый юный во всей РККА командир, который принял войну в свои столь несерьезные годы. Принял, возмужал, прошел полстраны и пол-Европы и, в конце концов, победил.

Вот несколько отрывков из его фронтовых воспоминаний.

Меня называли «мастером рикошета». Знал я это дело и любил применять на практике. Рикошет — это

когда снаряд не врезается в землю, а отпрыгивает от нее... Очень эффективный вид огня — снаряд раз-

рывается в воздухе, как шрапнель, и радиус поражения увеличивается в разы. От осколков не спасет ни окоп, ни траншея... А еще мы отрабатывали «огневой вал». Это довольно опасный вид артогня, он требует большой точности и слаженности в действиях артиллерии и пехоты. Суть его в том, чтобы наступающие цепи шли по безопасной кромке, которая отделяет их от разлета наших осколков. В таком случае враг не может приподнять голову и вести прицельный огонь. Мы прижимаем немцев к земле, а тем временем наша пехота прыгает в траншеи первой линии обороны, и мы переносим свой артогонь на несколько сот метров в глубь вражеской территории. Если все делать правильно, то успех наступления будет обеспечен с минимальными потерями... Практика «огневого вала» существовала и до войны, но отрабатывалась далеко не везде и не всегда. А огонь вели 2–3 орудия, да и в атаку поднималась, в лучшем случае, рота. Показуха была... Война научила, как воевать... В 43-м году «огневой вал» был очень востребован — мы наступали по всем фронтам. И огонь вели уже не двумя-тремя стволами, а всеми батареями полка. Возможно, именно тогда и написал Александр Твардовский свою хвалу нашим пушкарям:

*Не расскажешь, не опишешь,
Что за жизнь, когда в бою
За чужим огнем расслышишь
Артиллерию свою.*

*Воздух круто завивая,
С недалекой огневой
Ахнет, ахнет полковая,
Запоет над головой.*

*А с позиций отдаленных,
Сразу будто бы не в лад,
Ухнет вдруг дивизионной
Доброй матушки снаряд.*

Насчет «доброй матушки» — это уже про нас, про тяжелую артиллерию... На вооружении нашего 25-го корпусного артиллерийского полка, а потом и артиллерийской бригады состояли 122-мм и 152-мм гаубицы. 122-мм гаубица образца 1938 года М-30 стала самой массовой советской гаубицей периода Великой Отечественной войны. Это орудие серийно производилось с 1939 по 1955 год и состояло, кстати, и до сих пор состоит, на вооружении некоторых стран. Она принимала участие почти во всех значимых войнах и локальных конфликтах XX века. По мнению ряда артиллерийских успехов, М-30 смело можно отнести к одним из лучших образцов советской ствольной артиллерии середины прошлого века.

Орудие по достоинству оценили даже немцы, которым на начальном этапе войны удалось захватить несколько сотен гаубиц М-30. Они приняли орудия на вооружение под индексом тяжелая гаубица 12,2 cm s.F.H.396(r), активно используя их на Восточном и Западном фронте. Начиная с 1943 года, для этой гаубицы,

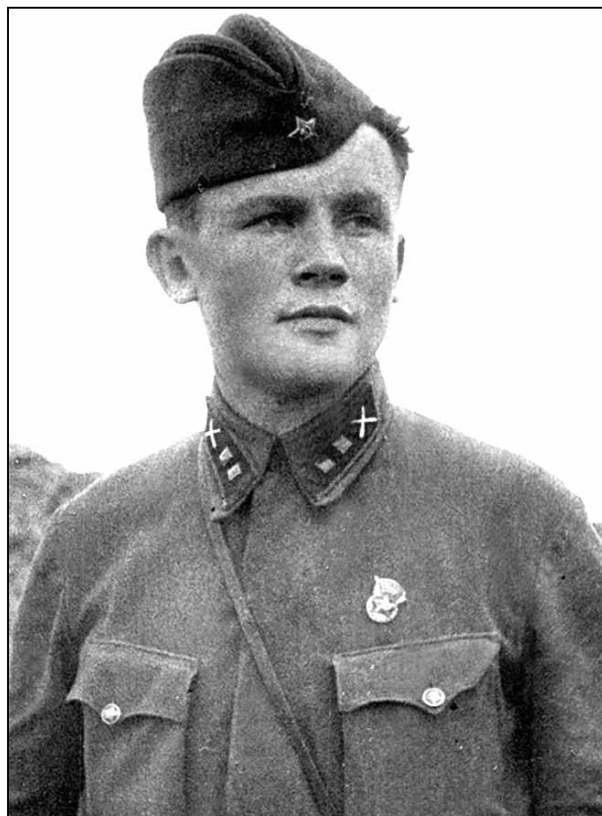
а также некоторых других образцов советской ствольной артиллерии того же калибра немцы даже развернули полноценное массовое производство снарядов.

САПУН-ГОРА

«Штурм Сапун-горы, — утверждает энциклопедия, — это одна из выдающихся битв времен Великой Отечественной войны. Советскими войсками был произведен прорыв сильнейших и многочисленных неприступных оборонительных сооружений на окраине Севастополя. Битва завершилась уничтожением вражеских войск и победой героических воинов страны Советов. Весной 1944 года под Севастополем была поставлена завершающая точка в оккупации Крыма. Никогда еще за всю историю войн немецкие войска не испытывали такое унижительное состояние поражения перед союзниками».

Основной целью немецкого объединения была эвакуация войск из Севастополя и поддержание морских связей с Румынией, суда которой обеспечивали немецкие войска на Крымском полуострове. А для этого было необходимо любыми способами сохранить боевые позиции на высотах Сапун-горы и Сахарной головки. Именно они закрывали бухты Севастополя от прицельного огня.

Главной же целью советской армии было освобождение Севастополя, равно как и уничтожение всех вражеских войск на территории

*19-летний лейтенант
Николай Пудов*

Крымского полуострова. После первой неудачной попытки штурма Сапун-горы командование основательно занялось подготовкой ко второму штурму. Со всего полуострова стягивались войска, артиллерия пополнялась более мощной техникой, запасались боеприпасами.

К наступлению готовились три советские армии из состава 4-го Украинского фронта под командованием генерала армии Федора Толбухина: 2-я Гвардейская, под командованием генерал-лейтенанта Георгия Захарова, 51-я армия, под командованием генерал-лейтенанта Якова Крейзера, и Отдельная Приморская армия, под командованием генерал-лейтенанта Кондрата Мельника.

Курсант 1-го Московского артиллерийского училища Николай Пудов

Сапун-гора — ключевая позиция немцев в обороне Севастополя. Ключевая — и этим все сказано. Возьмем Сапун-гору — ключ к Севастополю получим. Это понимал каждый, кто готовился к штурму. Немцы использовали наши доты и наши траншеи, которые были здесь вырыты еще в начале войны нашими войсками. Очень удобно — все амбразуры смотрят на наступающих. А наступающие — это мы. Тут, кто под руку начальству подвернулся, тому и ставят боевую задачу. На сей раз подвернулся я. «Вы должны подавить этот дот. Он перекрывает передвижение нашей пехоты». Всмотрит-

ваюсь в карту. Мама, родная, да это же верная гибель! Бить по доту надо прямой наводкой из лоцины, которая с трех сторон окружена и простреливается немцами. Успеть бы пару залпов сделать — сметут! Но делать нечего, приказы не обсуждаются, тем более — боевые. Построил батарею. «Так, мол, и так, ребята! Пришел наш час... Бой будет решительным, но коротким, как на крейсере «Варяг». Поэтому всем переодеться в чистое».

Еще раз вглядываюсь в карту, как в шахматную доску. Жестокая игра пойдет: размен фигурами — за дот жертвуют нашей батареей.

Выдвигаемся, тягачи впряглись в орудия, заревели моторы — поехали. Сосредотачиваюсь на главном: только бы успеть по доту врезать, хотя бы залпа три дать — фугасными — по амбразурам. Может, и замолчит дот?.. Тут, как у Пушкина в «Руслане и Людмиле» — торчит посреди поля бетонная башка — в Севастополь не пускает, и надо ее срубить. А батарея наша — как витязь на распутье: направо пойдешь — убитому быть, налево — то же самое. А уж прямо поедешь, так это прямо в лоб, в орудийные щитки... В общем — обстановочка. Хоть бы прикрытие дали! Не дали... Одно у нас прикрытие — орудийные щитки да силы небесные. А помирать не хочется — май в Крыму — самая благодать. Все в маках, а мне кажется — кровью все вокруг забрызгано. И все вокруг поет, залива-

*152-мм гаубица
ведет огонь
по противнику
в Польше.
2-й Белорусский
фронт*

несмотря на пальбу. Обидно, конечно, — столько провоевали, уже и войне конец виден, а тут на тебе — черный жребий выпал. Ревут мои «буссинги», катит батарея на свою последнюю позицию... Но ведь есть же Господь на небе! А может, мама отмолила меня... Догоняет батарею мотоциклист-посыльный и сообщает: «Отбой! Задачу не выполнять! Немцы дот оставили». Вот так стремительно порой менялась обстановка. На войне как на войне!

Вошли в Севастополь 9 мая. Как победу в этот день напороочили!

Всего за годы войны навидались, но такого не видел: сплошные руины, каменные коробки, скелеты домов, ободранные до живой древесины деревья... Конечно, тут и наши снаряды свой след оставили... И все равно, даже в руинах Севастополь был красив. Сквозь пробоины в стенах, сквозь пустые глазницы окон ослепительно голубело море...

Встали лагерем в ожидании переброски на материк. А вокруг пленные румыны шастают, и столько их, что никаких конвоиров не хватает. Пошел как-то на родник за водой, а

Огонь тяжелой артиллерии

навстречу по горной тропе дюжина румынских солдат с полными ведрами идет, и один из них меня оттолкнул. Вот такой наглости стерпеть не смог — ах, ты, гад, ты же пленный, а русского офицера толкаешь: как врезал ему рукоятку пистолета — тот «с копыт». Все остальные тут же посторонились, стали во фронт, честь отдают. Ну, что тут скажешь? Рабская психология, только силу понимают!

...К концу войны людские мобресурсы были так истощены, что стали призывать на фронт даже уголовников из трудовых лагерей. Так мой дивизион инструментальной разведки однажды пополнили блатной братией. Все, как в песне — «Их было

двенадцать разбойников, и с ними атаман Кудеяр». Не знаю, какими разбойниками они были на воле, но по лицам — ворье и жулье, это уж точно. А «атаман Кудеяр» — типичный «пахан», одетый хоть и в солдатскую форму, но пошитую из добротного офицерского материала, и вместо кирзовых сапог щеголял хромовыми. В первый же день он подошел ко мне и ухмыльнулся:

— Ну что, капитан, дивизионом вместе будем править?

Я слегка опешил, но быстро нашелся:

— Правят биндюжники своими колымагами, а дивизионом командуют. Вместе будем от пуль кланяться, а уж с остальным я как-нибудь сам справлюсь.

— Ну-ну, ни пулям, ни начальству я никогда не кланялся, и впредь не буду! — сказанул и ушел к своей банде.

Все его двенадцать солагерников готовы были выполнить любое его приказание. Вот уж точно — «чертова дюжина»! И справиться с этой группой практически было невозможно. Разбить ее по батареям? Все равно будут якшаться и слушаться своего «пахана» больше, чем прямых командиров. Доложить командиру бригады, мол, так и так, вместо пополнения бандитов прислали? Но комбриг известно, что скажет: «перевоспитывайте! На то вам и дисциплинарный устав дан. Других людей у меня нет!» Перевоспитаешь их тут! Как волка не воспитывай, все равно в лес убежит. Да еще и тяпнет при случае. И эта братва при первом же удобном случае пулю в спину пустит или финку в бок всадит — у каждого ножи, штыки, заточки — в лагере все это запретно, а здесь вроде как бы для рукопашного боя.

Ну, ладно. Пошел я как-то на передний край рекогносцировку проводить. И «пахана» с собой взял:

— Раз в командиры рвешься, идем на рекогносцировку.

Спустились в траншеи. А там, с той стороны, немецкий снайпер работал. Идем, пули посвистывают, я пригибаюсь, а «пахан» — нет, гордыню выказывает. Ну, ладно — все до поры до времени. Выходим на участок, где можно пройти, только при-

*Капитан Пудов (крайний справа)
с боевыми друзьями*

гнувшись почти до самой земли. А он как на параде шагает. Даже каску не надел. Ну и снял его снайпер в один момент! Пуля висок прошила — и труп на дне траншеи. Вызываю его братию — забирайте своего «пахана». Унесли и тут же, без жоака, присмирели, точнее, затаились до поры до времени. И ведь дождались своего часа!

Закончилась война. Мы стояли под Берлином в городе Ратенау. Нашу артбригаду расформировали. Мне поручили организовать сдачу оружия, а также сдать Боевое знамя в штаб корпуса. Все сдал, все

По Берлину — огонь!

исполнил. Меня назначили начальником полковой школы. А личный состав остался за штатом, то есть без должностей, без дела. Ну, и пак-ек, соответственно, урезали. И тут прошел слух, что какие-то солдаты грабят пригородные поезда, идущие в Берлин. Входят эдакие молодчики в вагон с двух сторон, и давай чистить пассажиров. Просто бедствие какое-то! А главное, какую тень они на нас, победителей, бросают. Подозревал я, что без моих «орлов» дело не обошлось. За дело взялись особисты. Переоделись в штатское и сидят в вагоне вместе с пассажирами. И тут налетчики. Не ожидали они, что нарвутся на людей с оружием. Взяли их всех. Оказалось — те самые «зэки», что прибыли к нам с пополнением. И поеха-

ли они снова в те места, откуда призывались...

О ЗАГРАДОТРЯДАХ

Сколько ужасов и всякого вранья понаписали о них те, кто пороха не нюхал и о войне знает из третьих уст — понаслышке. А теперь я скажу — фронтовик с сорок первого года: заградительные отряды были нужны, они делали благое дело. Еще раз повторю — никто не косил из пулеметов отступающих бойцов. Вот то, что я лично видел. Лето 1942-го... Бегут с поля боя красноармейцы — в полной панике, в животном безумстве. Какой-то майор-пехотинец с наганом в руке пытается их остановить. Стреляет сначала в воздух, кричит, матерится... Все

*Капитан
Николай
Пудов*

бегут мимо него. Тогда он стреляет в ближайшего солдата. Тот падает, а драп продолжается. Еще в одного стреляет — бесполезно... Так вот, чтобы таких расстрелов сгоряча не было, стояли заградотряды. Тут уж мимо точно не пробежишь — остановят, направят в сводную роту из таких же беглецов, и снова в бой или в оборону. Расстреливали только самых оголтелых паникеров, которые увлекали за собой других...

Мне тоже приходилось останавливать беглецов. Не могу назвать их дезертирами, поскольку они не прятались, а сдавали позиции. Это другое. Они же потом их и отбивали. Так вот, бежит толпа красноармейцев. Я перекрываю им путь вместе со своими бойцами. Мы не стреляем, мы просто ставим им подножки. Они падают и... приходят в себя, ударившись о землю. Главное — сбить панику. Встают, чертыхаются,

отряхиваются — но все делают осмысленно, в глазах исчезает безумие... Все — вот теперь с ними можно снова воевать, ставить в строй. И никаких наганов, расстрелов, крика, крови, мата... Вот так и воевали поначалу.

1945 год. Войска нашего 1-го Белорусского фронта успешно продвигаются вперед — уже по территории Германии. А мы пока в Польше. Но немцы еще взбрыкивают отчаянно, не расслабишься. Еду со своим замом, старшим лейтенантом Фесенко, на «виллисе», вдруг впереди — немцы! Человек двадцать пять с автоматами. Стоят, но не стреляют. А нас трое. На всякий случай достаю пистолет. Если что, продадим свои жизни дорого... Подходит к машине обер-лейтенант и на ломаном русском объясняет, что они сдаются в плен. Но в плен хотят попасть именно к русским, а не к полякам. Были наслышаны, что поляки относятся к немцам очень жестоко. Куда их девать? Что делать? Прошу у обер-лейтенанта листок бумаги, тот вырывает страничку из полевого блокнота. Рисую схему местности — где найти наших, и подписываю: «Эти немцы сдались в плен. Капитан Пудов». Офицер доволен, я тоже. Расходимся без проблем: они — на восток, а мы — на запад.

Последний бой... Наш 1-й Белорусский фронт придвинулся почти к самому Берлину. 2 мая сдался

в плен генерал Гельмут Вайдлинг, военный комендант Берлина. Однако уличные бои продолжались еще пару дней. Но самое главное — к Берлину рвалась на прорыв блокады 12-я армия вермахта, которой командовал генерал Венк. По приказу Гитлера она должна была совершить марш-бросок из Австрии, и, слепо выполняя приказ уже мертвого фюрера, 12-я армия изо всех сил рвалась к Берлину. Мою батарею развернули на запад, чтобы встретить огнем противника.

Немцы очень хорошо подготовились к обороне. На перекрестках лежали штабеля фаустпатронов. Мы тоже ими пользовались, стреляли по окнам, в пригородах, по подвалам кирпичных домов, откуда вели огонь... Нужно было выкуривать немецких автоматчиков. Мы все время перемещались с места на место. Нам выдали карты Берлина и окрестностей с названиями населенных пунктов и улиц на немецком и русском языках. Одну из таких карт я храню до сих пор, как «сертификат» на победу. Вот она, почернела даже, это потому, что я ее за голенищем сапога носил.

7 мая наша бригада вышла к неширокой речке, что на юго-западе от Берлина. Название уже и не вспомню. Сколько таких речек форсировали за войну...

Заняли огневую позицию: четыре 152-миллиметровые гаубицы и человек сто батарейцев. Готовимся к бою.

Прямой наводкой!

12-я армия уже была сильно рас-
сеяна, мы теперь имели дело с от-
дельными батальонами. На противो-
положном берегу — километрах в
двух-трех — зарывались в землю
две или три роты. В бинокль хорошо
видел, как они окапываются... Ко-
мандир стрелкового батальона ска-
зал мне: знаешь, война вот-вот за-
кончится, а нам нужно переправить-
ся через эту реку, тут без потерь не
обойтись. Жаль бойцов терять под
самый конец войны... Я его обнаде-
жил: «Не горюй, у нас полно боепри-
пасов, положишься на меня, а там вид-
но будет...» Изучаю немцев в би-
нокль. Смотрю: у них ни дзотов, ни
бункеров, прячутся за кустами, око-
павшись на песчаном склоне. Ну и
врезал я по ним рикошетом!

Светило солнце. Мы начали око-
ло восьми утра и стреляли прибли-
зительно полчаса. Это были мои по-

следние выстрелы на войне. Затем
мы вброд перешли реку. Не прозвучало ни одного выстрела. Мы обна-
ружили около двух десятков убитых.
Немцы отошли, а наши пехотинцы
преследовали их какое-то время. Во
время этого преследования от вы-
стрела снайпера погиб командир
одной из рот. Вокруг — торжество:
Победа — все ликуют. А у нас похороны... Слава Богу, последние...

8 мая мы пришли в ка-кую-то
деревню на Эльбе. Там было не-
сколько пивных, а в них полно пе-
реодетых военных. Все уже были в
гражданском, но, судя по осанке,
это были офицеры. Я не занимался
расследованиями, это дело особис-
тов. Бюргеры спокойно сидели в
своих пивных, пили кофе, они уже
не были противниками. Переодетые
солдаты — это не противник. Хоро-

шо помню, что немцы были очень запуганными. В населенных пунктах везде были плакаты: огромное ухо — мол, враг подслушивает, и красноармейцы с окровавленными когтями вместо ногтей. Это запугивание ужасным образом отразилось на психике немцев. Многие хотели бежать, но куда?

Многие города обезлюдели. Иду по такому городу-призраку, а на улице перед пивной лежит старая женщина с тарелкой в руках. Мы вошли в дом: за столом сидят три маленькие девочки и молодая женщина, все мертвые. Мать их отравила и себя тоже. Как такое возможно?

Они думали, что придут звери. Лишь после войны немцы поняли, кем мы были на самом деле. В России есть правило: лежачего не бьют. Зачем мне было мучить женщин и детей? Ненависть, что накопилась в нас за годы войны, ослабла. Конечно, были мстительные люди, особенно среди тех, кто потерял в Советском Союзе семьи. Но за грабежи и изнасилования строго наказывали, во всяком случае, в моих частях.

В тот же день поступил приказ двигаться в сторону Берлина. Война официально кончилась. Ночь на 9 мая мы провели в каком-то лесу в 15 километрах к востоку от Эльбы, там у нас был штаб бригады. Ночевали в шалашах.

Не столь давно корреспондент популярного немецкого журнала «Шпигель» брал интервью у Николая Пе-

тровича Пудова. Корреспондент спросил его:

— Где вы были, когда Гитлер покончил с собой?

— Гитлер меня как командира батареи не особенно интересовал.

— А кто вас интересовал?

— Противник. Где противник, куда нам стрелять, кто стоит у нас на пути?

В этом весь Пудов.

Биографическая справка:

Николай Петрович Пудов родился 12 декабря 1921 года в деревне Поповка Можайского района Московской области в крестьянской семье.

В 1939 году окончил 10 классов средней школы, после чего добровольно поступил в 1-е Московское артиллерийское училище, которое окончил в мае 1941 года, получив специальность фотограмметрист-дешифровщик артиллерийской инструментальной разведки. По окончании училища был направлен командиром топографического взвода 25-го корпусного артполка в Закавказском военном округе.

Принимал участие в параде на Красной площади 1 мая 1941 года.

С сентября 1941 года принимал участие в боевых действиях Северо-Кавказского фронта при оборудовании оборонительного рубежа под Махачкалой. Затем участвовал в десантной операции в Крыму.

С мая 1942 года в составе отдельной приморской армии прини-

*Полковник
в отставке
Николай
Петрович
Пудов
в 99 лет*

мал участие в обороне Новороссийска, при освобождении Кубани, Таманского полуострова, прорыве «Голубой линии» немцев. После ранения и излечения в госпитале был назначен командиром батареи 62-й артиллерийской бригады, в составе которой освобождал Крым, Севастополь, участвовал в операции «Багратион», при форсировании Вислы, Одера, а затем в Берлинской операции.

Войну закончил 7 мая 1945 года на реке Эльбе командиром батареи 62-й артиллерийской бригады в звании капитана артиллерии.

После войны продолжил службу в Советской армии. Перешел в противовоздушные войска. Исполнял обязанности командира полка, прослужил 10 лет в штабе ПВО Бакинского округа.

Вышел в отставку в звании полковника. □

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ
ЧТОБЫ ПОМНИЛИ
ЧТОБЫ ПОМНИЛИ

Геннадий Гусаченко

Новосибирская обл., г. Бердск

В память о них зажгите свечу...

Лет пятнадцать назад сплавлялся я на плоту вниз по Оби. Поздним вечером пристал к заросшему ивняком берегу. Четыре бревенчатые избы на нем, черные, нежилые — это все, что осталось от села Тополевая пристань, крохотным кружочком отмеченного на карте Томской области. Судя по водонапорной башне, длинным, завалившимся изгородям из жердей, пустым складам, заброшенной кузнице, сельхозорудиям, ржавеющим возле нее, силосным траншеям и коровнику, Тополевая пристань была колхозной деревней. Из каких соображений бывшие жители так ее называли — непонятно: одни сосны здесь, березы, и ни одного тополя.

Я привязал плот к таловому кусту и пошел вдоль заросших бурьяном заборов, чтобы размяться после долго сидения у руля. В блеклых лучах заката сиротливо белел на взгорке невысокий обелиск — памятник сельчанам, не вернувшимся с войны. Низенькая загородка вокруг него разрушилась от времени и дождей, краска облезла на ржавой звездочке. Сорная трава густо проросла в почерневшей оградке, калитка в которой давно никем не открывалась. Прискорбно выглядели на потемневшей штукатурке памятника фамилии тополевцев, навсегда ушедших отсюда в грозном 41-м. Кто вспомнит об этих героях-защитниках Родины, отдавших за нее самое дорогое — жизнь? Кто скосит траву и побелит памятник? Кто положит букетик полевых ромашек на его постамент?

В глубоком раздумье стоял я у памятника тем, кто гулял по этому берегу, работал в колхозе, жил, любил, смеялся, веселился на деревенских праздниках, с надеждой на возвращение уходил на фронт. 24 фамилии безмолвно напоминают о них. Многие буквы выцвели, смылись дождями, но все же в сумерках угасающего дня я смог разобрать восемнадцать фамилий.

С охватившим меня тревожным чувством тоски, печали, безысходности, щемящим душу, я стоял с непокрытой головой у памятника, всеми забытого. С каждой минутой становилось темнее, и нужно было позаботиться о ночлеге, заготовить сушняком для костра. Второпях, обжигая руки крапивой, я наскоро оборвал бурьян вокруг оградки, наломал букет буйно цветущей поблизости черемухи и шиповника и возложил его к подножию скромного обелиска, установленного, исходя из начертанной на нем даты «9 мая 1975 г.», к тридцатилетию победы в Великой Отечественной войне...

Ранним утором, зябко поеживаясь от речного холода, я выбрался из палатки, достал из отцовского фронтowego планшета походную общую тетрадь, карандаш и, пристально вглядываясь в буквы на обелиске, переписал фамилии погибших воинов — шесть из них так и не смог прочесть. Я не знал, зачем это делаю. Слезы наворачивались на глаза, когда одну за другой списывал фамилии с памятника. «Эти трое и те двое — братья... И эти двое — тоже... А это, наверное, отец и сын... Фамилии их стерлись, только инициалы... И.П. В.И... — предположил я по оставшимся буквам.

«Чтобы знали... Чтобы помнили...» — твердил я, сдерживая дрожь то ли от утренней свежести, то ли от прикосновения к святости, к вечности, к минувшему, хранящим тайны гибели безвестных мне героев, плач и стоны их матерей, жен, детей, сестер, невест. Вглядываясь в надписи, я живо представлял себе перекошенные страхом лица женщин, бравших письма из рук почтальона, словно слышал их отчаянные крики, разносившиеся в избах, где на столах рядом с ломтями хлеба и чашками с молоком и горячей картошкой лежали безобидные на вид бумажки — «похоронки». «...Пал смертью храбрых...» — сообщалось в них, и истеричный вопль оглашал очередную избу, не избежавшую жестокого удара войны. Этот крик, как ножом, пронзал сердца женщин Тополевой пристани, и скоро вся деревня сотрясалась в неутешных рыданиях. Я словно воочию видел перемазанных сажей, в залатанных штанишках и рубашонках ребятишек, заплакавших от испуга, не понявших, почему вдруг с воем упала на кровать мама.

«Вот оно, эхо войны...» — подумалось мне, когда мой плот, увлекаемый течением и подгоняемый ветром, закачался на обских волнах. «Чтобы знали... Чтобы помнили...» — повторял я, запикивая тетрадь и планшет в рюкзак. Где, когда и как я собирался придать огласке фамилии тополецев, об этом не думалось. И вот, в преддверии очередного Дня Великой Победы, вспомнился мне затерянный на обском берегу обелиск. Я лихорадочно перевернул кипы старых журналов, газетных подшивок, пожелтевших рукописей, блокнотов в поисках той походной. «Где-то должна быть... Неужели выбросил... Нет... Не прощу себе этого...» — бормотал я, перелистывая очередную исписанную тетрадь. Но вот она! В коленкором переплете,

чуть заплесневелая, подмоченная во время долгого путешествия на плоту от Новосибирска до Салехарда и далее на теплоходе до Карского моря. Господи! Как я благодарен самому себе за то, что сохранил тетрадь, а, главное, за памятную запись, сделанную в туманное и холодное утро на берегу Тополевой пристани: «Чтобы знали, чтобы помнили!»

Вот они, перед вами, дорогие читатели! Люди из никому не ведомой приобской деревни, отдавшие жизнь во славу Отечества. Теперь они будут жить вместе с нами в этих скромных строках.

Усольцев А.В.

Усольцев И.В.

Усольцев Ф.В.

Шантин Г.А.

Шантин И.А.

Савран И.Ф.

Савран А.Ф.

Букша Д.И.

Буйнов И.И.

Ремыга П.И.

Дубровин А.И.

Гоношенко П.В.

Москалюк А.И.

Михайлов А.С.

Цибуленко А.И.

Журавлев Ф.И.

Неводчиков И.Я.

Серебренников И.П.

Вечная слава героям, павшим за Отечество! Помолитесь за убиенных воинов, люди, помяните их словом Божиим! И в память о них зажгите свечу...

Амаяк Тер-Абрамянц

Москва

Валя Муга

Во время войны мой отец работал военно-полевым хирургом, прошел сквозь Ленинградскую блокаду от первого до последнего дня. В последующем их госпиталь бросали под Нарву, а потом на острова Выборгского залива. Финны дрались отчаянно, наши позиции, в том числе и госпиталь, где работал отец, бомбила их авиация (возможно, и немецкая). От того времени и сохранилась эта красноармейская газета с заметкой о моем отце Абрамянце Павле Леонтьевиче. Дивизионная газета «За нашу Победу!» №109 от 10 августа 1944 года.

«Воин благодарит врача»

В жестоком бою с лахтярами (очевидно, так тогда называли финнов, «лахти» — по-фински — залив) тяжело ранило лейтенанта Сысоева. Спасая жизнь отважного командира, хирург Абрамянц произвел сложную операцию. Затем Сысоева направили на дальнейшее излечение. Недавно он прислал письмо.

«Спешу, — пишет т. Сысоев, — передать вам привет и поблагодарить за спасение моей жизни. Я сейчас нахожусь на излечении в госпитале. Здоровье мое улучшается. Здесь многие врачи радовались, что мне так хорошо сделана операция и интересовались, кто ее произвел. Прошу передать привет всем вашим работникам. Лейтенант И.Сысоев»

Лейтенант Сысоев, оперированный в бессознательном состоянии, выжил чудом и не мог знать обстоятельств своей операции. Отец рассказывал мне об этом случае и написал о нем в своих «Воспоминаниях военно-полевого хирурга», изданных в Санкт-Петербурге его внуком, доктором медицинских наук Серповым Владимиром Юрьевичем:

«Ассистировал мне недавно прибывший хирург К. Попов, у инструментального стола работала медицинская сестра В. Муга... И. Сысоев находился в бессознательном состоянии... На заключительном этапе операции... медсанбат подвергся вражескому авиационному налету. Операционная сестра Валя Муга, стоявшая рядом и протягивающая мне хирургический инструмент, с криком рухнула и мгновенно скончалась от осколочного ранения в голову...»

В беседе со мной отец рассказал, что было дальше. Несмотря на погибшую медсестру и продолжающуюся бомбежку, операция продолжалась: прервать операцию и оставить операционный стол, по тогдашним законам, было равносильно оставлению боевых позиций и каралось той же мерой — «высшей». Но в какой-то момент стены операционной зашатались, отец вместе с ассистентом схватили операционный инструментарий, ухватили лежащего на простыни Сысоева и выскочили из здания, которое тут же обрушилось. Они бросились в ближайшую земляную щель и там, в совершенно диких, антисанитарных условиях, в окопе с осыпающимися стенками, закончили операцию. Они и представить не могли, что Сысоев выживет!

Отец всегда писал скупой, сухо, по-деловому, вычищая все личное, выбрасывая порой факты бесценные, а на этот раз вдруг позволил себе едва ли ни единственное на все воспоминания о войне лирическое отступление.

«На другой день, когда время близилось к вечеру, бои уже затихли. В небе плыли и громоздились серые тучи. С моря веяло прохладой, мы с тягостным чувством утраты провожали в последний путь нашу медицинскую сестру, павшую при спасительной операции раненого. На острове Урансари, недалеко от медсанбата, в сосновом лесу под сенью густо повисших разветвленных сосновых крон мы насыпали прощальный холм, воздав долг воинской почести залпами в воздух из личного оружия. На душе было муторно. Заметно уже опустились сиреневые вечерние сумерки. Казалось, окружающие деревья задумчиво и печально шепчут о чем-то. Мне

говорили, что иногда Валю заставляли в намеренном ее уединении, глухо плачущей по погибшим родным (отец и мать погибли в море при трагической эвакуации из Таллина). Пусть эти строки будут данью глубокого уважения памяти не забытой и безвестной В. Муги, чья жизнь оборвалась молниеносно в неполных 19 лет... Знал ли лейтенант Сысоев, какой ценой он был спасен, — мне неизвестно».

Муга — странная фамилия, наверное, эстонская, в ней отзвук русского слова «мука», в ней что-то грустное и туманное...

В течение своей жизни я не раз вспоминал эту девушку, пропавшую в мясорубке войны, пытался ее представить, и тем самым, как мне казалось, будто не давал ей сгинуть из памяти человеческой окончательно и бесследно.

А вы говорите — «гаджеты», «апгрейды», «унисекс», «бабло»... Лучше произнесите вслух или про себя: «Валя Муга...» — и помолчите несколько секунд.

Евгений Мосолов

Екатеринбург

Портрет Илюшки

У бабушки, в квартирке скромной,
На белом полотне стены
Висел, я с детства это помню,
Портрет, оставшийся с войны.

С него глядел мальчишка грустно
В пилотке, форме рядовой.
Глядел открыто так, по-русски,
И мне казалось, как живой.

Я знал, зовут его Илюшка,
Что это мамин старший брат,
Который не пришел с войнушки
Когда-то много лет назад.

Он только что закончил школу.
Среди ребят в своем дворе
Вратарь был лучший по футболу,
Защитник брату и сестре.

С младых ногтей привык к работе —
То урожай, то сенокос.
Любому делу был не против,
Помощник папке с мамкой рос.

Но громом грянула в июне,
Как туча черная, война.
И дня рожденья накануне
На фронт послали пацана.

Илюшка, парень смелый, крепкий,
В бои на Курскую дугу
Попал он сразу из учебки —
Отпор достойный дать врагу.

И в той кровавой адской каше
Железа с мясом мамин брат
Был признан «без вести пропавшим»,
Как тысячи других солдат.

Пропавшим в грудях рваной стали,
В земле, пылающей огнем.
Напоминанием осталась
Лишь фотография о нем...

В простецкой деревянной раме
Знакомый с детства тот портрет
В вещах, когда не стало мамы,
Нашел я через много лет.

Со мною рядом были внуки
(Ведь я уж дедушка. А то!..)
И, протянув к портрету руки,
Спросили: «Деда, это кто?»

Я, не скрывая, все поведал
О том, что про Илюшку знал.
Как он за Главную Победу
И за Отчизну жизнь отдал.

Словно воробышки притихши,
Ребятки слушали рассказ.
Молчком, дыханье затаивши
И с деда не спуская глаз.

Едва-едва рассказ дослушав,
Пристали с просьбою ко мне:
«Дедуль, давай портрет Илюши
У нас повесим на стене!»

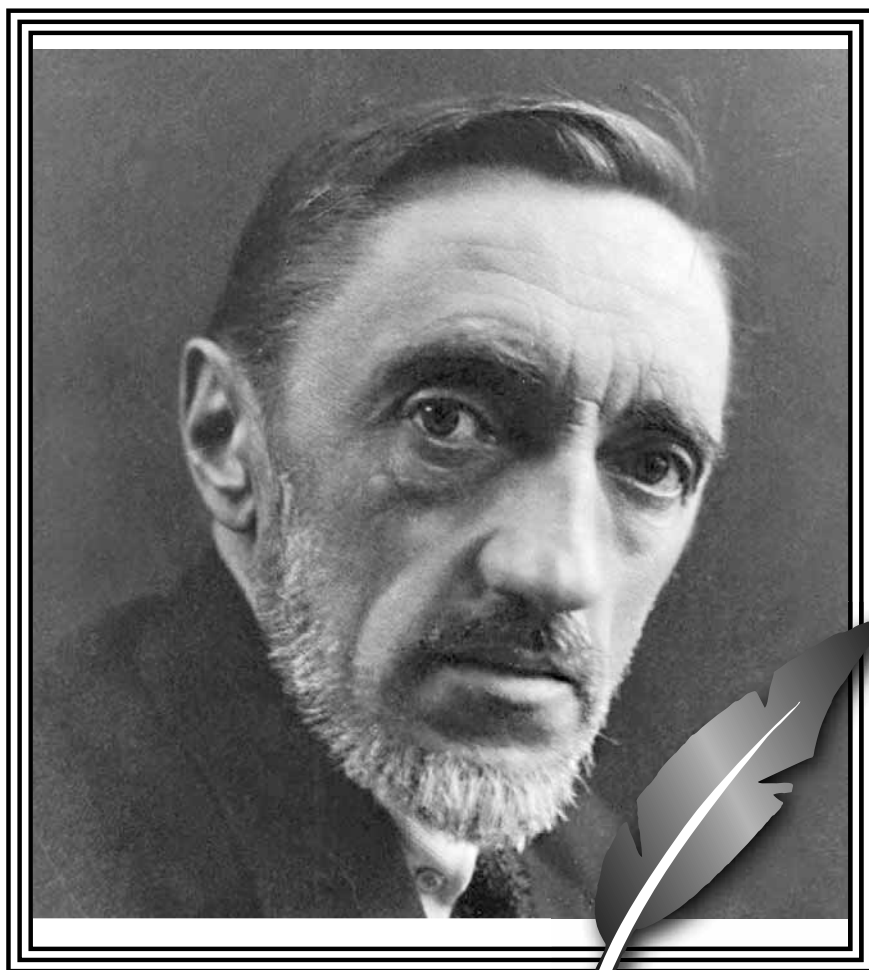
И с того дня портрет солдата
(Чуть нарушая интерьер)
Стал со стены моим внучатам
Отчизне верности пример.

Когда внучки свои игрушки
Разложат на полу горой,
Взгляд веселеет у Илюшки,
Мне даже чудится порой... □

«Духовный реализм» Ивана Шмелева

Есть в русской литературе писатели негромкие, но особенному задушевные, умеющие говорить о главном в жизни и оставляющие в памяти теплый немеркнущий свет. Таким писателем был Иван Сергеевич Шмелев.

Известность пришла к нему еще до революции, однако его главные произведения были созданы уже в эмиграции — трагическая эпопея «Солнце мертвых» и радостный гимн традиционному национальному укладу существования «Лето Господне». «Среди зарубежных писателей Шмелев самый русский», — свидетельствовал крупный поэт-символист, также оказавшийся на чужбине, К. Бальмонт.

Выросший в строго православной семье, Шмелев много писал о религиозном самосознании и традиционной духовности соотечественников. Отторгнутый от Родины, он видел в этом залог будущего возрождения России, ее великого народа, который, по определению автора, «мог все».

Близкий друг Ивана Бунина, он дважды выдвигался в эмиграции на Нобелевскую премию, которую суждено было получить Бунину.

В кровавом восемнадцатом году писатель, шатаясь от голода, пришел в хлебную лавку обменять продовольственные карточки на ржаной ломоть. Неожиданно его тронул за плечо какой-то небритый

семье было шестеро детей. Вечерами все вместе читали Евангелие, по воскресеньям ходили в церковь и исправно молились. После смерти мужа, чтобы поддержать достаток семьи, мать сдавала верхний этаж их дома постояльцам. При этом была женщиной строгой и раздражительной, за малейшую провинность детей нещадно пороли. Но и об их образовании Евлампия Гавриловна пеклась неустанно и отдала Ивана в Первую московскую гимназию — одно из самых престижных учебных заведений, куда конкурс доходил до 40 человек на место.

Тем не менее, Ивану там не понравилось. «Меня подавили холод и сушь... Холодные сухие люди. Много слез днем и ночью, много страха». В классе он оказался одним из отстающих, и спустя три месяца мать перевела его в Шестую московскую гимназию рядом с Третьяковской галереей. Учителем словесности там был Федор Цветаев, дядя Марины Цветаевой. В отличие от других преподавателей, он давал на занятиях ученикам свободу творчества: они могли сами выбирать тему и жанр письменных работ. Цветаев первым заметил несомненный литературный талант Шмелева, поставив ему за сочинение «Летний дождь в лесу» пятерку с тремя плюсами. Одаренный ученик пробовал писать и фантастику — его рассказик про путешествие учителей на воздушном шаре к Луне передавали в школе из рук в руки.

А вскоре подросла пора первой и, как выяснилось, счастливой на всю жизнь любви. Весной 81-го Иван познакомился с Ольгой Охтерлони. Она училась в Санкт-Петербургском патриотическом институте, принадлежала к древнему обедневшему дворянскому роду и вскоре переехала в Москву. Влюбленный юноша стал теперь каждый день ходить к ней в гости, пропуская занятия в гимназии, и, чтобы не быть отчисленным за прогулы, писал от имени матери объяснительные записки. Обман вскрылся, однако наказания удалось избежать, поскольку за провинившегося гимназиста вступился Федор Цветаев.

Спустя три года возмужавший Иван Шмелев написал вполне взрослый рассказ «У мельницы» о рыбаке, чью жену насильно увел барин. Рассказ отправил в журнал «Русское обозрение», там его приняли и через 11 месяцев напечатали. Литературный дебют замечательного русского писателя успешно состоялся. А на следующий год он, будучи уже студентом юрфака Московского университета, женился на своей избраннице. Начиналась новая, неведомая жизнь.

Медовый месяц по просьбе крайне религиозной новобрачной молодая супружеская чета провела не на кавказских курортах, как было принято, а на острове Валаам. По дороге заехали за благословением старца Варнавы в Троице-Сергиеву лав-

ру. Вернувшись из поездки, Шмелев написал цикл очерков «На скалах Валаама».

Судьба этих очерков примечательна. Восхищаясь монастырскими иноками, силой их духа, автор в то же время не скрывал своего неприятия монашеского отречения от мира. Это тогда было очевидной «краснотой». В редакции «Русского богатства», где вышел первый рассказ Шмелева, его попросили внести в

нахов. Увы, жертва оказалась напрасной: книга не пользовалась спросом. Издание пришлось продать букинисту. После этого Иван Сергеевич долго ничего не писал, твердо усвоив для себя, что идти на уступки цензуре в ущерб правде нельзя.

Жизнь, между тем, Шмелева не баловала. В 1897 году родился сын Сергей. Семья жила очень скромно, но денег все равно не хватало, и в свободное от учебы время Иван под-

---

Ч

итательский успех ранней прозы Шмелева привел его в элитарное объединение «Среда», члены которого собирались по средам на частных московских квартирах и в которое входили и М. Горький, и Н. Телешев, и Л. Андреев, и С. Скиталец, и И. Бунин, и даже Ф. Шаляпин. С Буниным Шмелев особенно сблизился, их дружба продолжилась и в эмиграции, где оба осели в Париже

очерки необходимые исправления. Писатель отказался и в 1897 году опубликовал цикл за свой счет. Однако читающая публика сборника не увидела — весь тираж арестовали по распоряжению обер-прокурора Святейшего синода К. Победоносцева, того самого, о котором Блок сказал в стихах: «Победоносцев над Россией простер совиные крыла». Шмелева вызвали в Цензурный комитет, и после двух встреч с его главой, князем Н. Шаховским, он, скрепя сердце, согласился исключить из очерков 27 страниц, в которых упоминал о пьянстве и лицемерии мо-

рабатывал частными уроками. Причем к ученикам из экономии ходил пешком, даже если надо было добираться в другие районы огромного города. Ну а год спустя он окончил университет и отправился отбывать двухлетнюю воинскую повинность.

Полегче стало после возвращения из армии. В 1901 году ему удалось получить место чиновника по особым поручениям Владимирской казенной палаты. Семья переехала во Владимир. Там Шмелев вновь вернулся к литературе и начал увлеченно писать детские повести и рассказы: «К солнцу», «Служители

правды», «Мэри» и другие. Тогда же началась его переписка с Горьким, которому он отправил на отзыв свою повесть «Под горами». Благожелательный отзыв кумира демократически настроенных читателей обнадежил молодого писателя.

Затем последовали повесть «Гражданин Уклейкин», новеллы «В норе», «Под небом», «Патока», в которых автор продолжил тему «маленького человека».

Читательский успех ранней прозы Шмелева привел его в 1909 году в элитарное литературное объединение «Среда», члены которого собирались вначале по средам на частных московских квартирах и в которое входили и М. Горький, и Н. Телешев, и Л. Андреев, и С. Скиталец, и И. Бунин, и даже Ф. Шаляпин. С Буниным Шмелев особенно сблизился, их дружба продолжилась в эмиграции, где оба осели в Париже. А в Первопрестольной они стали одними из пайщиков «Книгоиздательства писателей в Москве», просуществовавшего с 1912-го по 1920-й годы. Тесно сотрудничал Шмелев и с горьковским книгоиздательским товариществом «Знание» в Петербурге. На страницах сборника «Знание» 1911 года рядом с окончанием повести М. Горького «Матвей Кожемякин» увидела свет едва ли не самая популярная повесть Шмелева «Человек из ресторана». Сам автор и критика того времени часто называли эту повесть романом. Она посвящена жене писателя, Ольге Алек-

сандровне, а в качестве прототипа ресторана, в котором работает главный герой, выступает культовый московский ресторан «Прага». Повесть ведется от лица старого официанта Скороходова, чей сын с товарищами тайно читают ленинскую «Искру» и занимаются подпольной революционной работой. Это произведение достойно завершает первый этап творчества Ивана Шмелева, протекавшего, как у любого крупного художника той эпохи, под влиянием назревавшей революции, непримиримым противником которой он стал, увидев ее воочию.

В 1910-е годы творчество Шмелева получило широкое признание, как у читателей, так и в литературном мире. На семейном фронте у него тоже все было благополучно. С женой они жили душа в душу, рос радующий их успехами в учебе любимый сын. При этом писателя теперь все больше привлекали судьбы и характеры сельских жителей. Противопоставление городской и деревенской жизни, человека и природы, ее вечной красоты и безобразия общественных отношений являются центральной темой сборника шмелевских рассказов, выпущенного в 1912 году и мастерски продолжившего мотивы тургеневских «Записок охотника».

«Среднего роста, тонкий, худощавый, большие серые глаза... склонные к ласковой усмешке, но чаще глубоко серьезные и грустные... лицо русское, лицо прошлых веков, пожалуй — лицо старовера, страдальца». Такой портрет Ивана Шмелева дает чуткий, внимательный биограф писателя, его племянница Ю. Кутырина. Портрет очень точный, позволяющий лучше понять Шмелева-человека и Шмелева-художника, которому было свойственно сильное народное, даже простонародное начало, тяга к нравственным ценностям, по-детски наивная вера в высшую справедливость и одновременно — резкое отрицание несправедливости, социальной лжи.

В начале Первой мировой войны писатель создал серию реалистических очерков «Суровые дни» и про-

водил в армию сына Сергея, студента первого курса университета. Его идеализм, стремление к национальной гармонии при виде разложения правящих классов и бессилия монархии заставили Шмелева горячо приветствовать Февральскую буржуазную революцию. А вот последовавшая за ней Октябрьская революция повергла Ивана Сергеевича в ужас. В Москве усиливались облавы, бандитизм, беспорядки, и Шмелевы решили уехать жить в Крым.

Весь Восемнадцатый год Иван Сергеевич работал над повестью «Неупиваемая чаша» о набожном крепостном, ставшем художником. Повесть вышла отдельным изданием в 20-м, уже за рубежом.

В октябре 20-го передовые части Красной армии после упорных многомесячных боев ворвались в Крым. Сына писателя — Сергея, воевавшего на стороне белых, расстреляли. Родители ничего не знали о его трагической гибели и оставались еще два года в Алуште, надеясь найти Сергея среди живых. Работы не было, и им часто приходилось голодать.

Стараниями московских друзей в ноябре 1922 года удалось выхлопотать Шмелевым разрешение на выезд из страны. Иван Сергеевич покинул Россию со слезами на глазах, в глубочайшей депрессии. Сначала они с женой отправились в Берлин, затем по приглашению Бунина — во Францию и все лето гостили на его вилле в Грассе.

Безнадежное поначалу материальное положение Шмелевых улучшилось, когда Ивану Сергеевичу назначили ежемесячную стипендию от фондов помощи русским литераторам в Югославии и Чехословакии. В Грассе, у Буниных, он написал свою знаменитую эпопею «Солнце мертвых». О том, чему сам был свидетелем — о братоубийственной войне, кровавых репрессиях и страшном голоде. Это произведение было переведено на разные языки, и автор приобрел европейскую известность.

Вскоре они с женой переехали жить в тихий приморский городок на юге Франции Капбретон. Там же обретались скандальный поэт-символист Д. Бальмонт и крупный ученый-богослов А. Карташев. Туда перебрался и генерал Деникин. Русские эмигранты жадно ловили вести с родины, устраивали литературные чтения, коротали вместе долгие вечера. Под влиянием этих «посиделок» Шмелев написал в 1927 году рассказ «Чертов балаган», где определил два пути для российской интеллигенции после Октября: либо эмигрировать, либо оставаться дома и ценой собственной жизни работать на благо народа, способствовать его просвещению и культурному развитию. Думается, он глубоко сожалел, что выбрал первый, а не второй путь.

Несмотря на относительно благополучную жизнь во Франции, стареющий писатель неотрывно возвращался мыслями к России. «Воздуху мне нет, я чужой здесь, в этой страш-

ной шумом Европе. Она меня еще больше дырявит, отбивает от моего...» — делился он в письме со своим другом, критиком В. Зеелером в начале 30-го. А с 33-го, помимо статей на страницах «Русской газеты», газеты «Россия и славяне», журнала «Русский колокол» и других периодических изданий, самозабвенно работал над своей главной книгой, написанной в эмиграции — «Лето Господне. Праздники — Радости — Скорби».

Автобиографическое повествование в книге ведется от лица мальчика Вани, сына известного по всей Москве купца-подрядчика, и в исключительно яркой, эмоциональной форме рассказывает о дореволюционном городском быте во время череды ежегодных церковных праздников, начиная с Рождества. Центральный эпизод периода взросления героя связан с паломничеством в Троице-Сергиеву лавру. Видная поэтесса, литературный критик и эссеист Серебряного века Зинаида Гиппиус, также выбравшая эмиграцию, в марте 35-го обратилась в письме к Шмелеву с такими словами: «Непередаваемым благоуханием России исполнена эта книга... Мало знать, помнить, понимать, со всем этим надо еще любить». «Лето Господне» страница за страницей открывает читателю удивительный мир простого русского человека, вся жизнь которого согрета теплой, по-детски простой, но вместе с тем искренней верой.

«...кап... кап-кап... кап... Засыпая, все слышу я, как шуршит по железке за окошком, постукивает сонно, мягко — это весеннее, обещающее — кап-кап... это веселая мартовская капель. Она вызывает солнце... Скоро и водополье хлынет, рыбу будут ловить наметками — пескариков, налимов — принесут целое ведро. Нынче снега большие... возьмется дружно — поплывет все Замоскворечье! Значит, зальет и водокачку, и бани станут... будем на плотиках

Варнавы», приуроченный к 30-летию со дня его кончины. Внимание к «сказу», тонкое знание переливов народной речи и бытовых подробностей отличает эти и другие произведения Шмелева позднего периода. На «сказе» также построен выпущенный в 1936 году роман «Няня из Москвы», написанный от лица героини, скромной простонародной женщины Дарьи Синицыной, оказавшейся в чуждом ей мире, где изживаются традиции, а души людей

*С женой
и сыном*

кататься... Конечно, весна взялась! Протираю глаза спросонок, и меня ослепляет светом... Да какой уж теперь и пост, если пришла весна».

В 1935 году Шмелев вернулся к теме Валаама, но уже с новым взглядом на аскетизм. В рассказе «Старый Валаам» он отдал дань глубокой вере монахов, которая придает духовный смысл каждому их действию. Той же теме писатель посвятил в следующем году очерк «У старца

неотвратимо опустошаются. Образ этот подан автором как спасение разрушающегося дома, гибнущей семьи и исконных нравственных ценностей. Преодоление хаоса внутри себя и обретение общей национальной памяти — таков смысловой контекст романа.

Неприметно подступала старость. В том же 36-м ушла из жизни Ольга Шмелева. Иван Сергеевич тяжело

переживал потерю супруги и, чтобы хоть как-то развеяться, совершил поездку в Латвию. Она, с одной стороны, обострила тоску Шмелева по России, а с другой — словно погрузила его в родную обстановку. Он слушал русские песни сапожников-балалаечников, панихиду в древнем соборе, побывал в Изборске, Печерах, на Псковщине, на побережье Псковского и Чудского озер. По сути, то была русская земля, временно отторгнутая от России.

Во сне ему часто являлась Ольга Александровна, звала в светлые дали, побуждала не предаваться отчаянию. Он ощутил помощь от покойной жены не только во сне, но и наяву. В марте 37-го навестил ее могилу и встретил на кладбище старика П. Васильчикова, который недавно похоронил 37-летнего сына и доживал век в Русском доме призрения. Тот рассказал Шмелеву случай, захвативший писателя и послуживший затем основой пронзительной

По Пушкину Шмелев сверял остаток жизни, воспринимая свое литературное творчество духовной миссией.

Ему писали поклонницы, ему были адресованы восторженные рецензии в печати, его встречали аплодисментами на публичных выступлениях. А он страдал от навалившейся после смерти жены тоски, от душевной и физической немощи, нервного истощения. К тому же писатель бедствовал настолько, что даже решил продать золотые часы — подарок матери

От тягостных мыслей отвлекали Евангелие, труды православных богословов, с некоторыми из которых писатель был близко знаком. В его письме философу И. Ильину от 31 июля 1936 года обращают на себя внимание следующие строки: «Полное опустошение, тупость, отчаяние... Вчера выл, зверем выл в пустой квартире. Молитва облегчает, как-то отупляет. Вера — я силой ее тяну, — не поднимает душу. Все — рухнуло».

новеллы «Глас в ночи». Здесь мы встречаем другого Шмелева — человека, страстно желавшего поверить в чудо и увидевшего в случайной встрече на кладбище с Васильчиковым чудесный знак, который был послан ему ушедшей женой. Собственно, житейским страстям, личному отчаянию герой-автор противопоставляет чудо спасения свыше. В новелле идет речь о взаимосвязи всего сущего и о том таинственном, что

порой происходит с людьми и что невозможно объяснить словами.

Некоторое облегчение от горечи потери отчасти принес писателю также «Свет вечный. Рассказ землемера», опубликованный, как и «Глас в ночи», в 1937 году в русской эмигрантской газете «Возрождение» (Париж) и посвященный философу Ильину. Герой рассказа — строгий, религиозный мужик Упоров, богатырь с сильной волей и голубоватыми волчьими глазами. Рассказчик же — землемер, объехавший с астролябией всю Россию, но по-настоящему узнавший ее лишь после встречи с Упоровым. Знакомство состоялось еще до войны: землемеру пришлось заночевать в доме Упорова. А следующая их встреча произошла весной 22-го, когда оба они оказались арестантами. Вина Упорова состояла в том, что мужик этот препятствовал изъятию церковных ценностей и подбил односельчан на бунт. Тогда-то землемер и увидел в его глазах «свет вечный», хотя земная жизнь Упорова с сыном заканчивалась...

«В России тяжело жить, но за Россию радостно умирать... Любящие Россию никогда не упрекнут ее в своих несчастьях. Россия выше государства, никакая система общественного устройства не может повлиять на Россию». Вот к каким неоспоримым выводам приходит автор «Рассказа землемера». Свет вечный в обреченном на гибель человеке — чудо, побеждающее смерть. Эта мысль была внушена писателю фи-

лософом Ильиным и не оставлявшей его в снах Ольгой Александровной, чья неземная мудрость казалась Шмелеву сродни пушкинской.

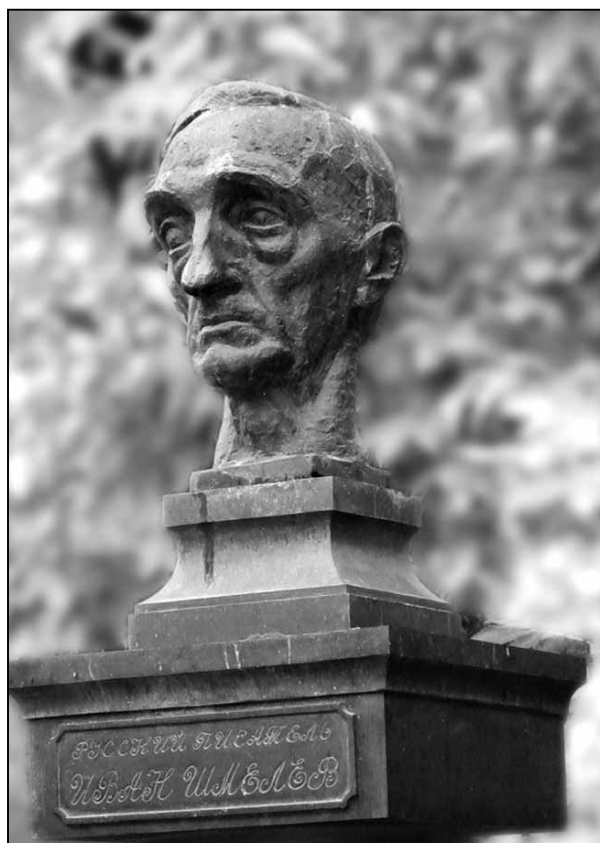
В Пушкине он находит путь к спасению в самые тяжкие минуты жизни, находя с его помощью побудительные мотивы творчества. Не случайно юбилейные пушкинские чествования 1937 года стали для писателя событием личной судьбы, этапом собственного духовного поиска и возрождения. Статью «Сынам России», посвященную столетию со дня кончины национального гения, доклад на торжественном заседании Пушкинского комитета в присутствии Карташева и Мережковского можно уподобить знаменитой Пушкинской речи Достоевского. Шмелев полагал, что Пушкин в условиях эмиграции оставался для русских изгнанников моральной и этической мерой, как бы благословив подвиг добровольчества. Вслед за Достоевским Шмелев говорил о «всемирной отзывчивости» русской души, наиболее полно воплощенной в Пушкине, подчеркивал его пророческую суть и веру в свободу, как высшую ценность человеческого бытия.

По Пушкину он отныне сверял остаток жизни, воспринимая свое литературное творчество духовной миссией. Ему писали поклонницы, признаваясь в любви, ему были адресованы восторженные рецензии в эмигрантской печати, его встречали аплодисментами на публичных выступлениях. А он страдал

от навалившейся в годовщину смерти жены тоски, от физической и душевной немощи, нервного истощения. Отказывало сердце. Больного Ивана Сергеевича мучила страшная слабость, он не мог поднять связку книг. К тому же бедствовал настолько, что решил продать золотые часы — подарок матери.

29 июня 1937 года у Шмелева остановилось сердце, он был близок к смерти. Умирать не боялся, но сознавал, что не может умереть, не закончив «Пути небесные», «Лето Господне». После возвращения из обители преподобного Иова почувствовал в большой квартире, в которой они жили с Ольгой Александровной, непереносимое одиночество, да и платить за нее было нечем. От квартиры отказался и сделался скитальцем по домам друзей, нигде не находя покоя. Мечтал поселиться в монастыре под Прагой и даже запрашивал въездную визу, собираясь отправиться туда по весне. Пока же, в начале 1938 года, по приглашению переводчицы его произведений, нашел приют в швейцарском замке-пансионе, где ему был обеспечен надлежащий уход.

Не прижился и там (горы чужие, православной церкви нет). Зато написал начало романа «Солдаты» и большую часть романа «Иностранец». Он был задуман им еще в 1927 году, главы из него публиковались на страницах журнала «Русские записки», издававшегося на средства российской эмиграции в Шанхае.

В романе поднимается тема русской культуры, ее укоренение в Европе и Америке. Увы, тему эту автор развить не успел. Однако успел выразительными чертами обрисовать образы главных героев — солистки русского хора Ирины Хартунцевой и ее мужа, Виктора, бывшего филолога, писавшего работу о Чехове, а также бывшего лейб-гвардии полковника, награжденного Георгиевским крестом, в Галиции раненного в грудь, человека с героическим прошлым, ныне работающего шофером. Есть в романе и бывший дипломат, ставший метрдотелем в черкеске, и колоритный полковник Одинецкий, который торговал в Константинополе пирожками (ну как тут не вспомнить генерала Черноту из булгаковской пьесы

«Бег»!), а теперь завел тысячу кур и выращивает в теплицах землянику...

Поселившись в Париже в комнате рядом с грохочущей автострадой, Иван Сергеевич уходил ночевать к одному из друзей. Мучившая его хворь на время отступила, и он, видя преследования философа Ильина в гитлеровской Германии, пришел к мысли о неизбежном крахе цивилизации. Гитлера называл антихристом. Сталин для него был не лучше, но с началом Второй мировой войны, которую писатель провел в оккупированной немцами столице Франции, Шмелев понял, что в смертельной битве с фашизмом уповать больше не на кого, и радовался в душе успехам Красной армии на фронтах Великой Отечественной. В Сталинградской битве углядел «вступление России в эпоху великого ликования», а победу СССР над фашистской Германией встретил восторженно, как победу русского народа. Причем тяготы войны Шмелев изведать сполна, в 43-м едва не погиб при авианалете: бомба разорвалась рядом с домом и частично разрушила его квартиру.

Больной, опустошенный, одинокий, измученный бедностью Иван Сергеевич ни при каких обстоятельствах не прекращал работать. После войны увидели свет первые два тома большого романа «Пути небесные», во многом итогового для писателя, наиболее полно отражающего его творческий метод, который некоторые критики называли «духовным реализмом». Роман этот нельзя рассма-

тривать в плане жизненной достоверной истории, поскольку внешне правдоподобный сюжет подчинен здесь нравственным исканиям, испытанию веры и трудному пути главных героев к ее укреплению. Сам автор относил «Пути небесные» к опыту «духовного романа». Он работал над ним 14 лет и не успел дописать задуманный третий том.

...24 июня 1950 года Иван Сергеевич приехал в обитель Покрова Пресвятой Богородицы под Парижем. Долго молился в соборе, а вечером неожиданно скончался от сердечного приступа и был погребен на православном кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Он всегда мечтал вернуться в Россию, хотя на родине этот «великий мастер слова и образа» вплоть до конца восьмидесятых оставался практически неизвестен. В 2000-м году, согласно предсмертной воле писателя, прах его и супруги был перевезен в Москву и захоронен в некрополе Донского монастыря рядом с родственниками по отцу.

В том же году на живописном перекрестке Замоскворечья, у входа в сквер, носящий теперь имя Ивана Шмелева, был поставлен памятник-бюст на невысоком постаменте в виде колонны с каннелюрами.

Он писал, как дышал. И не мог не писать. В рассказе «Как я стал писателем» признавался: «Вышло это так просто и не торжественно, что я и не заметил. Можно сказать, вышло непредумышленно... кажется мне порой, что я не делался писателем, а будто всегда им был».

Иван Шмелев

Весенний плеск

Я стою у чужой реки. Она идет полноводно, ровно, как месяц тому, как год. В оправе течет она, зеленоватая на заре, дымно-молочная в мутный вечер. Не засмеется, не зашумит. А где же... весенний плеск?

Черные сучья чужих деревьев... Золото голубое — где?..

Надо закрыть глаза — и через узенько-узенькую щелку, через деревья, глядеть на небо. Лучше пройти за решетку сада, сесть где-нибудь потише, на солнышке, и так вот смотреть и слушать...

Воробьи?.. Это они чирикают, бойко, трескуче-бойко, радостно по весне. И вот...

...Великая лужа, на черном дворе, вся в блеске. Великая, во весь двор, лужа. Бурая в ней вода, — густое сусло. Плавают — золотятся на ней овсинки, ходит ветром утиный пух. Чуется белый ледок под нею. Кругом, — у заборов, у садовой решетки, у сараев, под бревнами, — голубовато снежком белеет. Он уже сдал, исколот лучами солнца, сочится стеклянным блеском, день ото дня бледнеет, уходит в землю. Гонит его перезвон пасхальный, звяканье рухающих сосуллек, бугроватых. Налитые молочной мутью, ржавчиною янтарной, повисли они с сараев, звонко постукивают о бревна и разлетаются в соль и блеск. Холодком покусывает с воды, но белые утки полощутся, — к садовому забору, где поглубже; жесткие их носы вылушивают что-то сочно, вспыхивают на солнце крылья...

Какая радость — этот немножко страшный переход по доскам, до сада! В саду еще спит зима, тяжелая, большая; но снег надувается горбами, и почернел, усыпан веточками, вороньими и куриными следками, лапками. Под яблоньками сероватые проталы-стекла, лужицы голубые, — в них солнце и небо плещется. Яблоньки черны-черны, корявы весенней голостью. Зато тополя светлеют тугим и здоровым глянецом, и почки на них полнеют, золотятся.

Слепит совсюду. Небо упало в лужу и уронило солнце. Оно купается с облачками, с утками, брызжет в меня, на мое весеннее пальтецо, синее, с золотыми якорьками, только-только надетое, в новенькие калошки, — белые огоньки на них. Я жмурюсь и робко двигаюсь по доскам. Длинные

они, во всю лужу, с кирпичика на кирпичик, потряхиваются, плещутся. Хорошо бы остановиться и попрыгать на середке, где доски плюхают по воде. Но нянька поталкивает в спину, несет за мною лопаточку, — ковырять снег в саду, гнать зиму.

— Чего надумал... иди, иди! Он те вот шуганет, из сарайчика выскочит... потопнешь!..

Он... Я знаю: живет в сарае, на погребе, в темноте...

Сараи и конюшни... Они приоткрыли двери и густо дышат. Из черной дыры, в сверкающей сетке капель, темно поблескивает большой лошадиный глаз, мягкие губы фыркают за решеткой стойла, и тянет оттуда как будто печеным хлебом, — навозом, лошадью. Сыплется с крыши блеском, булькает звонко по канавке, золотая вода течет. А серые стенки сухи, теплом от них. Синие мухи вспыхивают и спят на солнце. А солнце... Оно — везде. Это оно играет в колокола, гудит, и звенит, и плещет, и хочется заплясать, запрыгать. Но нянька ворчит — иди!

Вот и самая середина лужи. Я иду еле-еле, чтобы идти подольше, засматриваюсь на новенькие калошки, уже запачканные навозцем, на плавающие овсинки, на щепочки. Чурбак плавает, как корабль, синяя муха на нем катается. А вон, на бревнах, кот наш чего-то на солнце зябнет, — весны желает! Нынче и у него праздник. И сизые голубки ловят за хвостики друг дружку, кругами кружатся под сараем. Солнце под моими ногами плющится, и вдруг... что это?! почему закачались доски?..

Я поднимаю голову. Красное на меня идет, покачивается, горит, как пунцовый шар... И я радостно узнаю Михайлу, который тесал лопаточку. Он двигается навстречу и весь сияет. Намасленная голова сияет на обе стороны, красное лицо сияет, и красная борода, как веник, и новая красная рубаха — пузырями. А на сапоги даже смотреть больно. Он радостно надвигается на меня, раскидывает руки... Рот его широко разинут, борода прыгает, хохочет, я замираю, не знаю, — как же теперь мне быть? А он все ближе, он меня свалит в лужу... Но вот он делается ниже, ниже. Я вижу, что он садится, будто играет в коршуна... схватывает меня и вдруг поднимает на страшную высоту, над страшной лужей! Как хорошо отсюда, — и хорошо, и страшно. Все, все — другое совсем: и сосульки, и последний снежок на крыше, и пестрые бабы за забором, в зеленых и красных юбках, сигают через лужи, и красные шары где-то, и синие...

— Держись!.. — рычит Михайла, раскачивая меня над лужей.

Я слышу, как кричит нянька, — черный ее платочек с красными и зелеными цветами, — но Михайла тискает меня ласково и урчит, урчит. От него пахнет деревянным маслом, красной рубахой, винными будто ягодами, мятными пряниками, хлебом, овсом и чем-то еще, таким приятным, те-

плым... — стружками даже пахнет, чурбачками. Он жмет меня под коленки одной рукой, другою вытирает наотмашь рот, зевает и рычит мне в ухо:

— Ну!.. Хрястос Воскреси..!

И мочит сладким теплом мне губы, колется бородой. И только голубоватые, сонные глаза я вижу.

Он тихо ставит меня на доску, придерживая за калошки, чтобы все было аккуратно. Я, как во сне, в испуге, в радости непонятной. Я его очень люблю, и — лошадь за решеткой. И так хорошо и страшно висеть над лужей. А он, через мою голову, тянется и рычит:

— Домна Семеновна! А Хрястос Воскреси!..

Я слышу, как чмокаются они через мою голову, — раз и раз, и еще раз, — боюсь, что упаду в лужу, и схватываюсь за плисовые штаны Михайлы.

— Ну-ну, воистину... насосался уж, батюшка!.. — ворчит нянька, хватая меня за плечи, — рабенка-то уронишь...

— Домна Семеновна!.. — вскидывает Михайла руки, будто лететь хочет.

— Да уж проходи скорее...

Но проходить нельзя. Узенькая доска, а кругом лужа.

— Пра-здник, Домна Семеновна... никак нельзя... Пожалуйста вам дорожку!.. — рычит Михайла, и бухается в лужу.

Брызгами, блеском и холодком обдает меня, утками, сапогами, солнцем. Черные ноги Михайлы продавливают ледок с хрупом, — он теперь виден, под желтыми волнами. Я закрываю глаза от ужаса, от счастья. Кричит нянька, кричат утки, куриные голоса... А Михайла идет по воде, размахивает красными руками, пробивает сапогами дырья, откуда высоко фыркает — бьет вода.

— Не потопну...! — кричит Михайла.

И столько плеска кругом, и блеска, и гомона! Играют — смеются колокола, и утки белыми крыльями, и куры, орущие на бревнах, и кот, махнувший на крышу в снег, и голуби, вдруг взметнувшиеся на хлопающих крыльях, и плещущая лужа, и тысячи солнц на ней. Все смеется, звенит, играет...

Этот весенний плеск остался в моих глазах — с праздничными рубахами, сапогами, лошадиным ржаньем, с запахами весеннего холодка, теплом и солнцем. Остался живым в душе, с тысячами Михайлов и Иванов, со всем мудреным, до простоты-красоты душевной, миром русского мужика, с его лукаво-веселыми глазами, то ясными, как вода, то омрачающимися до черной мути, со смехом и бойким словом, с лаской и дикой грубостью. Знаю, связан я с ним до века. Ничто не в силах выплеснуть из меня этот весенний плеск, светлую весну жизни... Вошло — и вместе со мной уйдет. □

5 апреля 1925 г.

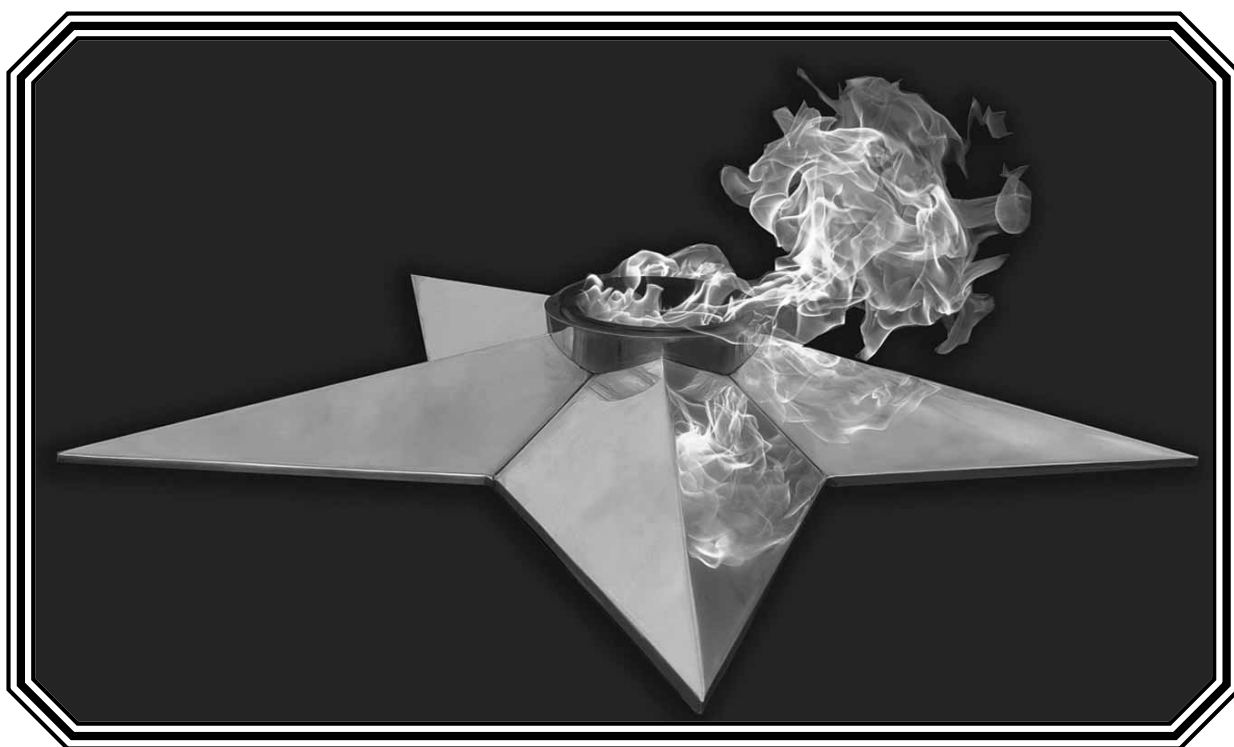
Париж

Дмитрий Зелов

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

СВЯЩЕННЫЙ СИМВОЛ
нашей памяти

С чего все началось

Вечный огонь... Он горит у кремлевской стены в Александровском саду и на Пискаревском кладбище северной столицы. А еще во многих других больших и малых городах нашей Родины. Как дань памяти миллионам павших, ценой своих жизней обеспечивших для нас, живых, честь, сво-

боду и независимость Отчизны. Этот величественный жертвенный огонь горит в любую погоду: в жару и в холод, в дождь и в зной.

Культ Огня вообще один из древнейших в мире и уходит своими корнями в седую древность.

В зороастризме, одной из древнейших религий человечества, культ Огня возведен в абсолют и пронизы-

вает всю духовно-мировоззренческую систему этого учения, являясь символом священного очищения. Традицию постоянного поддержания живого, вечно горящего огня можно назвать мистически-ритуальной, она наблюдалась в самых различных культурах.

Вспомним хотя бы античный культ Весты, служительницы которой должны были постоянно, в любое время дня и ночи и в любую погоду, поддерживать неугасимый огонь. Или зна-

ные костры были «вечными», до сих пор остается предметом споров среди историков, археологов и культурологов.

Но как, с чего же началась «огненная история» в нашем Отечестве?

Какой из советских Вечных огней — самый первый?

В Советском Союзе самый первый Вечный огонь был зажжен 9 мая 1955 года, на десятилетний юбилей

*Вечный
огонь
в поселке
Первомай-
ский Щел-
ковского
района
Тульской
области*

менитые мемориалы огня на Апшеронском полуострове близ Баку, где в местах естественных, природных выходов горячего газа индустриями и сикхами были возведены величественные храмовые комплексы. Кстати, в Древней Руси наши далекие предки тоже всегда устраивали величественные поминальные костры в честь своих павших воинов. Правда, вопрос, насколько подоб-

Великой Победы. Но не в столице, как следовало бы ожидать, а в небольшом поселке Первомайский Щекинского района Тульской области. Это была народная инициатива, по благородному почину директора местного газового завода, прошедшего через горнило войны фронтовика. А спустя два года у неугасимого пламени был установлен монумент «Скорбящий воин», после чего

*Вечный
огонь
Сталин-
града*

мемориал павшим воинам приобрел свой законченный вид. Увы, в смутные 90-е Вечный огонь перестал быть таковым: его стали зажигать только несколько раз в год: на День

Победы, на День защитников Отечества и на день освобождения Щекино от немецко-фашистских захватчиков (17 декабря). Но в 2013 году славная памятная традиция в Первомайском была возрождена: Вечный огонь «вернулся» на свое законное место и горит теперь в тульском поселке постоянно.

*Вечный
огонь
мемориала
на Преоб-
раженском
кладбище
Москвы*

В официальной же советской летописи Вечных огней самым первым многие десятилетия считался Вечный огонь на Марсовом поле в Ленинграде. Он был зажжен в 1957 году, к 40-летней годовщине Октябрьской революции (позже в городе на Неве были сооружены и другие мемориальные комплексы со своими Вечными огнями). Следующим в этой памятной цепочке стал открытый 23 февраля 1958 года, на День Красной армии и Военно-морского флота, Вечный огонь на Малаховом кургане Севастополя. Добавим, что с

XX столетия пламя в Вечные огни советских (как, впрочем, и зарубежных) мемориальных комплексов подается с помощью газовой горелки.

Вечный огонь в городе-герое Москве

В наши дни в российской столице горит несколько Вечных огней. Самый известный из них — на Могиле Неизвестного солдата у Кремлевской стены. Он был зажжен в канун Победы, 8 мая 1967 года. Открытие мемориала проводилось на самом высоком уровне: в церемонии принял участие тогдашний глава СССР, Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев, а также легендарный советский летчик, Герой Советского Союза Алексей Маресьев. Здесь же, у Вечного огня Кремлевской стены, несет свою службу Почетный караул (Пост №1).

Невероятно, но ряд исследователей советской истории, вкпе с па-

рапсихологами и медиумами, полагают, что Вечный огонь у Кремлевской стены, по образцу которого на советских просторах были сооружены его многочисленные аналоги, есть возрождение на современном техническом уровне знаний древнего славянского культа Перуна. И действительно, если внимательно присмотреться к устройству неугасимого сооружения в самом сердце Москвы, то увидим просто поразительное сходство многих деталей. Например, когда в 2009 году понадобилась капитальная реконструкция мемориала, огонь от Кремлевской стены с помощью временной горелки трепетно перенесли на Поклонную гору, а затем доставили обратно. Или взять современный ритуал поклонения (в прямом и переносном смысле) павшим воинам у священного Вечного огня с возложением символической жертвы в виде дубовых венков и преклонением знамен — этот древний обряд тоже пришел к нам из глубин

*Вечный
огонь
на Марсовом поле
в Санкт-Петербурге*

древности. Есть и менее приметные, на первый взгляд, но также поразительно совпадающие в деталях черты: возвышение всего мемориала (капища) над уровнем земли; каменный гранитный алтарь (гранит, согласно мифам, есть посвященный славянскому богу Перуну громовой камень), пониженная костровая площадка относительно уровня «обхода» памятного места, а также постоянный почетный караул.

И, наконец, Могила Неизвестного солдата у кремлевского Вечного огня (в которой действительно находятся останки неизвестного советского бойца) символизирует всех павших за честь и независимость Отечества. Но точно также наши далекие предки творили кроду — захоронение останков павших на самом капище. Кстати, если капище сооружалось не на месте сражения, а там,

где жили представители рода, то с поля битвы доставлялась частичка земли, которая захоранивалась в урне на родовом капище. Этот обряд делался для магической связи территории обитания членов общины с тем местом, где пали их соплеменники. Осознанно или нет, но точно такой же обряд был воссоздан при устройстве символической аллеи городов-героев СССР у памятного мемориала Кремлевской стены: в 12 тумбах-урнах, символизирующих конкретные советские города, прославившиеся своей героической обороной в годы Великой Отечественной войны, находится земля из этих мест.

Однако самым первым Вечным огнем в Москве стал открытый 9 февраля 1961 года воинский мемориал на Преображенском кладбище. Дело в том, что в послевоенные годы оно стало крупнейшим в столице местом

по захоронению павших или умерших впоследствии от ран советских воинов. Уже в наши дни Вечный огонь появился на территории крупнейшего в столице мемориально-музейного комплекса, посвященного Великой Отечественной войне, — в Парке Победы на Поклонной горе.

Вечный огонь на советских просторах

В брежневскую эпоху комплексы мемориальных Вечных огней были возведены во многих городах Советского Союза. Подавляющая их часть посвящена памяти павшим в годы Великой Отечественной войны, хотя были и мемориалы, сооруженные в честь борцов за Советскую власть, как, например, в столице Башкирии Уфе. После распада Советского Союза подули новые ветры: увы, многие

из них загасили в бывших советских республиках, в одночасье ставших независимыми государствами, светильники памяти о самой страшной и беспощадной войне в истории человечества. К счастью, традиция сохранения, реставрации существующих и открытия новых мемориальных Вечных огней (в основном к крупным юбилейным датам) помимо России была продолжена в Белоруссии, Молдавии, Приднестровье, Казахстане и ряде других стран.

Зарубежный опыт

Хотя это может и показаться на первый взгляд странным, но Советский Союз не был первопроходцем в возведении мемориальных комплексов Вечных огней в том понимании и значении, какими мы их привыкли видеть. Вот уже почти как 100 лет в

память о погибших на полях Первой мировой войны в Париже, под сводами Триумфальной арки на площади Шарля де Голля, горит Вечный огонь. Он был торжественно зажжен военным министром Третьей республики Андре Мажино 11 ноября 1923 года, в пятую годовщину Компьенского перемирия, благодаря которому многолетние боевые действия на полях Первой мировой, унесшие миллионы жизней, наконец-таки завершились. Подобные французскому мемориальные комплексы с Вечными огнями загорелись потом во многих европейских странах, принявших участие в битвах и сражениях Первой мировой: в Бельгии, Португалии, Румынии, Чехии и ряде других.

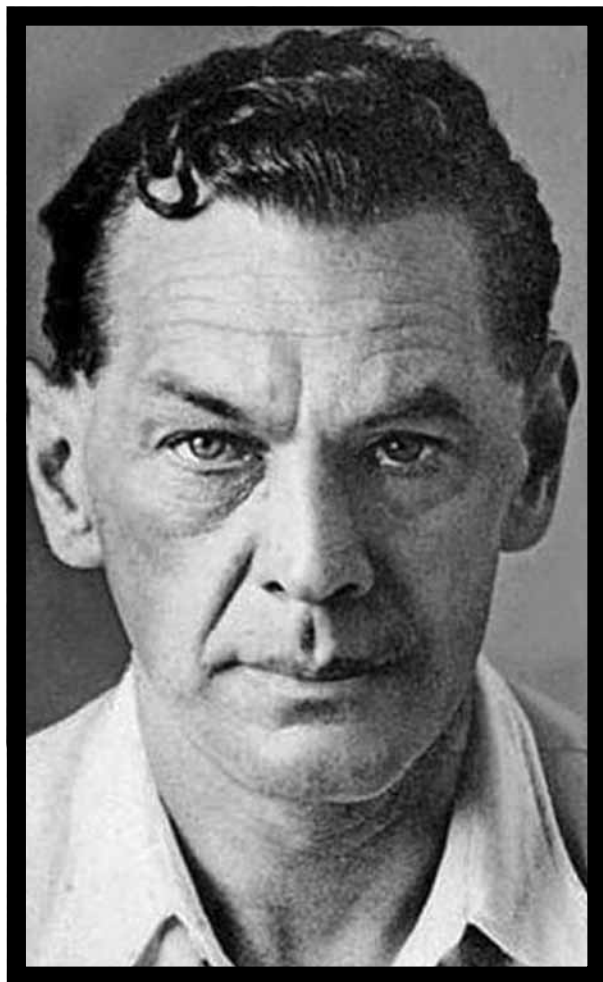
А вот первой страной, в которой был торжественно зажжен Вечный огонь в память погибших на полях Второй мировой войны, стала Польша, по которой особенно сильно прошелся молох той страшной и разрушительной бойни. В первую годовщину Победы над фашистской Германией, 8 мая 1946 года, был зажжен мемориал Вечного огня у Могилы Неизвестного солдата на площади маршала Юзефа Пилсудского в Варшаве. Интересно, что сам памятный комплекс был воздвигнут в Варшаве практически одновременно с парижским и был тоже посвящен памяти жертв Первой мировой, но вот Вечный огонь появился здесь только после победы над Третьим рейхом.

Имеется свой Вечный огонь мира и в порту норвежского Осло — он

посвящен погибшим морякам, и даже в крошечном Люксембурге, тоже внесшим свой соразмерный вклад в победу над «коричневой чумой» XX столетия, и в других европейских странах, а также в США и Канаде. В японской Хиросиме в Мемориальном парке мира с 1964 года горит Вечный огонь. По идее создателей, его пламя будет струиться до полного уничтожения ядерного оружия на планете. Символично, что спустя 20 лет Папа Римский Иоанн Павел II зажег от хиросимского пламени Вечный огонь в Саду мира в канадском Торонто, что символизировало надежды человечества на мирное сосуществование всех людей на единой планете.

С конца прошлого века традиция устанавливать мемориальные комплексы с Вечными огнями распространилась на страны Азии и Африки. Правда, в подавляющем своем большинстве они были установлены уже в память о героях новых военных конфликтов.

P.S. Огонь — действительно один из самых основополагающих и, по сути, вечных образов-символов. Он как живой магнит притягивает к себе представителей самых разных культур, религий и народов. Вот почему традиция возведения величественных мемориальных комплексов с неугасимым священным огнем человеческой памяти существует на протяжении уже тысячелетий, а в наши дни распространилась на все стороны света. □

Русско- немецкий японец

Этим людям нечасто удается стать знаменитыми, ведь, по сути, известность для них — это провал. Чаще всего они — неизвестные герои. Разведчики. Всегда овеянная ореолом романтики, эта профессия стала вдохновением для писателей и кинематографистов, для биографов и мемуаристов. Но жизнь и службу нашего сегодняшнего героя едва ли можно назвать провальными. О нем сняты фильмы и написаны книги, его именем названы улицы и станции. При этом правды — или того, что мы можем ею считать, — о нем известно крайне мало. Попробуем все же вспомнить о нем хотя бы то, что известно достоверно...

Наполовину немец, наполовину русский, Рихард Зорге родился в поселке Сабунчи Бакинской губернии 4 октября 1895 года. Отец — Густав Вильгельм Рихард Зорге — трудился на фирме Нобеля, на нефтедобыче, потому семья и обосновалась

неподалеку от Баку. Мать — Нина Степановна Кобелева — происходила из семьи железнодорожников.

Сам Зорге в автобиографии писал, что в семье его издавна устоялись революционные взгляды. Казалось бы, где стабильность, а где

революция? Однако будущий разведчик не лгал: его двоюродный дед, Фридрих Адольф Зорге, был одним из руководителей Первого интернационала и секретарем Карла Маркса. Упомянул Зорге и о том, что оба его родных деда были активными революционерами накануне, во время и после революции 1848 года в Германии.

Когда Рихарду было 3 года, Зорге покинули Россию и вернулись на родину отца семейства. Мальчик рос, не зная ни в чем недостатка,

когда его ранило осколком. Получив Железный крест II степени, он в 1916 году вернулся в свой полк, чтобы продолжить воевать.

Сейчас кажется странным, что начинал свой путь будущий советский разведчик на противоположной — германской — стороне этих военных действий.

В 1918 году, всего в 23 года, Рихард Зорге был комиссован из армии по инвалидности. Последнее ранение оказалось самым тяжелым: разрыв снаряда, осколки, трое суток

В

ойна не помешала Рихарду постоянно учиться. Получив аттестат о среднем образовании, затем диплом императорского университета в Берлине, он поступил в Гамбургский университет, где получил ученую степень доктора государства и права, а позже — степень по экономике. Что же заставило человека, ставшего «ученым мужем», оказаться в Советском Союзе?..

семья была весьма и весьма зажиточной.

В октябре 1914 года девятнадцатилетний юноша вступил в немецкую армию добровольцем и участвовал в боях Первой мировой. К тому моменту он не окончил еще даже реального училища. Первое ранение настигло его в 1915-м, под Ипром. Лежа в лазарете в Берлине, он смог сдать экзамен на аттестат зрелости.

Следующее ранение не заставило себя ждать. После выздоровления Зорге не провоевал и трех не-

«висения» на колючей проволоке, в результате операций одна нога навсегда осталась на несколько сантиметров короче другой.

Именно в этой точке, в госпитале, где он лежал, и произошел перелом: познакомившись и сблизившись с левыми социалистами, из юноши, воевавшего за свою страну, Зорге превратился в человека, которому дороже всего на свете стали коммунистические идеалы. Сам он говорил так об этом времени: «Мировая война оказала глубочай-

шее влияние на всю мою жизнь. Думаю, что какое бы влияние я ни испытал со стороны других различных факторов, только из-за этой войны я стал коммунистом».

Стоит отметить, что война не мешала Зорге постоянно учиться. В 1917 году он получил аттестат о среднем образовании, в 1918 — диплом императорского университета в Берлине, а после демобилизации поступил на факультет общественных наук Кильского университета, откуда впоследствии перевелся в Гамбург, где получил ученую степень доктора государства и права, а затем — и степень по экономике.

Поневоле задаешься вопросом — что же заставило человека, пережившего так много, так много узнавшего и ставшего «ученым мужем», оказаться в новообразованном Советском Союзе и выбрать нелегкую стезю разведчика?

Этому предшествовало несколько событий. В Кильском университете Зорге участвовал в матросском бунте и едва не погиб, в Гамбурге занимался пропагандистской работой и вел журналистскую работу. Наряду с этим он был активным членом Коммунистической партии Германии.

Однако работа этой партии была запрещена на законодательном уровне в 1924 году. Зорге, который всегда говорил, что верен только Коминтерну, а не Советскому Союзу, нашел для себя выход — приехал в Москву, на свою вторую ро-

дину, по приглашению исполкома Коминтерна.

Здесь он довольно быстро получил гражданство Советского Союза и продолжил примерно ту же деятельность, что и в Германии — работал с информацией, занимался журналистикой, был политическим и научным секретарем Института марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б).

И все равно, все это по-прежнему так далеко от шпионских тайн и волшебной (как многим кажется) жизни разведчика...

Но уже в 1929 году появляются первые звоночки о том, что товарищ Зорге не просто так ездил в заграничные командировки и публиковал статьи в журнале «Мировое хозяйство и мировая политика». В том году, будучи в Англии и Ирландии, советский журналист был задержан полицией. Ничего инкриминировано ему не было, однако ходили слухи, что настоящей целью приезда в Соединенное Королевство была встреча с офицером британской разведки MI-6 для получения от него военной информации.

В этой поездке с Рихардом была его первая жена — Кристина Герлах. (Потом, спустя несколько десятилетий, ее просили опознать людей, с которыми встречался Зорге, но, разумеется, по прошествии стольких лет, она этого сделать не смогла.)

Вскоре Кристина и Рихард расстались, она вернулась в Германию, а он остался в Советском Союзе.

лет, до самой своей смерти, однако едва ли они провели вместе более полугода — так часто и так много бывал ее муж в своих «командировках».

Женившись, он сразу уехал в Японию, где пробыл около двух лет. Там же он узнал, что его жена ждет ребенка, но вскоре пришла печальная весть — Екатерина ребенка потеряла. Он писал ей тогда: «Я тебя очень люблю и думаю только о тебе, не только когда мне особенно тяжело, ты всегда со мной».

Судьба этой женщины трагична. Во время Второй мировой войны, в 1942 году, Максимова была арестована по обвинению в шпионаже в пользу Германии. Она созналась в преступлении (едва ли на Лубянке можно было не признаться) и была выслана в Красноярский край. В 1943 году умерла при невыясненных обстоятельствах от химических ожогов. Знал ли об этом ее муж, неизвестно.

В 1937 году, когда по стране прокатилась волна репрессий, группа Рамзая (агентурный псевдоним Зорге) была под угрозой отзыва на родину. Однако новый начальник Разведывательного управления Гнедин, переведенный на эту должность из НКВД, сумел сохранить резидентуру, несмотря на то, что многие подозревали, что Зорге поставляет «дезу», то есть передает дезинформирующие сведения.

В 1938 году, в Японии, Рихард попал в аварию и чудом выжил. Однако он нашел в себе силы сохранять

сознание до тех пор, пока не приехал шифровальщик его группы Макс Клаузен и не забрал все секретные бумаги и доллары, бывшие при нем. (Даже будучи в тяжелом состоянии, Рихард смог придумать, как вызвать Клаузена на место аварии.)

Окончательно выздоровев, Зорге хотел уехать из Японии. Нельзя сказать, что его тянуло в Советский Союз (он всегда говорил, что предан только Коминтерну), но он скучал по жене и понимал, что скоро в Европе начнется война, о чем регулярно сообщал в «Центр».

Но «Центр» решил иначе. Разведчику постоянно продлевали срок пребывания в Японии, обещая компенсации. К этому моменту Зорге

Екатерина Максимова

Им удалось это сделать только после того, как Клаузен передал им коды шифрования.

Процесс над арестованными шел в течение нескольких лет. Пока Европа и Советский Союз полыхали войной, Рихард Зорге сидел в японской тюрьме, ожидая неспешного японского правосудия. 16 мая 1942 года, после расследования тайной полицией и прокуратурой, были предъявлены обвинения группе Зорге. После этого допросы длились еще два года.

Кассация Зорге была отклонена по формальному признаку — ее по-

В

1941 году Зорге арестовали. Процесс над ним длился в течение нескольких лет. Пока Европа и СССР полыхали войной, он сидел в японской тюрьме, ожидая неспешного японского правосудия. И, наконец, страшный приговор был оглашен — казнь!

трудился пресс-секретарем посольства Германии при Отте — германском поселе в Японии, и был весьма ценен на этой должности.

Информация касательно начала даты войны, получаемая от Зорге, постоянно менялась. В одном он был уверен точно — война обязательно будет...

В 1941 году, в октябре, Рихарда Зорге арестовали. Немного раньше были арестованы члены его группы, у которых был найден радиопередатчик. Однако расшифровать перехваченные данные японцы не могли.

дали на день позже обозначенного срока. В его виновности долго сомневались, ходили слухи, что выдачи Рихарда требовал лично Гитлер, чтобы наказать предателя. Но к моменту казни Зорге — 7 ноября 1944 года — Гитлеру уже явно было не до него.

Казнь Зорге через повешение произошла в тюрьме «Сугамо», в Токио. В протоколе было зафиксировано, что после того, как тело разведчика было вынута из петли, его сердце билось еще 8 минут.

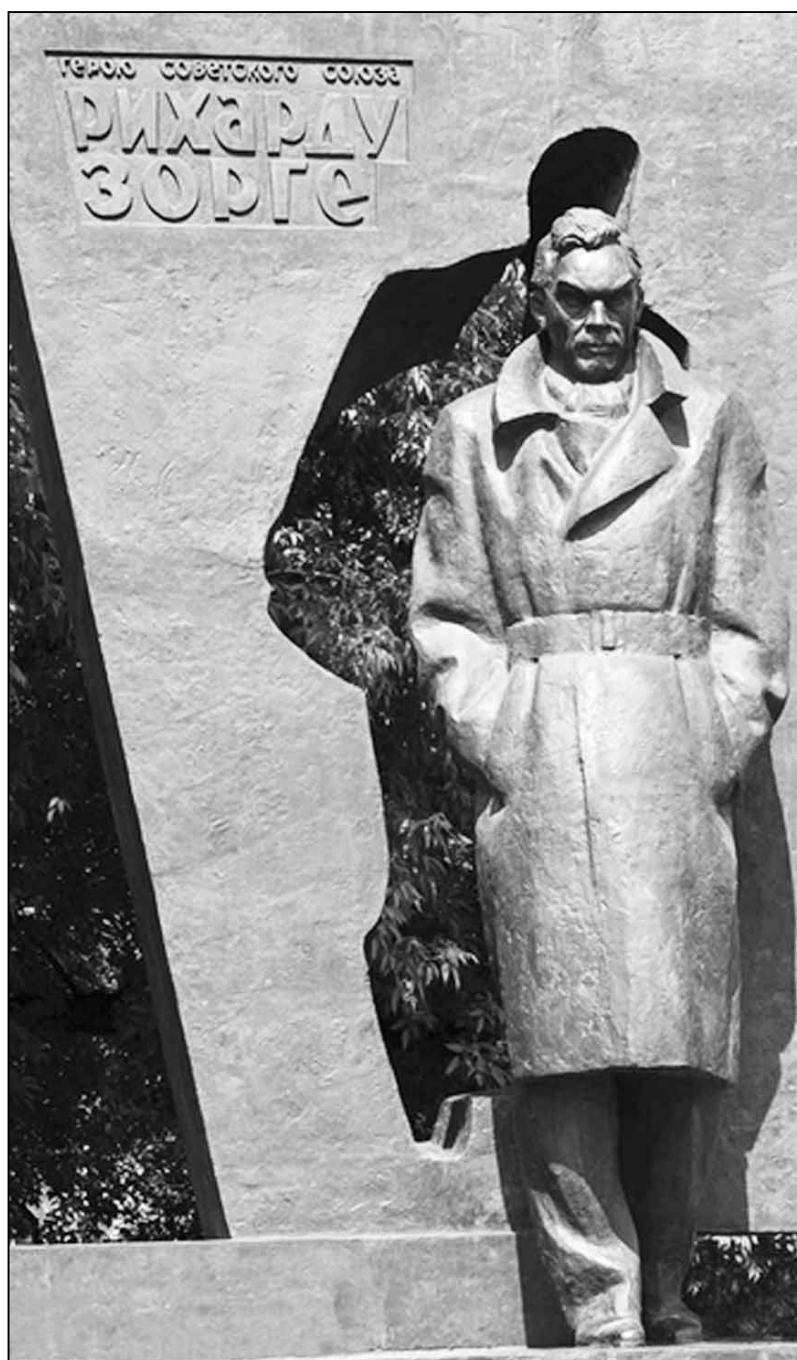
Несмотря на то, что японским он владел не очень хорошо, послед-

ние слова Рихард Зорге произнес именно на этом языке: «Красная Армия! Коминтерн! Советская компартия!» Вероятно, он желал, чтобы как можно больше людей вокруг поняло, что он сказал. Когда его спросили, хочет ли он еще что-то добавить, он ответил, что больше ничего, и поблагодарил тюремных служащих за их доброту. Весьма по-японски.

В следующие двадцать лет в Советском Союзе почти никто ничего не знал о Зорге. В 1964 году Никита Хрущев, посмотрев фильм Ива Чампи «Кто вы, доктор Зорге?», был изумлен, узнав, что разведчик — реальный персонаж, и велел подготовить для него все материалы по делу Зорге. 4 сентября того же года в «Правде» появилась статья о Рихарде Зорге, и с этого момента имя его снова появилось в истории страны.

В Японии, где он пробыл много лет, у разведчика осталась «японская жена» — Исии Ханako, которая задолго

до советского государства сделала немало для того, чтобы память о Рихарде Зорге сохранилась. Через пять лет после его смерти она разыскала его останки в братской могиле, опознала их и добилась захоронения в токийском пригороде Тама, поставив там памятник с его именем на немецком и японском языках. В 1964 году на этой могиле появилась и русская надпись «Герой Советского Союза Р. Зорге». □

ВКУСНЕЙ ПИРОЖНОГО

Посвящается ветерану Великой Отечественной войны
протоиерею Валентину Бирюкову

Было нас в артиллерийском расчете, как и положено, шесть человек. Все молодые, от девятнадцати до двадцати трех лет, кроме одного Вострикова. Ему исполнилось уже тридцать семь, и он был для нас дяденькой. Походили же мы более на строительную бригаду, чем на артиллеристов: копали траншеи, сооружали блиндажи в шесть накатов бревен. Только построим укрепление, пальнем из пушки несколько раз, и снова нас перебрасывают на другую точку. Опять копай, пили, таскай! Август 42-го под Ленинградом выдался не жарким, но мокрые от пота гимнастерки прилипали к спинам. Супчик нам давали жиденький из сушеной картошки и морковки, без хлеба. На второе — вообще не поймешь что. Многие еле волочили ноги, у меня же иногда темнело в глазах, я останавливался на секунду, приходил в себя и снова за работу. Но никто не роптал на голод. Все знали, что в Ленинграде, который мы защищали, дела обстоят еще хуже: всех собак, кошек и даже крыс съели.

К взрывам привыкли. Когда начинался очередной артобстрел, некоторые даже облегченно вздыхали: теперь можно немного отдохнуть от изнурительной работы, лежа в траншее. А наводчик наш, Валя Бирюков, сядет в траншее, закроет глаза и шевелит губами — молится, значит. Рукой-то креститься боится, так как все вокруг комсомольцы: заметят, уважать перестанут за отсталость, а то еще и политруку доложат. Да только все мы знали, что он попovich и под гимнастеркой крестик носит. Начал я присматриваться к Валентину: долговязый, в плечах узковат, старается казаться добреньким, все улыбается, но больше молчит, видно, что опасается ненароком свои клерикальные мыслишки выдать.

И вот той же ночью слышу шушуканье. Ага, Валя Бирюков и Константин Востриков (дяденька наш 37-летний) переговариваются. Потом тихонько встают, одеваются и выходят на улицу. Этот Востриков из Ленинграда, как и я. Да только другой породы он. Мы-то в бараке жили, который сдуло в первый же год войны, а он на Петроградской стороне обитал. Из интеллигентов, значит.

Я быстро вскакиваю, тоже одеваюсь, и за ними. Хорошо, что ночь была лунная, а то бы я их быстро упустил из виду — пока я одевался, они уже успе-

ли дойти почти до середины поля. Крался я за ними где-то полчаса, смотрю, впереди очертания полуразрушенной мельницы, в которой они и скрылись. Вот, оказывается, на что Бирюков в бинокль смотрел да украдкой Вострикову подмигивал дня три назад! Наверняка нашли здесь пару мешков муки и втайне от голодных бойцов пекут по ночам лепешки да обжираются ими. Снюхались, контры! Союз шляпы и митры, твою мать! И такая злость меня взяла, что я бегом назад к командиру батареи.

— Товарищ лейтенант, — докладываю, — Бирюков и Востриков отсутствуют!

Лейтенант недовольный, что разбудили, сердится. А делать-то нечего — нарушение дисциплины, надо принимать меры.

— Может, — говорит, — по нужде пошли?

— Нет, они сейчас на мельнице в километре отсюда! Наверное, муку нашли и жрут пироги по ночам!

Лейтенант, старшина и я, в качестве провожатого, поспешили к мельнице. Подходим ближе и видим сквозь окошечки да щели огонек, который то вспыхнет, то погаснет. Это они, вражины, наш расчетный фонарь прихватили и включали его по случаю крайней надобности. Ворвались мы на мельницу со своим более мощным фонарем и в глаза им лучом!

— Руки вверх! — кричит лейтенант. — Вы арестованы!

Перепугались, как щенята.

— Где мука?

— Вот.

Лейтенант посветил в лоток.

— Не густо.

Оказалось, что Бирюков с Востриковым намололи здесь какой-то зеленоватой муки с килограмма два. Причем жернова прокручивали ломом вручную. Я понюхал муку — травой пахнет. Обыскали мы мельницу, но ничего ценного не нашли. Только пустые мешки, несколько кос да вылизанный до чиста амбар. Меня лейтенант определил конвоиром арестованных, и все мы пошли обратно. Вдруг Бирюков как закричит:

— Бежим вправо, в овраг! Сейчас сюда снаряд прилетит!

Все пятеро, как по команде, рванули в овраг и залегли там. Проходит секунд пятнадцать-двадцать. Тишина.

— Ты что же это, Бирюков, — заговорил лейтенант, — издеваться вздумал?

Ему было стыдно, что он испугался и предался общей панике, когда ничто не предвещало взрыва. Хотя он по возрасту такой же пацан, как и я, ну, может, на годок постарше. Лейтенант поднялся, осмотрелся и скомандовал:

— Всем встать!

Внезапно слышался нарастающий свист и оглушительный взрыв рядом. Ноги лейтенанта подкосились, и его тело сползло в овраг. Старшина склонился над ним и прислонился ухом к его груди.

— Живой! Даже не ранен. Контужен только. Ну-ка, ребятки, взяли его все вчетвером!

А в это время Валя Бирюков тихо, но открыто, не стесняясь, крестился:

— Господи, спаси и сохрани лейтенанта!

В том месте, откуда мы убежали в овраг, чернела огромная воронка. Получается, попович нас от смерти спас, каким-то неведомым образом почуяв ее приближение.

Старшина весь наш расчет посадил на «губу» для перевоспитания.

— Как же ты, — говорю я Бирюкову, — узнал, что снаряд прилетит?

— Сам не знаю, — пожал он плечами. — Только как будто какой-то голос внутри: «Бегите!» — и передернуло всего.

— Ну, спасибо тебе, Валентин.

— Мне-то за что? Это Богу спасибо скажите.

Видя, что попович нашел удобный случай для своей религиозной пропаганды, я помрачнел. Хотелось протестовать, и я бросил шпильку:

— Из-за твоей мельницы весь расчет посадили. Скажи мне, зачем тебе все это было надо? Ты что, псих?

— Солдатиков хотел накормить, — улыбнулся он.

— Травой?!

— А что? Вон лошадки с коровами сено едят, и ничего, здоровые.

Тут я не сдержался и закричал:

— Скотами нас считаешь? Встать! Ты меня, рабочего человека, унизил!

Валентин робко встал и виновато улыбнулся. Я заглянул ему в глаза... И тут меня затрясло — что-то вроде нервного припадка. Видимо, я только в тот момент начал отходить от шока близости смерти и внезапного освобождения от нее. Меня положили на топчан. Востриков начал рассказывать старинную историю про какую-то блаженную Иулианию Лазаревскую. Мол, это еще при Борисе Годунове было. Голод тогда был не меньше, чем сейчас. Она распродала имение и кормила на эти деньги крестьян. Когда деньги кончились, Иулиания стала из простой лебеды готовить лепешки. И получались они такие сладкие и вкусные, что люди не могли поверить, из чего они сделаны. Они даже светились как-то... Светом несотворенным, что ли? Вот и наш Валя вроде захотел испробовать ее способ, чтобы нас накормить. И еще я узнал, что все бойцы нашего расчета крестики носят, кроме меня и Львова.

Через пару часов пришел старшина и всех нас отпустил, работать-то некому. Лейтенант немного пришел в себя, правда, был еще плох. Но самое интересное, что он вызвал Бирюкова, и они о чем-то долго беседовали. Командир батареи разрешил ему проделать эксперимент с травой и даже дал ему в подмогу трех бойцов. Работали они по ночам, так сказать, в свободное от основных обязанностей время. Накосили травы, высушили ее, измололи в муку на мельнице.

И вот готовы первые бирюковские лепешки к обеду. Я внимательно наблюдал за бойцами других расчетов, которые ничего не знали об эксперименте. Смолотили их за милую душу с супчиком и удивились, насколько же лепешки были вкусны. Я тоже попробовал: вкусней пирожного, скажу я вам. С того времени вся батарея питалась хлебом из травы. А другого-то не было. И надо сказать, многие поправились, окрепли, во всяком случае, у меня перестало темнеть в глазах. А старшина рассказывал, как он видел очередную партию этих лепешек в блиндаже. Лежали они, мол, в корзинке. Вдруг что-то ему показалось странным, он присмотрелся, а от них свет будто бы идет! Может, померещилось ему, а может, и приврал.

Начался очередной артобстрел, и все попрыгали в траншею. Бирюков, совершив молитву, вдруг обратился ко всем нам:

— Ребята, а давайте договоримся.

— О чем?

— Ну, чтобы во всю войну, если будем живы, конечно, никакой обиды другу другу не чинить, не раздражаться.

— Во-во! И не говорить хульных слов, — поддержал его Востриков, бросив взгляд на меня.

— Что, даже фашиста нельзя покрыть? — осклабился я.

Вдруг совсем рядом раздался взрыв, и бойцы наклонили головы, которые слегка присыпало землей.

— Прости их, Господи! — перекрестился Валентин. — Не ведают, что творят.

— Да уж! Не ведают! — начал я опять нервничать, но погасил неприятное чувство. — Ладно, ребята. По рукам!

Все бойцы пожали друг другу руки, мол, согласны дать такой обет.

— Только вот крестики, — заметил я. — Не боитесь носить-то?

— Сначала боялся, теперь уже не боюсь, — улыбнулся Валентин. — В общем, буду защищать Родину с крестом. «Сим победишь», — говорил Сергей Радонежский Дмитрию Донскому перед Мамаевым побоищем. Пусть меня судят за то, что я богомолец. Но никто не сможет сделать мне укор, что я обидел кого-то или кому-то плохо сделал.

Оратор, однако ж, оказался. Я видел, как Львов сегодня вытачивал крестик из кусочка алюминия, который он отломал от ложки. Значит, один я в расчете остался без креста. Бирюков, как бы прочитав мои мысли, говорит:

— Миш, можно тебя на минуточку?

Мы отползли по траншее несколько метров, так как взрывы не прекращались, и он снял с себя крест.

— Возьми.

Я даже в детстве почти не плакал, а тут слезы градом хлынули из моих глаз.

— Спасибо.

С этим крестиком я через всю войну прошел. Живой, как видите, остался. А вкус бирюковских лепешек никогда не забуду. □

Русский Париж

По следам русских художников XIX века

...веселый Париж
и любезные французы.
...ЭТОТ неумолкаемый гул
жизни уличной,
веселой, красивой, изящной.
...поистине столица мира!

*Улица Бланш, 72.
На этом месте находился дом,
где жил В.Д. Поленов
в 1874–1876 гг.*

Слова, которые мы взяли эпитафией, написаны прекрасным русским художником Ильей Ефимовичем Репиным летом 1883 года по возвращении из поездки по странам Западной Европы. Это письмо Репин адресовал своему давнему другу

Василию Дмитриевичу Поленову, влюбленному, как и он, в Париж.

Итак, дорогие читатели, посмотрим на Париж «через призму» русского искусства и отправимся в путешествие по местам этого «бесконечного города» (Репин), связанным с нашими

художниками-передвижниками. Начнем с Монмартра, воспетого и Тулуз-Лотреком, и Огюстом Ренуаром, и Морисом Утрилло, и Александром Стейнленом. Как раз в двух шагах от знаменитого кабаре «Красная мельница» (Moulin Rouge), что на Белой площади, находится узенькая улочка Верон, названная в честь Жана-Луи Верона, мэра Монмартрской коммуны в 1830–1841 годах. На этой улице в октябре 2018 года на доме № 31 появилась мемориальная доска с надписью на французском языке: «Василий Поленов и Илья Репин, русские художники, работали здесь с 1873 по 1874. Доска открыта по инициативе Ассоциации Василия Поленова и потомков художников».

Репин и Поленов приехали в Париж пенсионерами (стипендиатами) Петербургской Академии художеств. Оба художника в 1872 году блестяще окончили академический курс и за картину на тему «Воскрешение дочери Иаира» получили Большую золотую медаль, дававшую право на заграничную поездку от 3 до 6 лет. Посетив Вену, Германию, Швейцарию, поработав около года в Италии, они прибыли в Париж. В это время Париж, несомненно, был центром искусства, сюда стремились все молодые мастера. Здесь проходили ежегодные салоны — настоящие «ярмарки» современной живописи, здесь уже вошла звезда Эдуарда Мане, здесь писали художники, которых вскоре, с «легкой руки» критика Луи Леруа, назовут импрессионистами. В Париже начала 1870-х годов, бы-

стро оправлявшемся от франко-прусской войны и Коммуны, царил дух праздничного оживления, свободы. И здесь уже жила большая русская колония, центром которой были писатель Иван Сергеевич Тургенев и художник Алексей Петрович Боголюбов.

Репин приехал в Париж в конце августа 1873 года из Италии. Вначале он очень скучал, как писал об этом В.М. Васнецову, но вскоре во Францию прибыл Поленов, и жизнь Ильи Ефимовича изменилась. Поленов нашел себе мастерскую и квартиру поблизости на улице Бланш и, ожидая окончания ремонта, поселился у Репина. «Живу теперь я на Монмартре, очень высоко, под крышей, — мансарда, — сообщал он родным. — Типичное жилье рабочих и художников, весь Париж под ногами». Монмартр в то время был совершенно деревенским кварталом. Именно таким сельским, пустынным, с невысокими домами, размытыми дождем дорогами, одинокими повозками на них предстает он на пейзажах Репина, выполненных в 1874–75 годах в Париже. Зато рядом на бульварах кипит бурная жизнь, снуют рабочие в синих блузах, школьники в форменных пиджачках и бриджах, буржуа в цилиндрах, кормилицы в передниках с младенцами, разносчики с корзинами на голове... Вся эта разношерстная и типично парижская толпа изображена на картине Репина с условным названием «Продавец новостей в Париже», где на заднем плане — фасады османовских домов и символ городского пейзажа французской столицы — тумба Морриса.

*Дом, где жил И.С. Тургенев.
Улица Дуэ, 50 bis*

*Памятная доска на улице
Верон, 31, где находилась
мастерская И.Е. Репина
и В.Д. Поленова в 1873–1874 гг.*

Репин не случайно так обрадовался приезду Поленова в конце ноября 1873 года. Поленов прекрасно владел французским языком, был знаком с коллекциями парижских музеев. Вместе они посещали Лувр и другие музеи. «В Париже, по воскресеньям, в продолжение почти трех лет мы определенно посещали музей, — вспоминал Репин. — С ним (Поленовым) очень занятно было изучать шедевры искусства. Он умел систематически изучать и делал даже каталоги». В Лувре Репин и Поленов, отец которого, Дмитрий Васильевич, увлекался античностью и был секретарем Археологического общества и Русской дипломатической миссии в Афинах, заметили «почти в кладовых... статую Победы, овеянную ветром» (Репин) — Нику Самофракийскую, которая в то время, до реставрации, еще отнюдь не рас-

сматривалась как шедевр. Вместе они читали только что изданные «Письма Анри Реньо», французского художника, геройски погибшего в битве при Бюзенвале во время франко-прусской войны. Яркая личность Реньо, его наполненная приключениями короткая жизнь, описание путешествий по Италии, Испании, Северной Африке захватили русских художников. И вот уже Репин пишет И.Н. Крамскому: «Французы — бесподобный народ, почти идеал: гармонический язык, непринужденная, деликатная любезность, быстрота, легкость, моментальная сообразительность, евангельская снисходительность к недостаткам ближнего, безукоризненная честность. Да, они могут быть республиканцами».

Репин и Поленов были непосредственными свидетелями «импрессионистической революции». Первая

выставка анонимного общества художников, вошедших впоследствии в историю искусства под именем импрессионистов, состоялась в ателье Надара на бульваре Капуцинок в апреле 1874 года. Точно неизвестно, посетили ли Поленов и Репин эту выставку, но об Эдуарде Мане и импрессионистах они, безусловно, слышали. Репин в мае 1875 года писал о «разнузданной свободе эмприсионалистов (Манэ, Монэ и других)», об «их детской правде», а в 1876 году исполнил портрет своей жены Веры «И la Manet».

В мастерской на улице Верон он работал над первым своим большим полотном, выполненным во Франции, с очень парижским сюжетом — «Кафе на бульваре» (1875 г.). В нем выразились восторг художника перед Парижем, увлечение Эдуардом Мане и восхищение парижанками. «Как они прекрасны, эти парижские модели! Они позируют, как актеры», — писал он В.В. Стасову. А сколько горячих споров и дискуссий вызвал сам этот сюжет в среде русских художников! И.Н. Крамской, например, считал, что для подобного сюжета «надо родиться французом и слушать шансонетки с самого детства», а Поленов, отстаивавший вслед за Репиным «французский закон» в искусстве, утверждал, что живопись не должна «отставать от интересов современной ему жизни», и что «фраки, жилеты, панталоны» также имеют свою ценность в искусстве.

Отсюда, с улицы Верон, Илья Ефимович, получивший заказ от Павла Михайловича Третьякова, ходил на

близлежащую улицу Дуэ (rue de Douai) в дом Виардо писать портрет Тургенева, который жил там по приглашению своих друзей Луи и Полины Виардо. Однажды вместе с Репиным к Тургеневу зашел Поленов. «Какой простой, симпатичный старичок, Иван Сергеевич, веселый, остроумный рассказчик», — писал он впоследствии родным. Портрет Тургенева Репину не удался. Все же самый лучший портрет Тургенева написал Алексей Харламов, талант которого Тургенев весьма ценил. А вот между Поленовым и Тургеневым завязалась искренняя дружба, продолжавшаяся всю жизнь. Именно Тургенев одним из самых первых оценил талант Поленова-пейзажиста и посоветовал ему развивать эту струну своего таланта. Поленовское настроение «тихой грусти», чувствующееся уже в его раннем пейзаже «Ливень» (1874 г.), было близко Тургеневу, у которого, кстати, была коллекция картин барбизонцев.

Поленова же в это время занимали сюжеты из средневековой истории. В ателье на улице Верон, а затем на улице Бланш, где ему в доме №72 удалось снять квартиру со светлой мастерской на последнем этаже, он работал над картиной «Право господина (Право первой ночи)», показанной в Салоне 1874 года]. Замысел ее возник у художника, с детства любившего рыцарские романы, во время путешествий по Южной Германии, старонемецким замкам. Картина получилась изысканной по колориту, музыкальной по композиции; в ней проявился интерес художника к архитек-

Кабаре «Мулен Руж»

туре, старинным костюмам, его дар декоратора. В подобном стиле позднего историзма написано и другое полотно, за которое Поленов по возвращении на родину получил звание академика живописи, — «Арест гугенотки Жакобин де Монтебель, графини д'Этремон».

В доме Виардо на улице Дуэ собиралась вся русская интеллигенция, в том числе художники, с которыми Тургенев был особенно близок. Недаром он в 1877 году с радостью согласился стать секретарем Общества вспомоществования русских художников, где, по словам Боголюбова, «состоял и основателем и... являлся самой крупной единицей на всех... собраниях, которые он любезно посещал с полным простодушием своей богатой натуры». Поленов в письмах родным с энтузиазмом рассказывал

о костюмированных балах у «Мме Виардо», участниками которых они с Репиным были: «...прелестный вечер.., что за костюмы, какой вкус, какая историческая верность, как характерны народные костюмы и веселье какое...» Алексей Харламов, которому достался первый приз за костюм, был одет «венетцианским элегантом конца XV века... точно с картины Карпаччо». Сам Поленов был в костюме черкеса, Тургенев «наряжен десятником».

Костюмированные балы сменялись музыкально-литературными вечерами, на которых Полина Виардо пела, Иван Сергеевич читал свои новые произведения, заходили французы — живописцы Леон Бонна, Жан-Поль Лоранс, Жан-Луи Жером, композитор Камиль Сен-Санс, писатели Эмиль Золя, Эрнест Ренан. Много о чем можно вспомнить у этого дома на улице Дуэ, и не меньше — по другому адресу, известному в 1870-е годы каждому русскому парижанину: Римская улица, 95 (rue de Rome, 95). Здесь, недалеко от железнодорожного вокзала Сен-Лазар, находилась мастерская Алексея Петровича Боголюбова, которому Совет петербургской Академии художеств поручил в 1874 году опекать своих пенсионеров в Париже.

Боголюбов с большой ответственностью и любовью отдался этому замечательному занятию — наставлял молодежь. Чтобы молодые художники не скучали, общались между собой и с французскими братьями, делились опытом, идеями, впечатлениями и планами, он организовал

для них «вторники» в своей мастерской, где за большим столом занимались офортом и рисованием, а также были «воскресные завтраки» у генерала в отставке и художника-любителя Дмитрия Александровича Татищева.

На собраниях в доме Боголюбова возникла мысль об организации Русской керамической мастерской, которая и была открыта в 1875 году в доме фирмы «Veuve Hachette — FranHois Gillet» на улице Фенелон. И Поленов, и Репин, и Константин Савицкий с большим энтузиазмом стали работать в этой новой для них технике. Иногда керамические изделия становились плодом коллективной работы художников, как, например, блюдо из Саратовского музея им. А.Н. Радищева с надписью «Нашему хорошему Алексею Петровичу от юных друзей его преподносится сей первый блин». Это блюдо, расписанное Репиным, Поленовым, Беггровым, Дмитриевым-Оренбургским и Маковским, было преподнесено Боголюбову в 1876 году в честь новогоднего праздника. А две встречи старого Нового года стали большим событием в жизни русской колонии. Художники подготовили в тайне от Боголюбова «живые картины» — «Апофеоз искусства» на музыку Шопена и «Демон и Тамара» по поэме М. Ю. Лермонтова — и представили их в его мастерской. «Живые картины» — костюмированные театральные сцены с декорациями — были очень модным в то время увлечением в артистической среде. Поленов в письмах родным подробно и ярко

*Особняк певицы Анны Жюдик.
Улица Кардиналь-Мерсье, 12*

описывал эти «живые картины», в которых он принимал самое активное участие, ту радость, которые эти праздники доставили и Боголюбову, и Тургеневу. Здесь был и хор «ряженных» в костюмах народов Российской империи. Костюмы эти оказались у художника Николая Дмитриевича Дмитриева-Оренбургского, и хоровод, и сцены из оперы Шарля Гуно «Фауст», и, конечно же, подарки. А какие могут быть подарки от художников? Разумеется, их произведения. Так, в 1875 году Репин, Поленов, Савицкий и другие преподнесли Боголюбову в дар свои картины, которые затем оказались в Радищевском музее в Саратове, созданном по инициативе и на основе коллекции Боголюбова.

Стоит сказать, что в 1856–1857 годах, во время своего пенсионерства,

Боголюбов жил в квартале «Новые Афины», на авеню Фрошо. «Художник-моряк», выпускник класса пейзажа и стипендиат петербургской Академии, он впервые приехал во Францию летом 1856 года из Италии 32-летним молодым художником со страстным желанием увидеть те места, где некогда творили знаменитые Руссо, Добиньи, Диаз, Дюпре, Коро.... За его плечами была служба на флоте, учеба в петербургской Академии художеств, путешествия по Германии и Швейцарии во время пенсионерской поездки. В Швейцарии он даже некоторое время «подвизался» гидом в знаменитом Шильонском замке. Затем жил в Италии, работал в Риме, Неаполе, Сорренто, вслед за Карлом Брюлловым, Александром Ивановым и Сильвестром Щедриным, которого Боголюбов «всегда обожал». И вот, наконец, долгожданные Франция, Париж, Монмартр!

«Авеню Фрошо, — вспоминал Боголюбов, — это художественный центр северного Парижа. В глубине ее стояла огромная липа, и под этой липой после завтрака в хорошую погоду все художники этого околка собирались покурить, и тут велась самая живая беседа, где Изабе был председателем». Художник-маринист Эжен Изабе быстро стал другом и наставником русского живописца. Именно Изабе указал Боголюбову места в Бретани и Нормандии для этюдов на природе, и летом 1857 года Алексей Петрович в компании с пейзажистами Львом Лагорио, Алексеем Чернышевым и братьями Клодт,

Михаилом Петровичем и Михаилом Константиновичем, отправился на пленэр. Так открылась нормандская страница русской живописи.

В 1856 году Боголюбов поселился на улице Бреда (сейчас это улица Henri Monnier), «в квартале девок и художников», неподалеку от «старика Коро», которым всегда восхищался. «...Судьба привела меня жить в Париже в такой чудной плеяде художников, — вспоминал он впоследствии. — В это время возникали уже таланты Жерома, Бугеро, Зиема-колориста. Были учителя, как Энгр, Поль (Ипполит) Фландрен, великий колорист Эжен Делакруа и гениальный Мейссонье... Роза Боннер уже становилась замечательной художницей». В это же время Боголюбов начал собирать картины, как бы невзначай, получив в подарок пейзаж Добиньи, затем Изабе и других художников.

Позже, в 1876 году, на площади Бреда жил Виктор Васнецов, замечательный русский «художник-сказочник». Его колоритная внешность послужила моделью для образа новгородского купца-гусяря Садко в картине Репина. И здесь же, на Монмартре, Васнецов задумал и написал первый эскиз знаменитых «Трех богатырей», который позже подарил Полену. Какое, правда, удивительное вдохновляющее место, этот нижний Монмартр! Сколько русских — И. Репин, В. Поленов, И. Тургенев, А. Харламов, скульптор Л. Бернштам (а к нему в мастерскую заходил А. Чехов), многие другие — жили и творили здесь. □

Ирина
Опимах

Серов В.А.

В.А. Серов. Автопортрет

В 1902 году Зинаида Николаевна Юсупова заказала серию портретов членов своего семейства довольно молодому, но уже очень модному и успешному художнику Валентину Серову. Ему всего 37 лет, но он — один из самых любимых художников царя. В 1900 году Серов написал портрет императора Николая II. Картина царю так понравилась, что в сентябре того же года художник получил заказ написать еще один портрет императора — «поколенного размера, в парадной форме 80-го Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка», причем цена была определена самим Серовым

Портреты на фоне времени

и немалая — в 4 тысячи рублей. Да и в следующем, 1901 году, он писал портреты высочайших особ.

В общем, решение княгини Зинаиды Николаевны поручить работу над семейными портретами Серову было не случайным и вполне продуманным. А для художника такой заказ — написать портреты членов юсуповского семейства, одного из самых старейших, известных и богатых родов не только в России, но и в мире — было большой честью.

Юсуповы вели свою родословную от халифа Абубекира — сподвижника Мухаммеда, «правившего после него всем мусульманским родом». Во второй половине 16 века сыновья султана ногайской орды Юсуфа присягнули на верность Ивану Грозному, а тот наградил их селами и деревнями в романовском округе (позднее — Романовский уезд Ярославской губернии). Эти земли стали основой будущих богатств Юсуповых.

Веками князя Юсуповы строили свою империю и приумножали свое состояние. К концу 19 века семейство Юсуповых уже занимало далеко не последнее место в ряду самых богатых кланов в мире. Юсуповы владели полями и лесами (17 имений в различных губерниях по всей стране), заводами и рудниками, доходными домами и банками, были акционерами торговых компаний, железных дорог и самых разных предприятий империи. Убранство их дворцов не уступало в роскоши тем, что принадлежали императору. И уж во вкусе им мало кто был равным, и многие из них понимали толк в искусстве.

Прадед Зинаиды Николаевны, Николай Борисович, был страстным коллекционером живописи. Будучи директором Эрмитажа, он по поручению Екатерины II закупал для императорской коллекции картины старых и современных ему западноевропейских мастеров. Лучшее, конечно же, оставлял себе. Его собрание было одним из самых значительных в России.

Отец Зинаиды, действительный статский советник, гофмейстер Николай Борисович Юсупов-младший, также славился не только деловой хваткой, но и любовью ко всему прекрасному. Особенно он любил музыку. Николай Борисович играл на скрипке и даже числился почетным членом Римской музыкальной академии и Парижской консерватории. В знаменитом дворце Юсупо-

вых на Мойке можно было увидеть великолепную коллекцию музыкальных инструментов — рояли, пианолы, арфы, органы, около 20 скрипок, среди которых были работы Страдивари, Амати и Гварнери.

Кроме собрания живописи и редких и старинных музыкальных инструментов, Юсупов обладал невероятной коллекцией драгоценностей — там были уникальные, всемирно известные камеи, алмазы, жемчужины. В шкафах в кабинете князя стояли объемистые хрустальные вазы, доверху наполненные драгоценными камнями. Николай Борисович всегда носил с собой замшевый мешочек с неограниченными камнями и порой перебирал их как четки.

В 27 лет Зинаида Николаевна стала единственной наследницей титула и несметных богатств рода Юсуповых. «Она обладала такой замечательной красотой, которая остается символом эпохи», — говорила испанская инфанта Элалия, вспоминая княгиню Юсупову. «Женщина редкой красоты и глубокой духовной культуры», — восхищался ею великий князь Александр Михайлович. А сын Феликс говорил: «Моя мать была очаровательна. Со стройной талией, тонкая, грациозная, с очень темными волосами, смуглым цветом лица и голубыми глазами, блестящими, как звезды. Она была не только умна, образованна, артистична, но исполнена самой обаятельной,

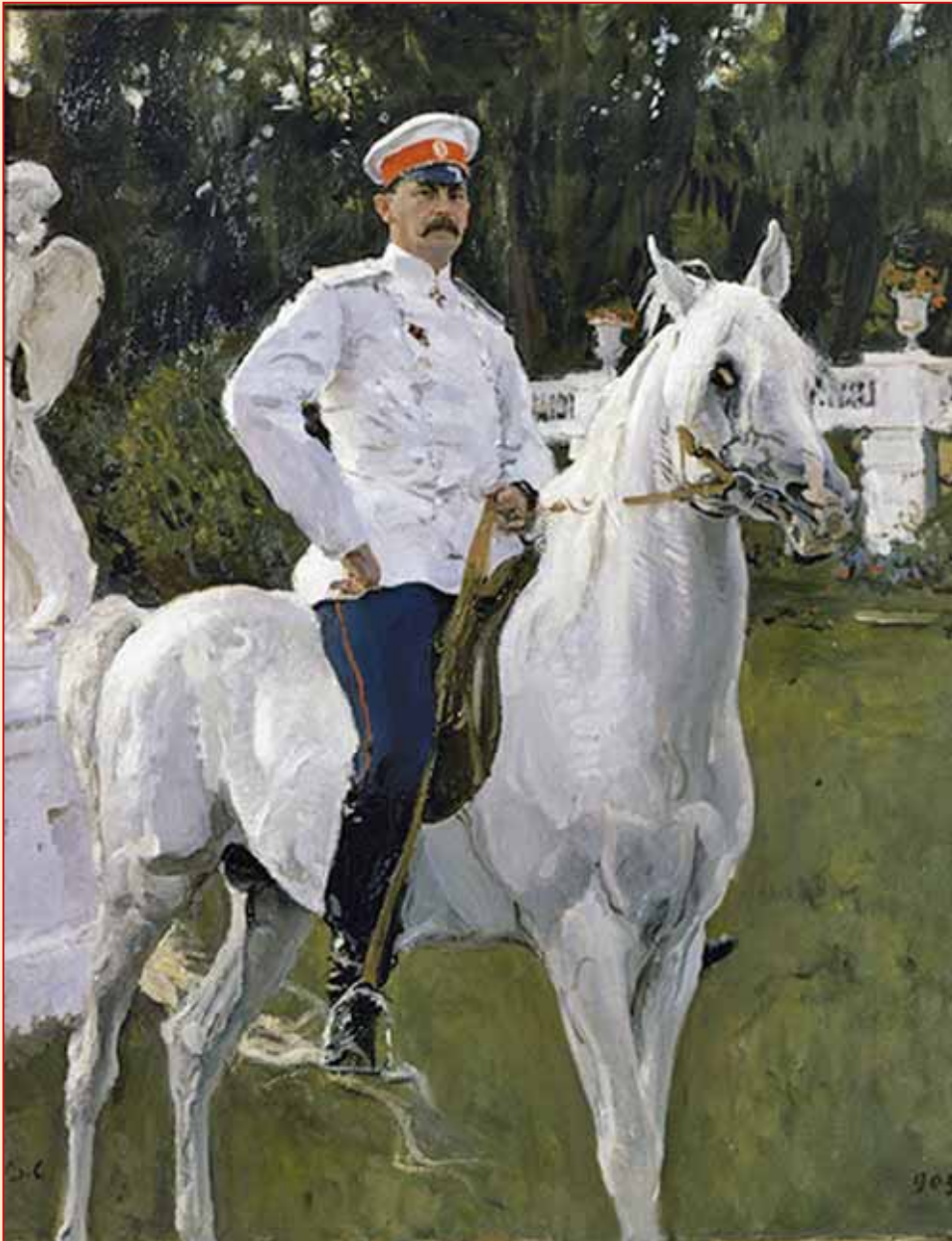
*Портрет
Зинаиды
Николаевны
Юсуповой*

сердечной доброты... Ничто не могло сопротивляться ее очарованию. Всюду, где она появлялась, она приносила свет, ее взгляд сиял добротой и кротостью».

В начале 1880-х годов к ней, одной из самых богатых невест в Российской империи, сватались самые завидные женихи, причем не

только российские аристократы, но и представители европейских правящих династий, но она вышла замуж по любви, выбрав себе в мужа графа Феликса Сумарокова-Эльстона — высокого красавца-брюнета, в чьих жилах текла кровь древнего рода Сумароковых, а также, как поговаривали в свете, фельд-

*Портрет
Феликса
Юсупова
(Сумарокова-
Эльстона)*

маршала Кутузова и одного из прусских монархов. Зинаида Юсупова и Феликс Сумароков-Эльстон стали мужем и женой в 1882 году, а в 1894 году Александр III подписал грамоту о передаче супругу Зинаиды Юсуповой фамилии, титула и герба князей Юсуповых. Во многом благодаря связям и влиянию Юсуповых князь Юсупов, граф Сумароков-Эльстон, сделал блестящую

военную карьеру, а в 1914 году был уже главным начальником Московского военного округа и генерал-губернатором Москвы! Многие называли его солдафоном — он был чужд интеллектуальным занятиям, не любил и не понимал искусство, не отличался тонким умом, недаром барон Николай Николаевич Врангель отзывался о нем как об «одном из глупейших людей Российской

Империи», а известный русский и советский дипломат Алексей Игнатьев писал в мемуарах: «Неглупая и очаровательная супруга сделала карьеру этого заурядного гвардейца, но ума, конечно, ему придать не смогла».

Однако Зинаида Николаевна любила мужа, и брак их оказался вполне счастливым.

У княгини и князя Юсуповых было два сына — Николай (родился в 1882 году) и Феликс (родился в 1887 году). Вот все они, княгиня, ее муж и сыновья, должны были быть, как пожелала Зинаида Николаевна, запечатлены кистью блестящего Серова на холсте.

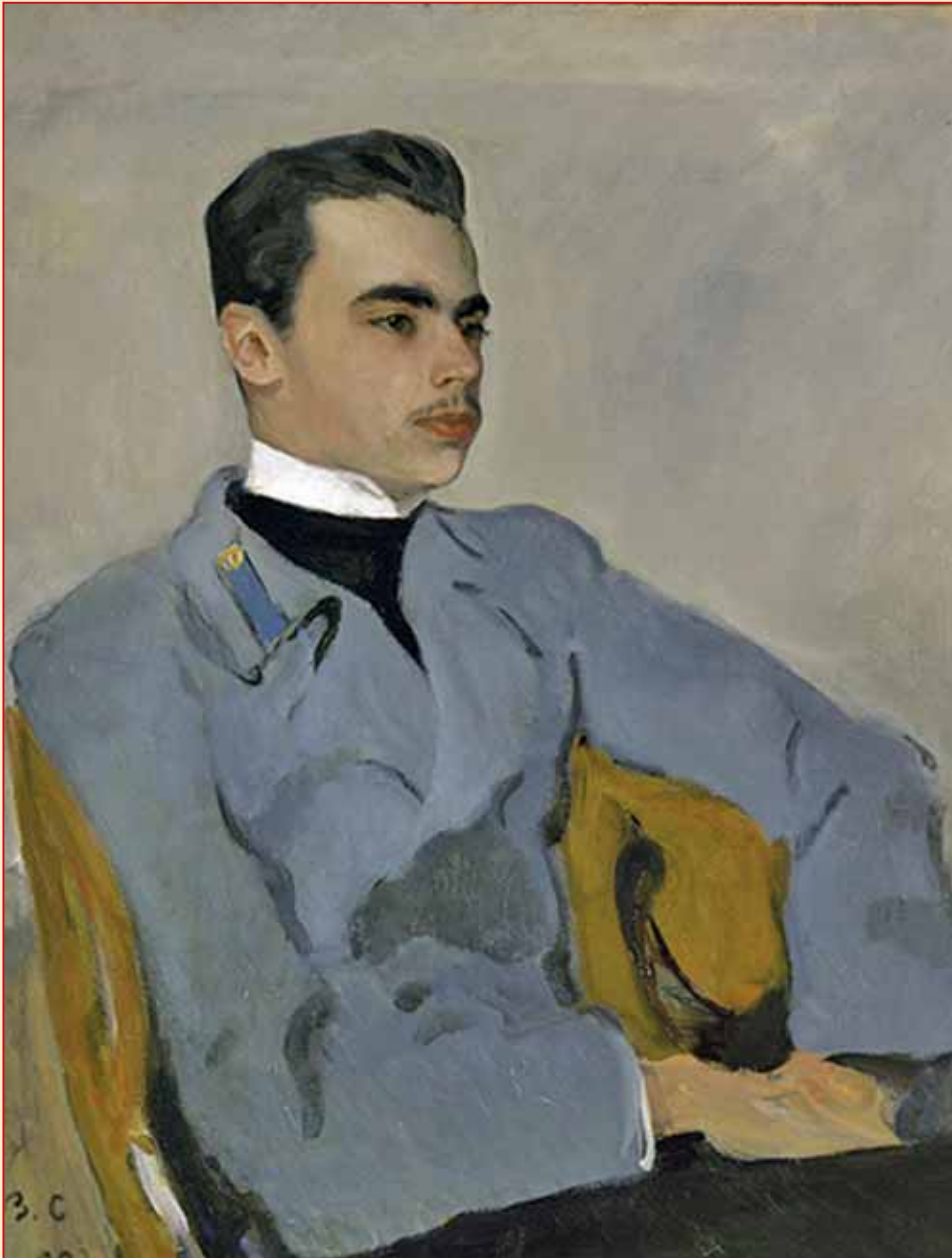
Конечно, художник не мог отказать такой заказчице и с удовольствием согласился написать портреты членов ее семьи.

И начал он с портрета самой Зинаиды Николаевны. Художник не жалел ни времени, ни сил на эту работу. Он явно получал удовольствие не только от решения чисто живописных творческих задач, которые ставил перед собой, но и от общества очаровательной княгини. «Славная княгиня, — писал он жене, — в ней есть что-то тонкое, хорошее». Но и Зинаида Николаевна шла навстречу Серову, а потому не отказывалась позировать, и терпеливо просидела перед художником 80 сеансов!

Серов был покорен не только внешней красотой княгини, но и красотой ее души. Однажды он сказал ей: «Княгиня, если бы все богатые

люди хотя бы чуть-чуть походили на вас, несправедливости бы не осталось места!», на что Зинаида Николаевна с грустью ответила: «Несправедливость не искоренить, Валентин Александрович. Тем более, деньгами». Она была очень умной женщиной, эта очаровательная княгиня Юсупова, и хорошо знала, в каком мире живет.

Портрет ее удался Серову. Элегантный туалет, стройный стан, грациозная поза, изысканный интерьер, белый шпиг, но главное — прелестное лицо, на котором сияют выразительные серые глаза. «Этот портрет, где моя мать сидит на диване с собачкой, я считаю самым лучшим из ее портретов, исполненных Серовым. ... Деликатность, простота в обращении и доброжелательность моей матери способствовали ее дружбе с художником. Не любя богатых людей за их самодовольство и тщеславие, Серов, однако, чувствовал себя легко и свободно в кругу моей семьи. <...> Моя мать, высоко ценя талант Серова, никогда не отказывала ему в нужном для позирования времени. Сама же она, как совершенно верно упоминал С.А. Щербатов, с доброжелательной лукавостью говорила: «Я худела, полнела, вновь худела, пока исполнялся Серовым мой портрет, а ему все мало, все пишет и пишет!», — рассказывал Феликс Юсупов в своих воспоминаниях. «Терпеливое отношение моей матери увенчалось успехом, и сам художник был удо-

*Портрет
Николая
Феликсовича
Юсупова*

влетворен своим произведением. Особенно радовался Серов, когда ему удалась улыбка моей матери, которую он очень любил. Любил он и ее подвижность лица, и ее грацию».

Этот портрет понравился всем членам семейства Юсуповых. Его видели и за границей — он имел большой успех на берлинской международной выставке. И успех впол-

не засуженный, недаром тонкий и строгий ценитель и критик А.Н. Бенуа писал, что «в последнем из своих больших портретов, в портрете княгини Юсуповой, Серов встал вровень с величайшими мастерами женской красоты».

А Серову предстояло написать еще портреты мужа и сыновей очаровательной княгини. И он отправился работать в их имение Ар-

хангельское, где провел лето 1903 года.

В письмах жене он подробно описывал свою жизнь в имении Юсуповых и то, как идет работа над портретами мужской части сиятельного семейства.

«...старший сын [Николай] не дался, т.е. просто его сегодня же начну иначе. Оказывается, я совсем не могу писать казенных портретов — скучно. Впрочем, сам виноват, надо было пообождать и присмотреться»; «Вчера начал князя по его желанию на коне (отличный араб бывшего султана). Князь скромнен, хочет, чтобы портрет был скорее лошади, чем его самого — вполне понимаю»; «...старшего сына [Николая] отложил до зимы, как-нибудь в Питере». <...> «Пожалуй, удачнее всех князь на лошади, может быть, потому, что не так старался — это бывает».

Общение с художником во время часов позирования оказало влияние на всех Юсуповых, а особенно — на младшего, Феликса. Вот как он вспоминал о пребывании Серова в Архангельском в то лето 1903 года:

«Серов настоял на том, чтобы собака, с которой я никогда не расставался, также была изображена, поскольку, по словам художника, «это была лучшая модель» <...> После позирования я уводил его в парк. Там, сидя на одной из моих любимых скамеек, мы вели откровенные разговоры, неоднократно беседуя по вопросам, глубоко меня волную-

щим. Будучи тогда юношей, я очень задумывался над той огромной ответственностью, которую накладывали на меня несметные юсуповские богатства. Я глубоко понимал и чувствовал, что чем больше мне дано, тем и больше от меня требуется. Серов же, человек гуманный и убежденный защитник всех неимущих, своими долгими и дружескими беседами словно «оформил» все мои сокровенные мысли и чувства. Его передовые взгляды оказали влияние на развитие моего ума. И по мере того, как его художественная кисть заканчивала внешний облик на полотне — внутри меня созревал тот человек, каким я остался всю жизнь, и дружба Серова оставила во мне неизгладимые впечатления».

Наконец работа была окончена, и портреты Серова вошли в живописное собрание Юсуповых. Они были довольны — художнику удалось передать и внешнее сходство, и характеры своих героев. Серов вскоре покинул юсуповское поместье, но навсегда сохранил дружбу с его хозяевами.

Тогда, в 1903 году, году празднования 300-летия дома Романовых, Зинаида Николаевна блистала на балах и восхищала публику своей красотой, роскошными русскими костюмами и зажигательными народными танцами, рядом с ней был ее красавец муж, и никто из Юсуповых и представить не мог, что всего лишь через несколько лет их жизнь,

да и жизнь всей страны, изменится самым кардинальным образом...

Первая трагедия произошла 22 июня 1908 года — старший сын Зинаиды Николаевны и князя Феликса Юсупова-старшего, выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета, Николай, был убит на дуэли! Сдержанный, внешне такой холодный и невозмутимый, Николай вдруг страстно влюбился в милую девушку Марину Гейден. Но родители выдали ее замуж за графа Арвида фон Мантейфеля. Молодожены отправились в свадебное путешествие в Париж, а влюбленный Николай Юсупов последовал за ними и принялся пылко ухаживать за чужой женой Мариной. Оскорбленный супруг вызвал

его на дуэль. Вызов был принят. Дуэль состоялась (конечно, втайне от старших Юсуповых) в Петербурге. Юсупов выстрелили в воздух, а Мантейфель — в своего противника и убил его.

Серов, узнав о смерти Николая, тут же послал телеграмму с соболезнованиями Зинаиде Николаевне. Он понимал, какой это для нее удар.

И действительно — пережить такое горе, потерю молодого, талантливого сына, которого ожидало блестящее будущее, было почти невозможно. Много лет Зинаида Николаевна не могла вернуть себе спокойствие и снова ощутить радость жизни. И только сознание того, что у нее остался еще один сын, Феликс, помогло ей выжить в те трудные годы. А еще благотворительность, которой она отдавала много сил и денег. Она опекала детские приюты, больницы, церкви, гимназии по всей стране. Еще во время Русско-японской войны княгиня на свои деньги снарядила целый санитарный поезд для перевозки раненых и в своих дворцах разместила госпитали. А когда началась Первая мировая война, она вкладывала огромные средства в организацию госпиталей и лазаретов.

Юсуповы всегда думали о своей стране. И еще в 1900 году, словно предчувствуя, что может случиться с Россией, князь и княгиня написали завещание, очень нетипичное для их времени и их окружения:

Слева:

*Портрет
Зинаиды
Юсуповой*

---

*Портрет
Феликса
Феликсовича
Юсупова*

«В случае внезапного прекращения рода нашего все наше движимое и недвижимое имущество, состоящее в коллекциях предметов изящных искусств, редкостей и драгоценностей, собранных нашими предками и нами... завещаем в собственность государства в видах сохранения сих коллекций в пределах Империи для

удовлетворения эстетических и научных потребностей Отечества...» Так и случилось — почти вся их коллекция живописи после революции стала частью собраний Эрмитажа и Русского музея.

В декабре 1916 года случилась еще одна трагедия, потрясшая жизнь

семьи, да и всей России — Феликс Юсупов-младший стал одним из организаторов убийства царского фаворита «святого старца» Григория Распутина, которое случилось в особняке Юсуповых на Мойке. (К этому времени Валентина Серова уже не было в живых — он умер 5 декабря 1911 года. Внезапно. Его слабое сердце больше не захотело работать.) «Ты убил чудовище, терзавшее страну. Ты прав. Я горжусь тобой», — сказала княгиня сыну, страстно ненавидевшая, как и многие представители российской аристократии, Распутина.

А вскоре в России произошла революция. Юсуповы сначала уехали в Крым, а в 1919 году покинули Россию. 13 апреля на борту британского линкора «Мальборо», отправленного специально для эвакуации членов семейства Романовых, Юсуповы-старшие, Феликс, его жена Ирина и их четырехлетняя дочь отправились в изгнание. Начались долгие и непростые годы эмиграции. Все их сокровища остались на родине, им удалось взять с собой лишь пару полотен Рембрандта, да немного из семейных драгоценностей. Все это было продано, а на полученные деньги Юсуповы приобрели небольшой дом в Париже, в Булонь-сюр-Сен. Дом Юсуповы-старшие оставили Феликсу и его жене, а сами переехали в Рим, где прожили девять лет.

И в Риме Юсуповы, в особенности княгиня, старались помогать

своим соотечественникам, оказавшимся в трудном положении. Княгиня включилась в работу Красного Креста, создавала мастерские, открывала благотворительные столовые, бюро найма... Журналист П. Шостаковский, встречавшийся с княгиней в те годы, писал: «Самая из них умная и толковая оказалась старуха Юсупова. Она не только приняла как неизбежное создавшееся положение, но и старалась облегчить другим выход на новую дорогу, дать возможность заработать себе кусок хлеба».

В 1928 году умер Феликс Юсупов-старший, и Зинаида Николаевна переехала к сыну в Париж.

Она ушла из жизни в 1939 году, в весьма уже преклонном возрасте — ей было 78 лет.

Последний князь Юсупов, Феликс, скончался в 1967 году, оставив замечательные воспоминания — «Конец Распутина» (1927) и «Мемуары» (1953). На страницах этих книг оживают главные персонажи русской истории начала 20 века.

А портреты Серова, на которых запечатлены члены семейства Юсуповых, сегодня украшают собрание Русского музея. Вот они: очаровательная молодая княгиня Зинаида, ее супруг граф Феликс Сумароков-Эльстон, и два ее сына — задумчивый, серьезный, старший Николай, и младший, веселый повеса красавчик Феликс. На портретах Серова они все еще живы и прекрасны, и вся жизнь у них еще впереди... □

Никита Кологривый

Никита Кологривый — молодой, яркий и очень талантливый актер театра и кино. Именно по фильмам зрители его в основном и знают.

Он снялся в 24 проектах, в картинах «Балканский рубеж», «Жги!», «Зоя», «Настоящее будущее», «Девятаев» и других. А также в сериалах «Скрытые мотивы», «Полет», «Шерлок в России». Скоро на экраны с его участием выйдет фильм «Бендер» и сериалы «Вертинский», «Чикатило», «Пищевлок», «Игра на выживание», «Фантом».

«Мне нравится сниматься в кино, но и играть в театре тоже»

— В начале года состоялась премьера военно-исторического фильма «Зоя», где вы сыграли одну из главных ролей. Расскажите, пожалуйста, как проходили съемки картины.

— Фильм этот о судьбе юной Зои Космодемьянской, трагически погибшей в ноябре 1941 года под Москвой, во время Великой Отечественной войны. Она стала первой женщиной, посмертно удостоенной

звания Герой Советского Союза. Зою сыграла актриса Анастасия Мишина. В этой картине режиссеров Леонида Пляскина и Максима Бриуса я сыграл одну из главных ролей — роль красноармейца, комсорга Василия Клубкова, парня из разведывательной группы штаба Западного фронта, в которой была Зоя Космодемьянская. Снимали зимой, под Минском, на Смоленщине, было холодно, можно сказать, что погода нам помогала в создании образов. Съёмки были интересными с точки зрения драматургии.

— Никита, артистом, наверное, хотели стать в детстве?

— Я любил спорт и поступил в Новосибирске, где жил в то время, в педагогический институт, на отделение физической культуры, на тренера по боксу. Дедушка мой случайно увидел объявление, что набирается группа на театральные курсы, где готовят для поступления в новосибирский театральный институт, и посоветовал мне обратиться на это

внимание. Я решил попробовать, а после курсов поступил в театральный институт. Там я проучился два года, а потом решил поехать в Москву, поступать в ГИТИС. Мне повезло, я попал к замечательным преподавателям, моими учителями были Сергей Анатольевич Голомазов и Павел Осипович Хомский. После окончания ГИТИСа меня приняли в труппу театра на Малой Бронной в качестве стажера. Играл в театре две сказки, готовил премьеру «Тилья Уленшпигеля» в постановке Голомазова, но, увы, не сложилось из-за моего съёмочного графика в кино. Через какое-то время я перешел в Губернский театр под руководством Сергея Витальевича Безрукова, и вот уже два года служу в этом театре. Играю Чеширского Кота в спектакле «Алиса в стране чудес». Были планы сыграть в спектакле «Веселый солдат», по одноименной повести Виктора Астафьева, главного героя — солдата Витю, но, увы, пандемия все изменила.

Я много снимаюсь в кино. В этом году ждем выхода трехсерийного фильма «Бендер» режиссера Игоря Зайцева. В картине снимались Сергей Безруков, Арам Вардеванян, Таисия Вилкова, Вера Брежнева, Александр Цекало, Юлия Рутберг, Ольга Сутулова, Юрий Колокольников, Павел Деревянко, Гарик Харламов...

Основной акцент фильма сделан на событиях, происходивших в жизни главного героя задолго до описанных в известных произведениях и экранизациях «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок». В «Бендере» я получал огромное удовольствие от съемок.

А до этого сыграл Мишку-Япончика, который в 1917 году вышел на свободу по амнистии и был во главе своей банды настоящей «грозой» Одессы. Фильм не выходил на экран четыре года. Летом ждем премьеру.

— Главные роли вы исполнили во многих картинах: «Русский рейд», «Игра на выживание», «Настоящее будущее», снялись в фильмах «Жги!», «Розовое или колокольчик», «Майор Гром: чумной доктор», «Пищеблок», «Скрытые мотивы», «Сцены из супружеской жизни», «Вертинский», «Девятаев».... Получается, что вы отдаете предпочтение кино?

— Такие времена, ведь ни для кого не секрет, что в отличие от театра в кино платят хорошо, и на эти деньги можно жить. Мне нравится сниматься в кино, но играть в театре тоже. Театр — это совсем другое, другие ощущения, в театре все происходит здесь

и сейчас, это другие чувства... Больше магии и таланта живого воплощения... Актеру театр ближе, потому что на сцене ты чувствуешь моментальную отдачу от зрителя. В кино тебя могут «вырезать», «перемонтировать», испортить кадр, или ты сам его испортишь (улыбается). Артист должен попробовать себя как в театре, так и в кино.

— Никита, вы занимались боксом, что это вам дало, кроме хорошей физической формы?

— Я пришел в профессию уже с опытом соперничества. К сожалению, многие мужчины никогда в жизни не испытывают чувство соперничества. А это важно. Занятия спортом помогли мне в плане самодисциплины, дали мне формулу, как добиться успеха. Помимо бокса я занимаюсь самбо и дзюдо. Спорт мне помогает в моей профессии.

— Какие качества больше всего цените в людях?

— Самоиронию.

— Что хотели бы пожелать читателям?

— «Трудись для того, чтобы наслаждаться» — сказал великий философ Руссо. Трудись по силам и желай, чтобы труд был вечно сладок.

— А о чем вы мечтаете?

— Я не фантазер... Я ясно представляю свой путь. Но, конечно, жизнь может преподнести сюрпризы. □

Беседовала **Елена Воробьева**

ПУТЬ К ТРОНУ

Почти три четверти XVIII столетия во власти в России находились женщины. Безусловно, самой выдающейся среди них была императрица Екатерина II, которую современники и потомки нарекли Екатериной Великой.

Благодаря случаю, эта чужеземная принцесса почти девочкой была привезена в Россию и выдана замуж за наследника престола. Ее супруг, вспыльчивый и вздорный великий князь Петр Федорович, был помешан на прусской «шагистике», пьянстве с дворцовой прислугой, а по

ночам вместо исполнения супружеского долга заставлял Екатерину играть с ним в солдатики.

Его равнодушие к ней со временем сменилось стойкой неприязнью. Екатерина не на шутку опасалась закончить свои дни в каком-нибудь отдаленном монастыре. Подобные опасения заставили ее вынашивать планы устранения мужа, будущего императора, путем заговора. И она осуществила свои замыслы с помощью дворцового переворота, завершившегося убийством ее мужа, внука Петра Великого.

По уверению Екатерины, на протяжении девяти лет брака она сохраняла девственность. Впрочем, затем она наверстала упущенное. За годы, предшествующие перевороту, будущая императрица сменила несколько любовников. Вслед за Захаром Чернышовым настала очередь Сергея Салтыкова, который, возможно, был отцом будущего императора Павла I. Его сменил Станислав Понятовский, а затем Григорий Орлов, сыгравший важную роль в возведении Екатерины на престол.

Она была рождена для борьбы и побед. В одном из ее писем есть слова: «Я буду царствовать или погибну». Возможно, она предчувствовала, что ее царствование назовут «Золотым веком Екатерины»?

Екатерина появилась на свет 21 апреля 1729 года в Штеттине, главном городе герцогства Померания. Назвали ее София-Фредерика-Августа. Отец девочки, князь Христиан Август Анхальт-Цербтский, мягко говоря, не был особенно знатен и тем более богат, и находился на службе у прусского короля в качестве коменданта, а затем губернатора Штеттина. Мать Софии, Иоанна-Елизавета, происходила из герцогского дома Гольштейн-Готторпов, и если отец Фике (так звали девочку в семье) был добросовестным генералом-служакой, не очень склонным к светской жизни, то его супруга обожала балы, маскарады и поездки к своим знатым родичам. Из-за отсутствия необходимых

средств дома ей приходилось экономить на всем. К старшей дочери (в семье было еще четверо детей) она относилась весьма холодно. В раннем детстве девочка болела гнойничковым лишаем, и ей неоднократно пришлось остригать волосы, чтобы избавиться от коросты на голове. В семь лет она едва не умерла от воспаления легких. Болела долго, а когда, наконец, выздоровела, у нее обнаружили сильное искривление позвоночника. К счастью, она попала в руки опытного костоправа (по совместительству он выполнял обязанности палача города Штеттина). Сей эскулап собственноручно изготовил для принцессы корсет, который Фике носила днем и ночью, снимая лишь

во время смены белья. Это мучение продолжалось почти четыре года. Зато к одиннадцати годам спинка девочки стала на диво пряменькой, и она приобрела грациозную осанку.

Домашнее образование, которое получала Фике, блестящим назвать было трудно. Приставленные к ней учителя и гувернеры были, как на подбор, люди заурядные, если не сказать невежественные. Исключение состав-

ляла француженка, мадам Кардель. Сама не получившая формального образования, Бабет, как называла ее Фике, оттачивала ум своей ученицы в непринужденной форме, давала ей читать Расина, Корнеля и Мольера. Она развила в девочке умение владеть устной и письменной речью и восторгалась ее умением приобретать и использовать полученные знания. Впрочем, даже мадам Кардель

не могла предвидеть ослепительного будущего своей ученицы. Ведь все шло к тому, что девочку выдадут замуж за какого-нибудь мелкого князька, которых в тогдашней Германии было великое множество.

Все изменилось в начале 1744 года. Прибывший гонец вручил матери семейства пакет с письмом от гофмаршала двора великого князя Карла-Петра-Ульриха в Петербурге. Российская императрица Елизавета Петровна приглашала принцессу Софию в сопровождении матери прибыть в Петербург. Нельзя сказать, что это

есть реальные шансы стать невестой великого князя Петра Федоровича, племянника императрицы Елизаветы и наследника российской короны. А почему, собственно, нет? Им было известно, что кандидатуру Фике поддерживал прусский король Фридрих II, весьма заинтересованный в дружбе с Россией. Иоанна также подозревала, что свою роль сыграли и сентиментальные чувства стареющей императрицы, которая в молодости была страстно влюблена в ее брата, своего жениха, скончавшегося от оспы.

В начале 1744 года прибывший гонец вручил матери Фике пакет с письмом, в котором российская императрица Елизавета Петровна приглашала принцессу Софию в сопровождении матери посетить Петербург. Когда обе прибыли в столицу в феврале, Елизавета была очарована юной принцессой. Похоже, она понравилась и Петру. Уже летом того же года в Успенском соборе произошло обручение молодых, а через год состоялось и венчание

приглашение было полной неожиданностью для Фике и Иоанны. Ведь еще полгода назад Иоанна получила от императрицы ее портрет, обрамленный бриллиантами, а немного позднее Фике в Берлине, по просьбе императрицы Елизаветы, позировала известному художнику Антуану Пэну. Картину немедленно отослали в Санкт-Петербург. У матери и дочери не было никаких сомнений в том, что у Фике

В начале февраля 1744 года мать и дочь прибыли в Санкт-Петербург. Елизавета была очарована юной принцессой. Похоже, понравилась она и Петру.

Карл-Петр-Ульрих родился 10 февраля 1728 года в Киле. В его жилах текла кровь двух великих монархов. Его мать, цесаревна Анна, была старшей дочерью Петра Великого, а отец, герцог Гольштейн-Готторпский, при-

ходилса племянником шведскому королю Карлу XII, с которым первый русский император сражался под Полтавой. В три месяца мальчик потерял мать, которая скончалась, по одним сведениям, от чахотки, по другим — в результате сильной простуды. Воспитанием его занимались придворные и офицеры. С семилетнего возраста занятия эти почти исключительно носили военно-казарменный характер. Он самозабвенно занимался ружейными приемами, участвовал в учениях, нес караульную службу. В девять лет он был уже сержантом. Чуть позднее получил чин секунд-лейтенанта. После смерти отца, одиннадцатилетний сирота оказался на попечении обер-гофмаршала Брюмера, который поистине варварски относился к своему воспитаннику — морил его голодом, безжалостно сек розгами, всячески унижал. Подобное обращение не могло не отразиться на психике подростка и его здоровье. Он рос одновременно несдержанным и хитрым, трусливым и хвастливым, простоватым и изворотливым. Когда по распоряжению бездетной Елизаветы Петровны его в 1742 году привезли в Санкт-Петербург, императрица, сама не отличавшаяся особой образованностью, была поражена его, мягко говоря, невысоким уровнем знаний. Таков был молодой человек, супругой которого предстояло стать Фике. Однако пятнадцатилетняя девушка, обладавшая умом серьезным, расчетливым и холодным, готова была примириться со всеми недостатками Петра Федоровича, как стали име-

новать голштинского принца после принятия православия и объявления его наследником престола. Петр был весьма мил с нею, но сразу же объявил, что любит не ее, а одну из фрейлин императрицы. Фике это не очень волновало. Она понимала, что главное для нее — понравиться Елизавете, привлечь на свою сторону знать, завоевать симпатии простого люда. Для этого надо добиться того, чего Петр категорически не желал делать — стать столь же русской, как если бы она родилась на этой земле. Ее преподаватель русского языка не мог нахвалиться прилежанием и успехами своей ученицы. Она занималась языком даже по ночам и доводила себя до истощения. Занятия в одной ночной рубашке и босиком привели к сильнейшей простуде. Узнав о причине болезни, императрица была расстроена до слез, она ежедневно навещала Фике и подарила ей бриллиантовое ожерелье в полтораста тысяч рублей.

28 июня 1744 года Фике приняла православие. Отныне ее именовали Екатериной Алексеевной. Имя было дано ей в честь супруги Петра Великого — Екатерины I. На следующий день в Успенском соборе произошло обручение молодых. После неоднократных переносов венчание состоялось чуть больше года спустя, в августе 1745 года.

Несмотря на свой не по годам развитый ум, невеста была столь невинна, что еще накануне свадьбы плохо представляла себе, в чем состоит таинство телесного соединения мужчи-

ны и женщины. Фрейлины по каким-то своим причинам не стали просвещать невесту. Что же касается жениха, то он, несмотря на хвастовство перед Фике о своих якобы многочисленных любовных победах, знал о физической стороне любви немногим больше нее. За разъяснениями он обращался к слугам и лакеям. Петр слушал их и хихикал, но было видно, что он напуган. Отношения между молодыми быстро зашли в тупик. Время шло, а невеста по-прежнему была невинна. Фике недоумевала — неужели она совершенно не привлекает мужа? Что в ней может отталкивать его? А он не терял времени даром. То волочился за фрейлиной Карр, то его сердце пленила младшая дочь министра Петра Великого Шафировва Марфа, то влюбился во фрейлину Теплову, а потом стал увиваться за пышнотелой Елизаветой Воронцовой.

Уязвленная Екатерина все больше отдалялась от мужчины, который, по ее мнению, предпочитал любую женщину собственной жене. Она и представить себе не могла, что ее муж до сих пор оставался девственником. Дело в том, что роль супруга великому князю мешал исполнять небольшой недостаток, который можно было устранить с помощью несложной хирургической операции, однако Петр до ужаса боялся ножа хирурга. Поэтому в супружеской спальне из ночи в ночь повторялась одна и та же картина: в кровати подле молодой жены Петр командовал своими деревянными или оловянными солдатами, марширующими поверх одеяла, выкрики-

Сергей Васильевич Салтыков

вал команды, изображал канонаду. К участию в этих баталиях он привлекал и Екатерину. Игры эти длились порой до двух часов ночи. А еще ночами он занимался дрессировкой своих охотничьих собак, которых держал в чулане рядом с покоями супруги. Екатерина слышала его команды, лай и визг наказываемых псов. Когда Петру надоедало возиться с собаками, он брался за скрипку, по выражению жены, «принимался пилить на ней». со временем у Петра появились и не очень приятные привычки: он стал много пить и курить. Со временем пребывание во хмелю стало его обычным состоянием. Он мог часами не выпускать трубку изо рта. Попойки и неумеренное курение в обществе лакеев великий князь объяснял стремлением подражать Петру Великому.

*Петр III
и Екатерина*

Шли годы, но в жизни великокняжеской четы ничего не менялось. Желанного наследника или наследницы у них по-прежнему не было. Поначалу это приводило императрицу в недоумение, а потом стало бесить. Одно время она даже начала упрекать Екатерину в том, что та чересчур увлекается верховой ездой, причем использует не дамское, а мужское кавалерийское седло, и, возможно, это мешает ей забеременеть.

Между тем Екатерина хорошела день ото дня. Некоторые молодые

блестящие придворные относились к ней с почтительным обожанием. Среди них были брат фаворита императрицы Кирилл Разумовский и граф Захар Чернышов. За чересчур явный интерес, который последний проявлял к великой княгине, его в 1745 году сослали в удаленный гарнизон. Он вернулся в столицу в 1751 году и нашел великую княгиню чудо как похорошевшей. Она с удовольствием выслушивала его комплименты. На балах и маскарадах они обменивались записками. Чернышов настаивал

на интимной встрече в ее покоях, и даже намеревался переодеться для этого лакеем. Она указывала ему на опасность этого предприятия. (Некоторые современники, а за ними и историки полагают, что такие встречи все-таки имели место, хотя неоспоримых доказательств этого нет.)

Зато интимную связь Екатерины с Сергеем Васильевичем Салтыковым отрицать невозможно. Салтыков принадлежал к одному из древней-

шую княгиню. Развязка наступила довольно скоро. Екатерина в полной мере познала наслаждения чувственной любви. Однако она страшно боялась, что их тайну раскроют. Боялся и Сергей, понимая, как опасны эти отношения. А что, если она забеременеет? На кого падет подозрение? Ведь весь двор знал о несостоятельности Петра. Но Салтыкова недаром называли «демоном интриги». Он обратился к императрице, рассказал ей о

Слухи о болезни императрицы заставляли Екатерину все больше задумываться над своим будущим после прихода к власти Петра, отношения с которым становились все напряженнее. Это побудило ее искать надежных союзников в борьбе за трон. И она их нашла: братья Орловы, Никита Панин, Екатерина Дашкова... Теперь только решительные действия, а именно — дворцовый переворот, могли помочь ей достигнуть своей цели...

ших знатных родов России. Его отец был адъютантом императрицы, сам он — камергером великокняжеского двора. Он был женат, но это не мешало ему покорять сердца самых неприступных светских красавиц. Весной 1752 года ему было двадцать шесть лет. Он был «прекрасен, как заря», — вспоминала впоследствии Екатерина. К тому же необычайно находчив и искусен в достижении своих целей — настоящий «демон интриги». Его страстные объяснения в любви трогали и воспламеняли молодую вели-

препятствию, которое мешало великому князю исполнять свой супружеский долг, более того, взялся уговорить Петра согласиться на операцию, которая «принесет ему счастье». Императрица, любительница острых ситуаций, милостиво согласилась с планом молодого камергера. По правде говоря, ее совсем не заботили проблемы «чертушки», как она называла племянника, однако успех этого предприятия сулил ей исполнение заветного желания — получить внука — наследника престола.

Елизавета Воронцова

План удался на славу. Во время званого ужина Салтыков и его друзья принялись убеждать великого князя в том, что он лишает себя величайшего наслаждения жизни, и ему просто необходимо совершить эту пустяковую операцию. Петр, наконец, согласился. Тут же позвали хирурга, который дожидался в соседней комнате, и буквально в считанные минуты тот сделал свое дело. Вскоре императрице донесли, что сильно запоздавшая брачная ночь все-таки состоялась. Однако только 20 сентября 1754 года Екатерина после двух выкидышей родила сына, которого нарекли Павлом. Придворные шепотом поговаривали, что младенца по батюшке следует называть не Петровичем, а Сергеевичем. Кстати, сама Екатерина в своих мемуарах намекала на возможное отцовство Салтыкова, а вот у са-

мого Петра Федоровича сомнений в своем отцовстве не было.

Елизавета сразу же забрала ребенка у матери, и Екатерина увидела сына лишь спустя шесть недель. Ну а Салтыкова отослали за границу, сначала в Стокгольм, а затем в Гамбург.

Между тем слухи о болезни императрицы заставляли Екатерину все больше задумываться над своим будущим после прихода к власти Петра, отношения с которым у нее становились все более напряженными. О существовании намерений устранения будущего императора с помощью дворцового переворота свидетельствует переписка Екатерины с английским послом сэром Чарльзом Уильямсом, который сочувствовал ее планам и щедро субсидировал великую княгиню. Впрочем, никаких реальных шагов в смысле захвата власти Екатерина в то время предпринять не могла, зато ее знакомство с молодым человеком из окружения Уильямса по имени Станислав-Август Понятовский сыграло немаловажную роль в ее жизни. Двухлетний поляк, принадлежавший к одному из знатнейших родов Речи Посполитой, был прекрасно образован, изящен, хорош собой. Екатерина не могла не поддаться его обаянию. Обмен первыми поцелуями произошел прямо в ее спальне. А затем тайные свидания стали регулярными. Петр знал об этом, но не ревновал. Ему не было никакого дела до того, с кем спит нелюбимая жена. После операции, превратившей его в мужчину, он снова стал обращать свое внимание на фрейлин.

Больше всего его привлекала тучная, не очень красивая Елизавета Воронцова. Когда-то он ухаживал за ней, но потом они расстались. Теперь их отношения возобновились. У Воронцовой были вульгарные манеры, она любила «крепкое словцо» и не менее крепкие напитки, но Петр был от нее без ума. К жене же он относился настолько равнодушно, что иногда вместе со своей любовницей ужинал в ее покоях, где присутствовал и Понятовский. 9 декабря 1757 года Екатерина родила дочь, названную Анной. Ни у кого при дворе не возникло и тени сомнения в том, кто ее настоящий отец. Девочка прожила всего несколько месяцев и умерла, а Понятовского вскоре выслали из России.

В связи с явным ухудшением здоровья императрицы перспективы Петра занять престол становились все более реальными. Это побудило Екатерину искать надежных союзников в борьбе за трон. Она отдавала себе отчет в том, что предотвратить восшествие супруга на престол не в ее силах, однако не теряла надежды в долгосрочном плане одержать на нем верх. Ей было хорошо известно, что худшим врагом Петра Федоровича был он сам. Великий князь публично огорчался победами русского оружия над пруссаками и при каждом удобном случае демонстрировал свое преклонение перед Фридрихом II. А еще он неоднократно грозил распустить гвардию, называя гвардейцев «янычарами».

Враг твоего врага — твой друг. Екатерина отлично понимала это, но до определенного момента гвардия

Станислав-Август Понятовский

относилась к ней достаточно индифферентно. Ситуация изменилась после того, как весной 1759 года в Петербурге появился Григорий Григорьевич Орлов, герой сражения с пруссаками под Цорндорфом. Красавец, силач, гуляка, он пользовался большим успехом у женщин. У него было четверо братьев, которые служили в гвардейских полках. Солдаты и друзья-офицеры обожали их за безудержную храбрость и веселый нрав. Придворные дамы на них заглядывались. Григорий среди братьев был самым честолюбивым. Он не боялся метить выше, тем более что великая княгиня, судя по всему, отнюдь не гневалась на него за пламенные взгляды, которые он на нее кидал.

Да, Екатерина полюбила Григория Орлова за его красоту, бесстрашие и молодецкую удаль. Но полюбила она

его также и за те четыре гвардейских полка, в которых авторитет его и братьев был необычайно высок. Таким образом, этот роман Екатерины был оправдан в равной степени и со стороны рассудка, и со стороны чувств.

Союзники у нее были и среди придворных вельмож: Никита Иванович Панин, Екатерина Романовна Дашкова, ставшая ее ближайшей приятельницей. Пикантность ситуации состояла в том, что она была родной сестрой любовницы Петра, Елизаветы Воронцовой. (Дашкова, несмотря на юный возраст, была уже замужем и носила фамилию мужа.)

но он направил личное письмо Фридриху II, заверяя его в своей дружбе и восхищении. Король Пруссии, полагавший, что проиграл войну, теперь ликовал. Этим позорным поворотом Петр, по сути, оттолкнул от себя армию, лишая себя ее поддержки. Более того, он начал вводить прусскую дисциплину и даже прусскую форму, тем самым оскорбляя русскую армию.

После восшествия на престол Петр III сразу же обрел полную свободу действовать в соответствии со своими капризами. Он уже не скрывал своего презрения и неприязни к Екате-

После подписания акта об отречении от престола бывшего императора под конвоем доставили в Петергоф и там сообщили, что местом его пребывания, точнее заключения, назначен загородный дворец в Ропше, и что его фаворитке Елизавете Воронцовой не позволено сопровождать его. В Ропше Петр находился под надежной охраной, но даже свергнутый и заключенный, он представлял постоянную угрозу для Екатерины

Императрица скончалась 25 декабря 1761 года, оставив в силе завещание, по которому наследовать ей должен племянник, и Петр совершенно законно и мирно вступил в управление империей.

Убеждение Екатерины в том, что худшим врагом нового императора является он сам, начало полностью оправдываться. Петр III немедленно отдал приказ всем войскам прекратить военные действия. Одновремен-

рине. Казалось, он не может простить, что она до сих пор его жена. В феврале 1762 года во время празднества в честь своего дня рождения Петр велел Екатерине передать любовнице орден Святой Екатерины, носить который могли только царицы и жены наследников престола. Побледнев, Екатерина молча выполнила приказ.

Ее нервы были напряжены до предела. Более всего она опасалась, что обнаружится ее беременность (отец,

естественно, Григорий Орлов), которую она скрывала ото всех придворных. Но каким образом скрыть роды? К счастью, преданные слуги у нее были. Ее лакей Шкурин предложил смелый план, как удалить императора из дворца. Петр Федорович — большой любитель пожаров. Когда Екатерина почувствует первые схватки, он, Шкурин, подожжет свой дом, находившийся на большом расстоянии от Зимнего дворца. Император в сопровождении любовницы и толпы придворных, несомненно, поспешит на место происшествия, как делает всегда, и вернется в Зимний уже после того, как там все закончится. Так оно и случилось. Появившегося на свет мальчика быстро обмыли, Шкурин завернул его в бобровую шубу и увез к родственникам, где и оставил. Так появился на свет будущий граф Алексей Бобринский.

Между тем Екатерина чувствовала, что опасность, грозящая ей, становится все более реальной. Она узнала, что ее супруг отдал приказ заточить ее в Шлиссельбургскую крепость, и только опасение, что это может вызвать возмущение в армии и среди дворянства, заставило его отменить это распоряжение. Теперь только решительные действия, а именно дворцовый переворот, могли спасти ее от бесславного конца. Друзья Екатерины предлагали различные способы устранения императора, однако то, что случилось в последние числа июня 1762 года, было скорее не результатом тщательно продуманного плана, а импровизацией, возникшей в ходе неожиданного развития событий. Искрой стал случайный

Григорий Орлов

арест капитан-поручика Пассека, который был посвящен в заговор. Теперь только немедленные действия могли спасти Екатерину и ее союзников.

28 июня в шестом часу утра брат Григория, Алексей Орлов, прибывший в Петергоф, вошел в покои Екатерины в Монплеzure. От него она узнала об аресте Пассека и вместе с Алексеем спешно отправилась в Петербург. В нескольких верстах от столицы их встретил Григорий Орлов, и они сразу двинулись к казармам Измайловского полка. По сигнальному выстрелу из пистолета навстречу ей с криками «ура» выбежали толпы гвардейцев. Тут же полковой священник принял от измайловцев присягу новой императрице. Примерно такая же картина произошла у казарм Семеновского и Преображен-

ского полков. В Зимнем дворце уже находились высшие чины государства, тотчас присягнувшие императрице. Затем был обнародован Манифест, объявлявший о вступлении Екатерины на российский престол. Практически вся столица оказалась во власти новой императрицы.

Во второй половине того же дня императору, прибывшему со свитой в Петергоф, сообщили, что его супруга исчезла. Обескураженный Петр, не сразу поверив этому, принялся лично осматривать шкафы и даже заглядывал под кровать. Охваченный дурными предчувствиями, он отправил своих ближайших сановников в столицу с целью увещевать супругу и уговорить ее отказаться от намерений свергнуть его с престола. Увы, прибывшие в Петербург посланцы императора тут же присягнули Екатерине. Неудачей закончилась и его попытка укрыться в Кронштадте. Совершенно упав духом, Петр Федорович снова отправил к Екатерине посланца, но на этот раз с сообщением, что он согласен отказаться от своих прав. Вместе со своей фавориткой и несколькими офицерами готов отправиться в Голштинию и просит лишь о пенсии, достаточной для безбедного существования. После подписания акта об отречении от престола бывшего императора под конвоем доставили в Петергоф. Он вышел из кареты, и офицеры сняли с него награды, шпагу и военный мундир, дав взамен гражданскую одежду. Со слезами на глазах Петр вынужден был покориться. Ему сообщили, что местом его пребывания, точнее за-

ключения, назначен загородный дворец в Ропше, недалеко от столицы, и что его фаворитке Елизавете Воронцовой не позволено будет сопровождать его. Петр рыдал и умолял разрешить ему взять с собой хотя бы скрипку, негра по имени Нарцисс и любимую собачку, мопса Можи. Екатерина милостиво согласилась удовлетворить его просьбу. Вечером Алексей Орлов увез в карете комкающего мокрый от слез платок Петра.

В Ропше бывший император находился под надежной охраной, но Екатерина понимала — это не решение проблемы. Даже свергнутый и заключенный, он представлял собой постоянную угрозу для ее трона.

6 июля неожиданно пришло послание от Алексея Орлова. Она с трудом разбирала написанные карандашом каракули на листе смятой бумаги: «Матушка-заступница, наша императрица! Как объяснить, как рассказать, что случилось?.. Матушка, готов умереть, но сам не знаю, как это несчастье произошло. Если не простишь, мы пропали. Матушка, он скончался. Никто из нас этого не хотел ... Он начал спорить с Федором Барятинским за обедом, и не успели мы их разнять, как он помер! Не помню даже, что мы сделали, но все мы, как один, виноваты ...»

Екатерина была потрясена. Это явное убийство, совершенное ее друзьями в ее же интересах. Она упала в обморок, а когда пришла в себя, горько заплакала. Смерть эта, желанная для нее, хотя ею и не спровоцированная, наносила ее репутации огромный ущерб. Однако гнев на виновных сме-

шивался у нее с признательностью и даже нежностью. О наказании виновных не могло быть и речи.

На следующий день Екатерина опубликовала Манифест, в котором сообщалось, что император Петр III волею Всевышнего скончался от геморроидальных колик. То, что официально объявленная причина смерти императора выглядела смехотворно, многие понимали, но о том, что на самом деле произошло в Ропшинском дворце, могли лишь предполагать.

Впрочем, в обстоятельствах смерти Петра III много загадок, прояснить которые не могут и историки. Некоторые полагают, что убийцей был не князь

Федор Барятинский, а швед Швановиц, из бывших лейб-компанейцев, который задушил императора ружейным ремнем. Однако, согласно самой распространенной версии, непосредственным исполнителем был сам Алексей Орлов. Освобождая царицу от неудобного мужа, он думал, что открывает своему брату Григорию дорогу к трону. Увы, он ошибался.

Как был то ни было, события в Ропше подвели черту под царствованием Петра Федоровича, которое длилось всего 186 дней, и положило начало 34-летнему правлению Екатерины Великой, ознаменованному многими замечательными деяниями. □

Виктор Ом

Первый иллюстратор

«Мертвых душ»

«Искусство — это линия
вокруг ваших мыслей».
Густав Климт

Похоже, взамен невыносимо тяжким обстоятельствам жизни Александру Агину «небеса» презентовали большой и оригинальный талант.

На свет он появился в 1817 году — незаконнорожденным! У дворовой крестьянки и помещика из старинного рода Елагиных. Правда, Александру от знатной фамилии досталась только частичка: четыре буквы — Агин... Таковы были нравы того времени...

Так же на свет появился и его младший брат, с которым им пришлось мыкаться и выживать в непростой жизни.

Александр в 1827 году учился в Псковской гимназии. Помянуть его в завещании рано умерший Алексей Петрович все же не счел нужным,

а вот вольную — дал. Юноше пришлось самому подниматься к вершинам, но выхода не было — принял вызов судьбы!

И в 17 лет — он уже студент Императорской Академии художеств в Петербурге. Его учитель — сам Карл Павлович Брюллов, автор знаменитой картины «Последний день Помпеи», окутанный громогласной невероятной славой.

Но юношу в Петербурге преследовала тягостная бедность. Не оставила она его и после окончания Академии. Напоминала о себе и во время жизни художника в Киеве, куда он переехал из Петербурга из-за конфликтов с цензурными чиновниками.

Однако как не тягостны были жизненные обстоятельства, Александр умел на это посмотреть с легкой иронией, так как был, в общем-то, веселым человеком. Легко и азартно, с самоиронией рисовал свои автопортреты и сочинял пародийные экспромты...

Главными в жизни художника Александра Агина оказались сороковые годы 19 века, и, только потому, что именно тогда он создает иллюстрации к «Мертвым душам», которые и прославили его вот уже почти на два столетия... В этих графических листах привлекает, в первую очередь, его уход от всевозможных стереотипов — абсолютная творческая свобода в композиционных решениях, в трактовке гоголевских образов поэмы. Работы по своей художественности самодостаточны, дают импульс визуального наслаждения, даже независимо от сюжетов, которые художник тщательно разрабатывал. В графических решениях, в игре тональных пятен и отношений прорываются потоки света жизни, бытия...

Потрясающе точны образы основных героев поэтического эпоса. Они узнаваемы, порой кажется, просто — документальны, будто пять минут назад виденные в знакомом переулке или на проспекте... Это, в сущности, обыкновенные российские обыватели городов и деревень, коих на Руси не счесть. Агин «живописует» их графическими средствами так живо и азартно, что цвет сам появляется в процессе восприятия очередного листа. Тональные разработки потрясающе точны, и сами окрашиваются в сознании в колоритные картины. Есть в работах Агина еще одно магическое качество — взглянув хотя бы раз, их не забыть! Так выразительны и своеобразны, и каждый со своим дыханием и изуми-

Справа:
*Чичиков
и Манилов*

*Чичиков
и Плюшкин*

*«...Одолжите,
Федосий
Федосеевич,
дельце за
№368...»*

тельно схваченными художником манерами...

Вот — Собакевич! Это он всех считал подлецами, так как был в глубине души весьма неспокоен за свою репутацию... На рисунке он, «сядась за осетра», вскинул с листа почти вороватый взгляд: не доложит ли зритель начальству, что он жадюга...

А вот Манилов, эдакий «чудненький» лентяй, оправдывающий свою

лень тем, что применить себя не к чему! Художник словно благословляет его — дана жизнь, так и пусть живет сей нарцисс. Пусть живет себе и радуется!

Если взглянуть более общо на творение художника Агина, мгновенно предстанет пред нами нелепый театр, где разыгрывается нелепая пьеса, в которой вся губерния — один пред другим и пред Павлом

Ивановичем Чичиковым, — выхвачены из хаоса бытия с изумительной точностью и житейской верностью, и, главное, — с невероятным психологическим правдоподобием!

А вот и Плюшкин, ставший на все времена героем нарицательным, во все не беспокоится о мнении других о себе «любимом», потому что в нем, по выражению одного из критиков, художнику блестяще удалось изобразить самую «идею непомерной скупости во всем ее страшном величии». Образ этого скупца столь убедителен, что последующим иллюстраторам так и не удалось уйти от магии влияния агинского образа Плюшкина, едва они принимались за работу.

Агин психологически очень точно в рисунке среагировал на невидя-

щий взгляд старого чинуши, который, сняв шапку на приветливый поклон Павла Ивановича, лихорадочно соображает: «надул, надул, чертов сын!», и еще от себя добавляет, написав над дверью дома, где встречаются персонажи, «стригут, бреют, завивают баранов». В рисунке это комично и интересно. Художнику удастся в одном листе соединить несколько сцен и свести в одно изображение сразу несколько углов канцелярии, и, вот мы уже наблюдаем и слышим этот буднично-обычный шум и гам: «— Одолжите, Федосий Федосеевич, дельцо за №368. — Вы всегда куда-нибудь затаскаете пробку с казенной чернильницы! — На, перепиши, а не то снимут сапоги, и просидишь ты у меня шесть суток, не евши».

Собакевич

«Массовые сцены» на листах иллюстраций порой кажутся озвученными — так и слышатся возгласы приветствий Чичикову, и все будто торопятся обнять «дорогого Павла Ивановича», так что в этой суматохе кто-то и на собачку наступает, и стул роняют. А то вдруг — грянет оркестр, и мы вместе с изумленным Павлом Ивановичем замрем: «Вона! Пошла писать губерния!»

И, конечно, внимательней всего художник исследует характер и черты главного героя гоголеской поэмы. Чичиков изображен на 75 листах из 104-х... Агин проводит образ Чичикова от отроческих лет до полного падения его предприятия, когда полусумасшедший Ноздрев несется к Чичикову среди бала с безудержным ором: «А, херсонский помещик, херсонский помещик!.. Что? Много

Ноздрев

наторговал мертвых?» И вот кривится единственный глаз прокурора, чующего, что прямо сейчас начнутся и неприятности, и смута, а, может быть, и смерть... И вытягивается лицо губернатора, забывшего, что хотел угостить Павла Ивановича понюшкой табаку, и холодеют лица дам, а сам Павел Иванович опускает руки, зная, что спасти уже ничего невозможно...

Чичикова на страницах поэмы мы видели разным — и хитроватым, и скупым, и напуганным, и настойчивым, и восторженным, но, в конце концов, вдруг стало понятно, что мы его так и не узнали, не поняли. Этот очень деликатный жулик ускользнул от нас, но мы его теперь не можем ни принять, ни осудить.

Виссарион Белинский не мог смириться с тем, что Гоголь свои

блестящие лирические отступления частично отдал Павлу Ивановичу, его устами выказав о России все укоризненные истины, а в конце поэмы именно Павла Ивановича усадил в тройку, которая полетела «невесть куда в пропадающую даль»...

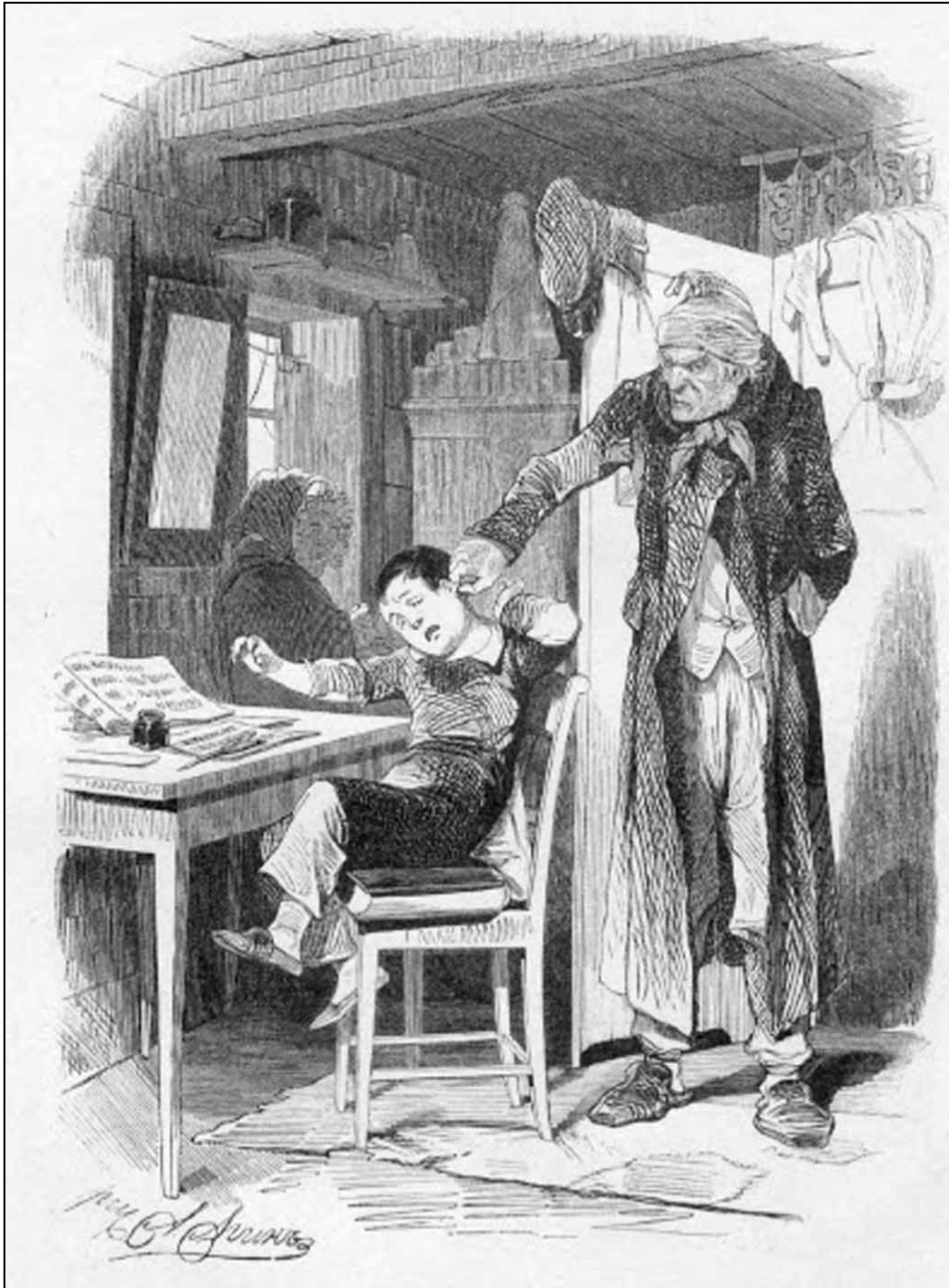
Агин, вероятно, тоже отступлений этих Чичикову доверить не смог, но и отнять их не решился. Характер этот прошел сквозь всю поэму и ушел из нее живым, живою душой среди мертвых.

Ну а всю истинную тайну Николай Васильевич Гоголь унес с собой, все прочие рассказы о том, что он обещал возродить этот характер вновь для жизни и пользы,

теперь так и останутся рассказами.

Никто не знает, куда еще могла завлечь Чичикова его недосказанная художественная судьба!

В этой работе Агин в отличие от других своих многочисленных работ кажется чуть по-детски простодушен. Его ирония здесь совсем беззлобна и даже шаржирована, а временами и вовсе кажется, что он и из текста Гоголя совсем не так много берет для вдохновения. Это только кажется, по своей художественной мере он брал ровно столько, сколько ему требовалось для воплощения замысла, и черпал сполна, и воплощал умно и грамотно! Его штрих,

Справа:
Чичиков
и Собакевич
Чичиков
и Ноздрев

Отец
дерет уши
маленькому
Чичикову

линия всегда работают в нужном направлении и спешат — за правдой. Ритмические решения композиций всегда продуманы и выстроены точно для данного сюжета. Это был совершенно новый язык — ясный и понятный всем. Графическая поэма художника Агина явилась совершенно новым произведением в исторической перспек-

тиве русского графического искусства!

Тут нужно сказать и о «сотворце» графических листов Агина, его друге и прекрасном русском ксилографе и гравере — Евстафие Бернадском. Это он гравировал все 104 иллюстрации Александра Агина. И заслуга его в этом успехе велика. Что ж, они свершили свой подвиг в искус-

стве в расцвете своих творческих сил и полностью реализовались как величайшие мастера. Главное дело их жизни свершилось!

Евстафий Ефимович Бернадский был человек инициативный, и поэтому попросил разрешения у Николая Васильевича Гоголя на издание книги с иллюстрациями художника Агина, которые он гравировал. Гоголь согласия не дал...

Вот так великий писатель объяснил свой отказ в письме Плетневу: *«... я враг всяких политипажей и модных выдумок. Товар должен продаваться лицом, и нечего его подделывать этим кондитерством. Можно было бы допустить излишество этих родов только в том случае, когда оно слишком художественно»*.

Но художников-гениев для такого дела не найдешь, да притом нужно, чтобы для того и само сочинение было классическим, приобретшим полную известность, вычищенным, конченным, и не заполненным кучею таких грехов, как мое».

Художнику и граверу пришлось издавать иллюстрации без текста, отдельными выпусками, в виде комиксов... Как писали современники — отличная получилась серия!

Александр Алексеевич Агин по праву считается одним из первых русских художников-иллюстраторов. Он — автор настоящего творческого подвига, который совершил первым, проиллюстрировав шедевр Николая Гоголя «Мертвые души». Это уже довольно далекая история —

ведь прошло почти двести лет. Но «Мертвые души» с иллюстрациями Агина издают и в наше время. Думается, долгожительство этих гениальных работ в том, что художник сумел сделать нечто неповторимое, уникальное, да просто неопостижимое!

Первое издание Гоголевской поэмы с иллюстрациями Агина вышло только в 1902 году, а затем — в 1934, 1937, 1941, 1946, 1949, 1961 годах. А последнее издание вышло в нашем 21 веке, в 2001 году.

Не нужно забывать, что поэма Николая Гоголя «Мертвые души» уже при жизни автора была воспринята как литературный шедевр, и интерес художников к эпопее о России был огромен. Иллюстрировали книгу многие, и в разные го-

ды — это и Петр Михайлович Боклевский, и Владимир Егорович Маковский, и Петр Петрович Соколов, и советский художник-график Александр Лаптев, и еще многие-многие другие...

Время показало, что иллюстрации Александра Агина не подлежат ревизионистским измышлениям. Они издавались и переиздавались часто — думается, это будет продолжено, потому что русскому человеку нужно всматриваться в них и «считывать» ту правду, которую иллюстратор так художественно и творчески рассказал и показал о нем самом. Поэтому не зря он избрал именно этот тернистый путь творчества, где ему так удивительно точно и многогранно удалось объединить графическое искусство и — правду жизни. Русской жизни!

Слева:
*Чичиков
и Плюшкин*

*Дама,
просто
приятная,
и дама,
приятная
во всех
отношениях*

Конечно, вклад Агина не столь масштабен, как, скажем, огромный холст его учителя Брюллова, ошеломивший всю культурную жизнь России. Графические листы к поэме Гоголя невелики по размерам, но так значительны по смыслам и проникновенным, емким художественным образам.

А еще очень важно, что с этих работ Агина иллюстрация как вид

графического искусства становится единомышленной союзницей авторского текста в книге, а не представляется, как ранее, элементом ее украшения.

Из жизни Александр Алексеевич Агин ушел очень по-русски... 58 лет от роду — всеми забытый... Случилось это в Черниговской губернии, в имении Тарновского. ▢

Нити Ариадны

«С насыпи да в склоны —
как в пустое лить.
Через все препоны —
Ариадны нить
через все помехи,
сквозь десятки лет,
штопает прорехи —
лихолетий след»

Ариадна Эфрон

Ариадна Сергеевна Эфрон родилась 18 сентября 1912 года в Москве в семье уже тогда известной поэтессы Марины Цветаевой и публициста и литератора Сергея Эфрона. Родители были очень молоды: Марине еще не исполнилось двадцати лет, Сергею — девятнадцати. Марина (втайне разочарованная, ибо хотела сына) выбрала для своего первенца имя Ариадна — любимой героини греческой мифологии.

Из дневника Марины Цветаевой:

«Я назвала ее Ариадной, — вопреки Сереже, который любит русские имена, (Ну, Катя, ну, Маша, — это я понимаю! А зачем Ариадна?) Назвала от романтизма и высоко-

мерия, которые руководят всей моей жизнью».

Только вот все звали Ариадну Алей, даже сама мать, видимо, понимала, насколько обязывало выбранное экстравагантное имя. Романтизму и высокомерию пришлось немного потесниться.

Але было от природы дано необычайно много, так много, что это изумляло всех... кроме матери. Та воспринимала уникальность дочери, как нечто само собой разумеющееся.

Огромные синие глаза на чистом и правильном овале лица с тонкими чертами, великолепной лепки рот, копна густых вьющихся белокурых волос. Первое впечатление — эльф.

Жизнь этой женщины так же невероятна, какой была она сама; так туго — практически неразрывно — сплелись в ней и личная незаурядность, и теснейшая связь с матерью и отцом при очень непростых отношениях, и тяжелейшие годы в застенках с их пытками и лишениями.

При жизни ее многие просто... боялись. Даже тогда, когда она была еще ребенком. Впрочем, ребенком в общепринятом смысле слова она, кажется, никогда и не была. Можно считать, что у нее вообще не было детства: душа выросла не по годам, а по минутам...

Да и время было жестоким ко всему невинному, детскому, наивному. Плюс почти удушающее влияние матери, гениальной поэтессы и бездарной воспитательницы, вообще не любившей и не воспринимавшей маленьких детей, даже своих собственных.

Но Ариадна Эфрон смогла это вынести. Ей хватило — уже тогда — мудрости принимать взрослых и жизнь такими, какие они есть, и соответственно строить собственную жизнь, не скупившуюся на тяжелейшие испытания.

Большинство сломалось бы еще до наступления юности. Ариадна лишь стала крепче и ярче, хотя треть жизни прожила в густой тени своей знаменитой матери, а еще треть — в застенках и ссылке.

Впрочем, обо всем по порядку.

Второе — непреходящее восхищение. Девочка взяла от родителей все лучшее, а природа добавила еще — от бабушек и дедушек, талантливых, красивых, трудолюбивых, добрых.

Такие дети рождаются, может быть, раз в столетие.

К четырем годам мать научила ее читать, к пяти — писать, в шесть — вести дневник. Вскоре Аля уже писала стихи, совсем не детские, все, без исключения, посвященные матери.

В семь лет этот ребенок (сейчас бы сказали — вундеркинд) стал наперсницей своей гениальной матери, ее опорой во всех невзгодах. Аля боготворила Марину Ивановну и обра-

щалась к ней только на «вы» — «вы, Марина».

Впрочем, это не было чем-то необычным: родители Али всегда были друг с другом только на «вы», со дня знакомства до последних дней совместной жизни. Правда, они давно уже жили врозь. Сергей Эфрон ушел добровольцем на фронт, попал в санитарную бригаду, насмотрелся таких страданий, которые и вообразить себе не мог, а потом — после революции — попал в белую армию. И вынужден был вместе с остатками этой армии покинуть Россию, оставив жену и двоих дочерей, причем младшую, Ирину, так никогда и не увидел.

*Марина
Цветаева
и Сергей
Эфрон —
родители
Ариадны*

Да и сама Марина младшую дочь просто не замечала, никаких чувств, кроме раздражения, к ней не питала и, кажется, испытала облегчение, когда ее не стало.

У нее была Ариадна — ей хватало ее восторженного поклонения и безотказности.

Театры, выставки, поэтические вечера были в избытке в голодной, промерзшей Москве, и Аля почти каждый вечер составляла компанию матери в их посещениях. Постоянно видела вокруг себя необычных людей (казавшихся ей обычными, друзей она почти не знала) — поэтов, артистов, художников. Именно она передала Блоку после его выступления записку со стихами Марины — сама великая поэтесса элементарно испугалась живого общения со своим миром. Ариадна же увидела смер-

тельно уставшего, больного человека, доживавшего последние дни. Таким он и остался в ее памяти.

А настоящая жизнь была невыносимо трудной. Дети почти все время голодали. Аля, к счастью, выжила, а вот младшая Ирина умерла от голода. Сколько упреков впоследствии было в адрес Цветаевой за то, что она «обрекла ребенка на гибель, занятая только собой». А она была занята — Алей. И мучительно, хотя и по-своему непублично, переживала гибель младшей дочери.

*«Две руки, легко опущенные
На младенческую голову!
Были — по одной на каждую —
Две головки мне дарованы.
Но обеими — зажатými —
Яростными — как могла! —
Старшую у тьмы выхватывая —
Младшей не уберегла».*

Через несколько месяцев после этого Цветаева получила сообщение о том, что ее муж жив и находится в Берлине. Решение было принято мгновенно — ехать!

И в 1922 году Ариадна с матерью уехали из России — сначала в Берлин, а потом в Чехию. Состоявшаяся, наконец, встреча родителей потрясла Ариадну: они рванулись друг к другу и надолго застыли, чуть ли не закаменели в объятиях друг друга. Эта картина постоянно вставала перед ее глазами, когда она впоследствии вспоминала родителей. Увы... Ей и в голову не могло прийти, что пройден только пролог к трагедии.

Сергей Яковлевич к тому времени окончил Пражский университет, о чем давно мечтал. Жили на студенческую стипендию Сергея и литературное пособие Марины в 1000 чешских крон. Этого было очень мало... Жили в деревне поблизости от города, постоянно нуждаясь в самом необходимом.

Алю отдали в русскую гимназию-интернат. Но ее гимназическое обучение продолжалось всего одну зиму, а потом Марина решила, что преподаватели этой гимназии ничего ее дочери дать не могут, и снова сама взялась за образование дочери. Возможно, хотела заполнить образовавшуюся в ее жизни пустоту. А возможно, все было проще и грубее: родился сын Георгий, Мур, по-домашнему, любимец матери, и понадобилась помощь Али по дому. Одна Марина

просто не справлялась — быт всегда был для нее чем-то запредельно невыносимым.

В 1925 году семья перебралась в Париж. Родители надеялись, что там легче будет заработать на жизнь и учить детей. Мечтам не суждено было сбыться, они по-прежнему бедствовали, но при этом Ариадна стала учиться рисованию в училище прикладного искусства (оформление книги, гравюра, литография) и в училище при Луврском музее. Рисование было ее давним увлечением, еще в Чехии она делала иллюстрации к сказкам, которые сама сочиняла, и к поэме Цветаевой «Крысолов».

Литературных заработков отца и матери не хватало даже на самую скромную жизнь, и Аля бралась за любую работу, только бы помочь

семье. Она делала репортажи, писала очерки для французских журналов «Пур-Ву», «Россия сегодня», «Франция — СССР», сотрудничала в русском журнале «Наш Союз», который издавался советским полпредством. А еще вязала по заказам свитера, кофты, шапочки.

«Четыре франка в день — на это мы и жили», — написала она впоследствии, вспоминая эти годы.

Почти не помнившая родины, Ариадна вдруг затосковала по ней. То, что она читала в советских газетах и журналах, постепенно выкристаллизовалось в горячее желание увидеть все это своими глазами, жить в том прекрасном и справедливом мире, который создан в ее воображении.

Она не знала того, что в Париже ее отец стал секретным сотрудником НКВД. Независимо друг от друга, они стремились к одному: попасть в Советскую Россию, жить там новой, одухотворенной, созидательной жизнью. Наивно? Возможно, зато искренне. И, как позже выяснилось, смертельно опасно в буквальном смысле этого слова.

4 сентября 1937 года произошло убийство спецагента Игнатия Рейсса, посмеявшегося выступить в западной печати с разоблачениями политики Сталина и о страшного режима репрессий. Остаться в Париже стало опасно.

Неминуемая и страшная для Марины разлука все же наступила. Семья Цветаевых-Эфрон раскололась

на две части. Одна из них, самая трепетная, щемящая и значимая для Марины, — муж и дочь — оказалась с 1937 года в Советском Союзе, в Москве. Мать с сыном оставались пока в Париже, первая — осознанно, второй — бессознательно.

Два года в Москве Ариадна действительно была счастлива. Жила вместе с отцом на казенной даче в подмосковном Болшево. Работала в журнале «Revue de Moscou» переводчицей в особняке Жургаза (Журнально-газетное объединение) на Страстном бульваре.

И там же встретила свою первую и единственную, как оказалось, любовь. Он был старше и женат. Самуил Гуревич. Муля, так называли его близкие.

Муля часто бывал в Болшево, они гуляли по пустынным улочкам поселка и были счастливы. Он окончательно решил уйти от жены, ждал только подходящего момента. Хотя, возможно, знал, что этого момента никогда не наступит.

К этому времени в Россию уже приехала Марина вместе с сыном. Семья снова воссоединилась... на считанные недели.

Алю арестовали 27 августа 1939 года. Сквозь пелену слез она видела, как машут руками вслед «воронку» отец, мама и Мур, и чувствовала, что видит их всех — в последний раз. Не просто чувствовала — знала, но не верила до конца. В это невозможно было поверить! Как и во все то, что случилось дальше....

Под страшными пытками (Алю ставили раздетую в холодном карцере, где нет возможности присесть, вызывали на допросы в ночь, держа до самого утра, не давая таким образом спать, а спать в камере днем запрещалось, били резиновой дубинкой, всячески издевались) выбивали из нее показания против отца и ее самой, заставляя признать себя агентами французской разведки.

Не дай Аля показаний против отца, спасла ли этим его? Нет. Все бы-

прощанье Марина осенила Сергея широким крестным знаменем...

Оба чувствовали — в последний раз.

Ариадна Эфрон была осуждена по статье 58-6 (шпионаж) Особым совещанием на 8 лет исправительно-трудовых лагерей.

22 дня везли их, незаконно осужденных, невиновных, на север, в Коми, в края снегов по колени. Муля поддерживал ее в письмах, обещал приехать, когда будет известно, где она «остановится».

Л

итературных заработков отца и матери не хватало даже на самую скромную жизнь в Париже, и Аля бралась за любую работу, только бы помочь семье. Она делала репортажи, писала очерки, а еще вязала на заказ свитера, кофты, шапочки. То, что она читала в советских газетах и журналах, вызывало в ней огромное желание увидеть все это своими глазами, жить в том справедливом мире, который создан в ее воображении

ло давно решено. Не хватало лишь деталей. Как говорила она в письмах: «все дела были плохо скроены, но очень прочно сшиты». И все же она держалась двадцать дней. Не всякий мужчина выдержит и недели таких испытаний. А когда отошла от пыток, отказалась от своих показаний.

Аля верно определила причину своего ареста: она была нужна НКВД лишь как главный свидетель обвинения отца. Теперь пришла его очередь, 10 октября, рано утром. На

«Я люблю тебя до конца нашей жизни. Я глубоко убежден и даю тебе слово, что ты будешь свободна, и мы будем вместе...»

И обязательная подпись — «твой муж».

Не эти ли письма помогли ей вынести невыносимое?

А до лагеря еще надо было добраться — эшелон. В нем было четырнадцать женщин — довели до Княжьего Погоста, перевалочной станции, только двоих: Ариадну и еще одну заключенную...

Станция Ракпас. Холодные бараки по 100 человек. Долгая дорога до комбината, по колено в снегу, а в межсезонье в грязи. Аля работала швеей, чинила, чистила, отпаривала солдатские шинели.

Жизнь продолжалась и в этих почти невыносимых условиях. В том числе и благодаря письмам.

«Мне стыдно признаться в своей слабости, но я так устала, хотя никому этого не говорю и не показываю, что иногда по-настоящему ничего больше не хочется, ничто больше не интересно, кроме одно-

себя непосильную и некрасивую ношу...»

И в ответ:

«Малыш мой,<...> ты сокрушаешься тем, что вместо счастья принесла мне горе. Это совсем не так. Счастье от тебя началось с нашей встречи, а потом все разрасталось и стало неисчерпаемым...»

Самуил Гуревич поддерживал, как мог. Бандероли, посылки, лекарства и деньги... Удивительно, но Ариадну совершенно не волновало то, что за столько лет «брака» ее гражданский муж так и не развел-

В

1939 году Алю арестовали. Глядя из окна машины, как отец, мама и Мур машут вслед «воронку», она чувствовала, что видит их в последний раз, но не верила до конца. В это невозможно было поверить! Как и во все то, что случилось дальше...

го: чтобы случилось чудо, и ты бы взял меня к себе, а дальше все — даже не хватает фантазии... Я бесконечно благодарю тебя за твое отношение ко мне, к маме, Муру, ну, одним словом, если ты разлюбишь меня, если это положение вещей будет тяготить тебя, ты не забывай, что лучшим доказательством дружбы будет предоставить меня моей судьбе. А то ведь ты врун у меня, разлюбишь, будешь жалеть и говорить, что любишь. Как мне разобраться на таком большом расстоянии?.. Боюсь, родной мой, что в моем лице взвалил ты на

ся официально с законной женой. Казалось, ее для Али просто не существовало. Воистину, дочь своей матери — романтизм и высокомерие, вымышленное сильнее реального, письма почти полностью компенсировали отсутствие личных встреч.

Марина Ивановна тоже писала дочери. Писала со страстью и любовью, которых в прежней жизни на воле Ариадне так не хватало. Но вдруг замолчала. Ариадна чувствовала: произошло что-то страшное, но не знала, что именно. От нее долго скрывали трагическую гибель

*Марина
и Ариадна*

матери. Лишь через год с лишним тетьа, Анастасия Цветаева, написала о случившемся.

Обожаемого ею отца расстреляли 16 октября 1941 года. Об этом она узнала лишь после его реабилитации — 22 сентября 1956 года.

«За отсутствием состава преступления».

Но это было позже. Пока же — привыкание к тому, к чему привыкнуть, казалось бы, невозможно.

По вечерам Аля увлекательно рассказывала подругам о Париже и прочитанных романах, сочиняла свои, тихонько пела, читала по памяти сти-

хи, в том числе, и Марины, не упоминая, что это — ее мать.

На табурете возле ее нар всегда стояла старинная фотография красивой пары: молодая женщина в шелковом длинном платье и юноша — студент в сюртуке. Родители...

Фотография исчезла после того, как Ариадна получила известие о трагической гибели матери. Самая первая и самая сильная боль. Впоследствии сообщения о гибели брата на войне и о расстреле отца были восприняты уже иначе: с покорной скорбью, как нечто ожидаемое. Нити, связывавшие ее с близкими, об-

Справа:
*Самуил
Гуревич*

рывались одна за другой, и каждый разрыв приближал ее собственный конец.

Уже — ожидаемый. Сдавало сердце, зашкаливало давление. И все бы закончилось плохо, если бы однажды ее приятельница по бараку не изловчилась отправить через случайного человека письмо Муле: *«Если хотите, чтобы ваша жена осталась жить, срочно добивайтесь перевода из этого лагеря».*

Но чтобы совершить такой перевод, нужны были огромные связи. И оказалось, что они — были. Алю перевели в более мягкий климат, в

Мордовскую АССР. Там она расписывала ложки, работая почти по специальности.

Закончилась война, Муля сумел добиться встречи с Алей, хотя и это было почти невозможным. Но после отъезда он вдруг замолчал. Порой испытание встречей куда сильнее испытания разлукой. Он любил живую, улыбчивую, большеглазую Алю, а встретился с «лагерной женщиной».

Получилось почти так, как в одном из стихотворений Анны Ахматовой:

*«Разлуку, наверно, неплохо снесу,
Но встречу с тобою — едва ли».*

Ко всему прочему, жить с осужденной по 58-й статье означало распрощаться и с работой, и кое с чем другим. А этого «другого» было много. Гуревич уже работал на довольно высоком посту в ТАСС, считался одним из самых заметных журналистов. Пожертвовать всем этим он был явно не готов, поэтому предпочел молча самоустраниться.

Еще одна «нить Ариадны» оборвалась, очередным образом укоротив ее жизнь. Чем ближе был день освобождения из лагеря, тем больше оказывалось потерь. Порог Лубянки перешагнула молодая, цветущая женщина, любящая и любимая, жившая в необыкновенной, но по своему счастливой семье. Из лагеря же в 1948 году вышла сирота, больная, измученная, для которой было невозможным возвращение не только в Москву, но и в любой другой крупный город. Кое-как сняла в Рязани угол, устроилась преподавателем графики в Художественном училище. Эту несломленную женщину, сохранившую веру в хорошее, доброе и искорку в глазах, обожали преподаватели и студенты. Она отвечала им взаимностью. Зарплату ей положили 360 рублей в месяц, на руки со всеми вычетами — чуть больше 200. На эти деньги жить было трудно, но другой работы в Рязани она не могла найти. Увы, она пока не знала, что уже подписан приказ об ее увольнении: бывшим заключенным запрещалось работать в системе народного образования.

Вольных дней оставалось совсем немного. 17 февраля Але приснился сон: Марина предупреждала ее об аресте и даже назвала число, когда придут...

И 22-го за ней действительно пришли. Она была арестована во второй раз, даже без предъявления обвинения... И приговорена, как ранее осужденная, к пожизненной ссылке, к вечному поселению в Туруханском районе Красноярского края.

В Москве, которую завещала ей мать, ей не жить! Никуда из Туруханска, даже за пределы села! Каждые десять дней нужно было являться в местное отделение МВД и отмечаться в книге — я здесь, я никуда не делась. И так из месяца в месяц, из года в год. Вечная поселенка, вечный Енисей...

Ариадна Эфрон в лагерные годы

И были письма из Туруханска. К теткам, к Борису Пастернаку. Единственная возможность общения с близкими ей людьми, от которых она теперь была отторгнута, казалось, навечно.

Не она писала только Гуревичу («единственному мужу»), а его молчание расценивала как конец любви и всем их совместным планам. Только после реабилитации Ариадна узнала о том, что журналиста расстреляли в последний день 1951 года по обвинению в шпионаже и участии в контрреволюционной организации.

Но жизнь, тем не менее, продолжалась. Жителям Туруханска запрещали сдавать жилье ссыльным, на работу их не принимали. Бесконеч-

ная, ледяная ночь, пронизывающие ветры, постоянное чувство голода.

«*В лагере было легче*», — обронила Ариадна в одном из писем.

Спас ее Борис Пастернак, многолетний друг по переписке Марины Цветаевой. Деньги, регулярно присылаемые им, позволили найти жилье, а впоследствии — даже купить крохотный домик на самом обрыве у Енисея.

«*Теперь я впервые в жизни обладаю недвижимостью*, — писала ему Ариадна. — *Правда, разливы Енисея непредсказуемы, и мое жилище в любой момент может превратиться в движимое имущество — вместе со мною*».

Ей удалось устроиться уборщицей в школе — единственное место, куда могли принять ссыльную. Помимо этого Ариадна неожиданно получила предложение стать художником-оформителем в местном Доме культуры. Там давно нужен был такой сотрудник. Увидев, как Аля разукрасила школу к началу учебного года, ее тут же зачислили в штат... без оклада. Клуб никак не мог выкроить хоть нищенские деньги. Да и руководство его не волновал вопрос оплаты труда бесправной ссыльной. А она работала не только художником, но и режиссером: ставила спектакли, писала декорации, шила костюмы, устраивала вечера Маяковского, Пушкина. И выпускала газету, где была оформителем, редактором и поэтом одновременно. Кто знает, может быть,

именно эта работа «для души» спасла ее физически: многие, очень многие ссыльные не выдерживали суровых условий жизни Севера. Суициды там были не редкостью, а составляющей жизни. Местные жители, привыкнув к Але и оценив ее по достоинству, рассказали, как при-

карими, древнегреческими очами тощих коров».

Главным ее корреспондентом был Борис Пастернак. А она стала первым читателем его романа «Доктор Живаго». И первым критиком — вдумчивым, искренним, иногда суровым. Лукавить в таких вопросах

Ч

ем ближе был день освобождения из лагеря, тем больше оказывалось потерь. Через порог Лубянки несколько лет назад шагнула молодая, цветущая женщина, а из лагеря в 1948 году вышла сирота, больная, измученная, для которой было невозможным возвращение не только в Москву, но и в любой другой крупный город...

близительно за год до ее приезда «очистили» Туруханск от прежних ссыльных, среди которых много было сектантов и священников из России. Сопнали их всех однажды весной на берег и расстреляли...

После этого рассказа Ариадна стала бояться повторения истории. Боялась, что с «Большой земли» пришлют новых несчастных, а нынешних... Но письма ее по-прежнему были спокойно-ироничными, жаловалась она только на погоду: ледоход на Енисее порой продолжался до июня. А дрова, которые еще нужно было достать, стоили недешево.

«Здесь тоска у-у какая! — ...лезет из тайги, воет ветром по Енисею, исходит беспросветными осенними дождями, смотрит глазами ездовых собак, белых оленей, выпуклыми,

она не умела, если дочь Марины Цветаевой и Сергея Эфрона вообще умела — лукавить.

В 1955 году Ариадна Эфрон была реабилитирована «за отсутствием состава преступления».

В Москве, несмотря на хлопоты друзей, обосноваться не удалось. Ариадна Сергеевна уехала в Тарусу. Там, где когда-то из года в год арендовал дачу профессор Иван Владимирович Цветаев, где бегала девочкой совсем маленькая Марина, потом — подросток Марина, где когда-то жарким июльским днем умерла от чахотки ее молодая мать — музыкантша, такая несчастливая в жизни бабушка Али, Ариадна попыталась создать дом-музей Марины Цветаевой.

Не вышло. Нет, впрямую ей не отказали, но в одну ночь бульдозером

смахнули небольшой домик. На месте будущего музея образовался пустырь. Еще одна нить, связывающая с прошлым, была грубо оборвана.

Несмотря на это, Ариадна нашла в себе силы заняться судьбой архива. По ее просьбам, все, оставленное Мариной Ивановной перед эвакуацией, оказалось в одном месте.

«Сижу с маминими рукописями, вместо того, чтобы хладнокровно разбираться в них, только и делаю, что читаю и плачу, и хватаюсь за голову. Из этого сундука, окованного железом, как из ящика Пандоры встает вся та жизнь, которую я в себе и держала тоже, как в ящике, и не давала ей ходу. Выйдя из сундука, мамини жизнь туда не возвращается больше, под этим не закроешь крышку. Вот мы и встретились вновь, и я, живая, нема в этой встрече, говорит только она».

Все ее мысли — о матери.

«Мне важно сейчас продолжить ее дело, собрать ее рукописи, письма, вещи, вспомнить и записать все о ней, что помню... Скоро-скоро займет она в советской, русской литературе свое большое место, и я должна помочь ей в этом».

Величайшего труда потребовали и первая маленькая книга, и объемистый том в «Библиотеке поэта», и последующие издания, и воспоминания о матери.

А ведь надо было при этом еще зарабатывать на жизнь, и Ариадна Сергеевна переводила, как каторжная. Она трудилась над переводом стихов Виктора Гюго, Теофиля Готье,

Шарля Бодлера, Поля Верлена и других зарубежных литераторов. За время своего творчества писательница опубликовала наследие, оставленное Цветаевой, и написала серию воспоминаний о матери, напечатанных в журналах «Звезда» и «Литературная Армения».

Бодело сердце и еще что-то в спине. Когда Але говорили, что боли могут быть от сердца и отдавать в лопатку, что надо сделать кардиограмму, она уверяла — если бы так болело сердце, то оно давно бы уже лопнуло! И, упрямо настаивая на том, что это невралгия или отложение солей, упорно продолжала ходить и через силу работать. А в начале июля 1975 года попала в больницу с сильнейшими болями и одышкой, почти остановкой дыхания.

Теперь, наконец, догадались сделать кардиограмму. Прочел ее случайно приехавший в Тарусу московский кардиолог Левицкий и пришел в ужас — как при таком обширнейшем инфаркте она еще может жить!..

26 июля в девять утра Аля крикнула из своей крохотной палаты:

— Сестра... укол... скорей... будет поздно...

Когда сестра прибежала со шприцем, действительно оказалось поздно. Ариадна Эфрон умерла на 63 году жизни — от обширного инфаркта. В Тарусе у края холма теперь есть могила. На серо-голубом камне высечено: Ариадна Сергеевна Эфрон.

И около этого камня всегда лежат цветы. □

Афористичность — искусство особого рода. Уникальная и особая значимость афоризмов проявляется в том, что они обычно завершаются неожиданно. Недаром в народе афоризмы чаще всего называют словесными оборотами. Неожиданный оборот или поворот смысла и делают их, что называется, крылатыми выражениями: начало и концовка у них — как два крыла, благодаря которым они могут облететь весь мир.

А ведь далеко не всем прозаикам-романистам, в том числе из когорты классиков, удавалось достичь неожиданного эффекта парадоксально завершаемой мысли даже в романном масштабе.

Тут же, в силу авторского таланта, довольно одной фразы, чтобы смысл засверкал всеми своими гранями и потаенными отсеками, как в чудодейственной шкатулке.

Это все свойственно и словесным оборотам-афоризмам Ивана Переверзина. Поэт, прозаик, романист — он решил покорить еще одну литературную вершину: стал собирать все свои афористические выражения в один цикл. Не случайно характерная особенность афоризмов Ивана Переверзина в их приверженности к русским смыслам, их близости к народному духу и народному бытию. Как поэт — он чаще всего старается их зарифмовать, чтобы они звучали как присказки, присловья, приговорки — и были еще ближе людям.

Иван Переверзин хорошо чувствует природу такого рода словесных оборотов, где играет живое слово, смыслы лучатся светом чистоты и целомудренности, доброй улыбки, радостной или грустной; в них отражаются чаянья народные о справедливости, о гармонии или ладе, на которых она строится и осознается.

Иван Переверзин

Афоризмы

***

В юности жизнь наивно кажется бесконечной, а в старости чересчур быстротечной!

***

Играть с жизнью надо осторожно, ведь отыгаться будет невозможно.

***

Любовь — не вещь, которую можно купить, а вот продать большого труда не составит.

***

Всю жизнь искал любовь такую, с которой бы тоски не знал! Но встретил до того слепую, что с нею сам незрячим стал.

***

Чем меньше женщину мы любим, тем нам яснее суть ее.

***

Любовь, принеся счастье двоим, очень часто делает несчастливым третьего...

***

Есть в женщине такая глубокая нежность, что снимает с души любую мятежность.

***

Мы оттого так медленно запрягаем, что на удивленье быстро едем!

***

Из мрака отчаянья еще можно вернуться к свету жизни, а вот из безысходности — никогда!

***

От жизни можно сильно устать, но не настолько, чтобы всерьез отказываться от нее.

***

Мы быстро многое теряем, но не спешим хоть что-то обрести.

***

В жизни уставших друг от друга супругов есть такая грань, за которой лучше молчать, чем говорить.

***

Борьба со смертью отнимает много сил, но память о любви их восстанавливает быстро.

***

Это как же надо любить себя, чтобы не любить другого!

***

Чтобы не возвращаться, как побитая собака, к женщине, с которой прожил долгую жизнь, лучше от нее не уезжать.

***

Хоть с жизнью этой так везет, что дни проносятся как птицы, лишь твердь небесная спасет, когда придется в боли биться.

***

Счастлив не тот, кто смеется последним, а тот, кто никогда не плачет.

***

Ожидание любви бывает порой таким тяжелым, что радоваться ее приходу не остается сил.

***

Тот, кто не в силах признавать свои ошибки, с удовольствием укажет на чужие.

***

Желание как можно скорее вылечиться от болезни средней тяжести

было настолько огромным, что его нервная система не выдержала перенапряжения, и он заболел неизлечимо.

***

Добро должно быть с кулаками, коль хочет называться злом.

***

Выпив рюмку — подобрел, выпив вторую — расщедрился, выпив третью — разорился.

***

Хорошее вино на радость нам дано, но лишь когда знать меру суждено!

***

Слушают, чтобы ответить, а слышат, чтобы понять.

***

Так безоглядно верил в свой успех, что не заметил, как скатился в грех.

***

Вовеки не понять ни жизнь, ни смерть, коли о них лишь беззаботно петь.

***

Слабость женщин — в чрезмерной эмоциональности, сила мужчин — в верной расчетливости.

***

Есть в женской красоте такая нежность, что усмиряет всякую мятежность. Но без участливой суровости мужской семья не устоит пред жизненной бедой.

***

Он потому так сильно от труда устал, что вдвое больше весить стал.

***

Человек молчит не потому, что ему нечего сказать, а потому, что его, слушая, не слышат.

***

Гарантировано не тому везет, кто рано встает, а тому, кому исправно платят.

***

Грешно насмеяться над широко известным русским «авось», поскольку порой без него, как телегу без колеса, жизнь с места не сдвинуть.

***

В жизни своей я душой вдохновенно крылатый, потому что не был ни бедный, ни богатый.

***

Даже большая любовь не в радость, когда черная ненависть с ней рядом.

***

Прежде чем жить в счастье, необходимо выжить в горе.

***

Счастье не в деньгах — это точно, но без них оно недостаточно прочно.

***

Надо бояться жизни, а не смерти, в которой ничего не изменить.

***

Любовницу заводят не для того, что с ней семьей жить, а чтоб любовь к своей супруге воскресить.

***

Успешному человеку врагов заводить не надо, они сами, как грибы после дождя, растут.

***

Чтоб человеком быть всегда с людьми, почаще надо говорить с зверьми.

***

Считай, что жизнь прожил почти впустую по судьбе, если враги забыли напрочь о тебе!

***

Чем берeditь старую рану, легче получить новую.

***

Чтобы хоть немного поумнеть, надо оказаться в больших дураках.

***

Любовь не награда, чтобы ее заслуживать...

***

Женщине от природы свойственно переоценивать свои возможности. Это, конечно, лучше, чем недооценивать, но стоит больших денег.

***

Уверовал, что Господь ему все грехи простит, и только потому был просто Им забыт...

***

Ставят на жизнь, но, в конце концов, выигрывают смерть.

***

Простить жене измену мог бы, это факт! Но вряд ли перенес бы он второй инфаркт...

***

Сделать человека дураком возможно, а вот умным нет!

***

В рай не попадают, как и в ад тоже. Да и зачем, когда на них жизнь похожа.

***

Человеку всегда чего-нибудь да не хватает, словно он только и делает, что теряет.

***

Не найдя истины среди друзей, ищи ее среди врагов.

***

Воевать с судьбой — все равно, что с собой.

***

Сил молодых, конечно, не вернуть, но на часок к ним можно заглянуть.

***

Жил с ощущением своего невиданного взлета! И стал бы великим, если бы еще и работал.

***

Когда не отвечает больная жена — это вызывает тревогу! Когда не отвечает здоровая жена — это наводит на подозрение...

***

В нем было что-то от героя, поэтому и умер стоя.

***

Хоть жизнь порою и считал я адом, она упрямо для меня была наградой!

***

Считать себя умнее всех, конечно, можно, но как в глазах людских это ничтожно.

***

Душой не будешь верить в смерть, глядишь, и сможешь жить, как петь.

***

В жизни я уже тем богатый, что по любви на любви женатый.

***

От вина не столько доброго веселья, сколько утреннего горького похмелья.

***

Вино пьют одни меньше, другие больше, в зависимости от этого и живут слаще или горше.

***

Когда в кармане заканчиваются рубли, жизнь, как лодка, сидит на мели.

***

Когда будешь сам деньги из дела и пота ковать, то их на жизнь и будет хватать.

***

Говорят, не в радость жизнь на склоне лет. Для слабых здоровьем — да, а для сильных духом — нет!

***

Ревность, всем понятно, не порок, но основание для злых тревог.

***

Посчитать своим другом можно человека любого, но убедиться в этом только в беде суровой.

***

Многим жизнь дается для того, чтобы они прошли мимо счастья своего.

***

Достичь цели и быть счастливым — мало, надо, чтобы еще и горе от страха дрожало.

***

Снега и дождя в природе выпадает поровну, что же ты все тащишь лишь в свою сторону!

***

Будущее и впредь будет принадлежать детям, если только родители его создадут на свете.

***

Что ни говори о природе жизни, какие чувства — такие и мысли.

***

Многие люди от века душою сродни птицам, ибо дано им все выше и выше стремиться.

***

Какой сильной волей ни обладал бы человек, ему ничего не дано забыть навек.

***

Конечно, последние дни можно дожить, как живется, только тогда свою слабость признать придется.

***

Женщина, всем известно, добыча мужская, часто трудно доступная, зато сладкая-та какая!

***

Женщину оценить легко, любить сложно, а позабыть вообще невозможно!

***

Бесспорно, сами строим свою жизнь, но по плану, что составила божья высь.

***

Совершив все, что предназначено судьбой, мы тотчас уходим по причине любви.

***

С женщиной, являющейся твоей начальницей, не дай Бог, на любовную связь отчаяться.

***

Мужчина, дорожащий покоем и свободой, себе на беду служебный роман заводит.

***

Надо быть круглым дураком, говорить с женщиной серьезным языком.

***

Какой бы доброй и милой женщина тебе не казалась, оказавшись обманутой, она впадает в мстительную ярость.

***

Может, и правда, женщина красотой мужчину сводит с ума, но только на колени ее посадишь, а на шею она залезет сама.

***

В браке женщина неизменно считает себя жертвой, неважно, что муж у нее был десятый или первый.

***

Если женщина в первую очередь движима желанием продолжения рода, то мужчина — сохранением, как можно дольше, личной свободы.

***

С женой, чем спорить, тем более скороспело, легче скорей закончить необходимое ей дело.

***

Мужчина с женщиной — словно полюсы магнита, поэтому если он весел, то она сердита.

***

Мужское безоглядное возвышение своей женщины приводит к тому, что их отношения дают трещину.

***

Чтобы женщина к тебе интерес не теряла, одних поцелуев да цветов ей, ох, как мало.

***

Если женщина захочет изменить, за ней никакой полиции не уследить.

***

К сожалению, нынче мужская добыча не достаточно велика, чтобы женщина оставалась лишь хранительницей очага.

***

Дарить подарки всегда в благодать, и все же почаще бы их получать.

***

Любовь к человеку приходит сама, а уходит по воле души и ума.

***

В женщине много значат заботливость и красота, а в мужчине — надежность, щедрость и доброта.

***

Мужчина женится только на женщине той, которая остановила на нем выбор свой.

***

Всегда важнее не просто получать счастье, а принимать в его создании участие.

***

Плоть, старея, сохнет и слабеет, ничего против покоя не имеет.

***

Лишь обладая женщиной, страсти не тая, понимаешь, что она по-настоящему твоя.

***

Молодость не вернуть, старость не остановить, остается надеяться, что еще удастся пожить.

***

Поживешь один, да и прозреешь вдруг, что без жены родной, как без добрых рук.

***

Вот уже и привыкаешь к порядку, что в старости каждое утро с устатку.

***

Пока она цену себе набивала, у него желанье напрочь пропало.

***

Каждой женщине следовало бы знать, что мужчину в нетерпенье себе во вред держать.

***

Так и останется неудовлетворенной женская душа, если мужское тело не испытывало сексуального куража.

***

О, женщина, совсем не грешно быть и сильно ревнивой, когда твой мужчина с тобою счастливый.

***

Знать счастье в любви, да еще красивой, значит, быть втройне счастливым.

***

Жизнь обязательно сложится, если ты в душе каменщик, а не ведущий учет чужого труда табельщик.

***

Любовь в седой душе гнездо свила, и за плечами словно выросли крыла.

***

Чем ярче сверкает необходимая мысль, тем значительней получается жизнь.

***

Никто не в силах предсказать, как долго мне дано писать. Об этом правду Бог хранит, но ведь молчит о ней, молчит. □

Мы взглянули друг на друга. Одна и та же мысль возникла у нас одновременно. Мы поняли это и рассмеялись. Что из того, что поезд ушел! Мы можем его догнать!

Ближайшая станция, на которой останавливался поезд «Ижевск-Москва», называлась Агрыз. До нее было около сорока километров, и у меня было время вкратце посвятить Ольгу в происходящее. По дороге я весьма оживленно описал ей суть дела, не забыв в красках рассказать о своих новых друзьях.

Домчавшись с ветерком до станции, мы вышли из машины и поспешили к поезду, который только что прибыл. Стоянка поезда была десять минут, и нам надо было успеть найти Андрея Лукьяновича.

— А что мы будем делать, если его найдем? — спросила Ольга, едва поспевая за мной.

— Думаю, я уговорю его явиться в полицию с повинной.

— Человек, который уколошил столько людей, вряд ли способен прислушаться к кому-либо. А вдруг он вооружен и окажет сопротивление?

Ольга была права, и я решил в корне поменять тактику. Достал из кармана фотографию Андрея Лукьяновича, которую мне дал свадебный фотограф, и показал ее Ольге:

— Вот он, Андрей Лукьянович Гребешков. Вас он не знает. Если вы пройдете по вагону и отыщите его, я позвоню в полицию, и они снимут его на следующей станции.

— Как романтично! — воскликнула она.

— Кем вы работаете, Ольга? — спросил я ее, когда мы подошли к поезду.

— Бухгалтером. Главным. Но пока я в отпуске.

— Вам не хватает приключений?

— Да, а с вами, кажется, у меня их будет более чем предостаточно, — рассмеялась Ольга.

Номер вагона, в который сел Андрей Лукьянович, я в телевизоре не разглядел. На экране было лишь название поезда и Бурановские бабушки, готовящиеся к посадке в вагон.

— Вы не знаете, в каком вагоне едут Бурановские бабушки? — спросил я первую попавшуюся проводницу поезда.

— Как же не знать! В девятом! — ответила та. — Весь поезд только о них и говорит, да за автографами ходит. Всю ковровую дорожку мне уже эти бабкины фанаты истоптали. А после Можги, говорят, бабушки еще и концерт дадут, прямо на ходу. Не будет мне никакого покоя, как пить дать!

Поблагодарив проводницу, мы поспешили к девятому вагону, но, не доходя до него, расстались. Андрей Лукьянович мог увидеть меня из окна или выйти из вагона на перрон. Я опасался этого, поэтому остался возле

поезда, и Ольга вошла в вагон одна. Она что-то сказала стоящей возле дверей проводнице, и та ее пропустила. Несколько минут ожидания были для меня пыткой. Поезд вот-вот должен был тронуться в путь, а Ольга все еще не выходила из вагона. Я не выдержал и бросился на ее поиски.

— Куда! — спросила меня проводница, перегородив мне путь.

— За автографом! — ответил я первое, что пришло мне в голову и, не дожидаясь разрешения, юркнул в вагон.

Ольги нигде видно не было. Не успел я пройти через коридор, как поезд, дернувшись, медленно тронулся с места, и я поспешил на выход, с надеждой, что Ольга ждет меня на перроне. Но ее и там не было. Я растерянно оглядывался по сторонам, и на душе у меня зацарапались острыми когтями черные кошки — вдруг я больше никогда ее не увижу? И тут кто-то хлопнул меня сзади по плечу:

— А я уже вас потеряла, Дмитрий!

Я с облегчением выдохнул.

— Где вы были, Ольга? Я искал вас в вагоне.

— Я прошла больше половины вагона, заглядывала во все купе, а потом поезд неожиданно тронулся, и я едва успела из него выскочить. На другую сторону.

— Почему на другую?

— Не знаю. Просто там была открыта дверь. А знаете, мы можем еще раз догнать поезд и проверить! — бодро сказала она.

— Думаю, что проверку поезда мы можем доверить профессионалам, — ответил я. — Тем более что один полицейский начальник настоятельно советовал мне ничего не делать без одного незаменимого сотрудника.

— Вы это о ком?

— О лейтенанте полиции Хванчкаре, — ответил я и достал сотовый телефон.

— Лейтенант полиции Хванчкара слушает! — раздалось в трубке.

— Привет! — Впервые за все время общения с лейтенантом я был по-настоящему рад его слышать. — Что вы там делаете? Вода спала? Сможете ли вы немедленно выехать из Лысой горы по одному очень важному делу?

— Вода спала. Мы в гостях у Машеньки, едим очень вкусные блинчики с творогом и сметаной. Как только поужинаем, сможем ехать хоть на край земли, — ответил Хванчкара.

— На край земли не надо, необходимо срочно перехватить где-нибудь в Кизнере поезд «Ижевск-Москва» и выяснить, едет ли в нем Андрей Лукьянович Гребешков. Тот самый, что был на видео со шрамом, и которого опознала Машенька, чьи блины вы сейчас так бессовестно уплетаете за обе щеки.

— Почему бессовестно? — возмутился Хванчкара, — Федор с Юричем уже крышу ей перекрыли и сарай подправили.

— Лейтенант Хванчкара, — сказал я командным голосом, решив, что только так можно оторвать полицейского от миски с едой, — слушай мою команду!

— Есть! — прозвучало в ответ.

— Как можно скорее садитесь в мою машину и дуйте до Кизнера, чтобы перехватить поезд «Ижевск-Москва». Подозреваемый может находиться в девятом вагоне.

Я не стал распространяться дальше и отключился. К тому же смутное предчувствие чего-то неправильного возникло в моей голове и вихрем пронеслось по сознанию, погрузив меня в легкое смятение. Я еще раз прокрутил в уме последние события и не нашел в них ничего, что бы насторожило меня.

— Едем на вокзал, — сказал я Ольге. — Скорее всего, Андрей Лукьянович приехал к поезду на машине Пичугиной и бросил ее где-то рядом с вокзалом. Возможно, мы найдем в этой машине что-нибудь интересное.

— А это законно, залезать в чужие машины?

— Конечно, нет. Но клянусь вам, все золото и бриллианты, которые там непременно обнаружатся, мы обязательно сдадим государству.

— Все не надо, — подхватила мою шутку Ольга, — оставим себе немного, чтобы съездить в Египет.

— Египет — это призрачная мечта вашего детства? — с удивлением взглянул я на нее.

— Да. Мне стыдно за это, но так оно и есть.

— Хорошо, с Египтом мы как-нибудь разберемся.

Автомобиль Пичугиной мы нашли быстро. Он стоял припаркованный в углу бесплатной парковки возле железнодорожного вокзала. Стараясь не привлекать лишнего внимания, я подошел к фиолетовой «шестерке». Дверь автомобиля была приоткрыта. Видимо, Андрей Лукьянович так торопился на поезд, что забыл или не захотел закрывать ее. Я заглянул в машину и понял, что дело было вовсе не в забывчивости отчима Александры. Кто-то побывал в машине Пичугиной до меня и в буквальном смысле перевернул внутри все вверх дном. Бардачок был открыт и пуст. На пассажирском сиденье и коврике под ним валялись различные бумажки, квитанции, страховка, руководство по ремонту автомобиля, запасные свечи, набор косметики и еще куча всякого хлама, коим богат практически любой автомобиль. На лобовом стекле на присосках торчал пустой крепеж от какого-то электронного устройства. Я стал припоминать, что у Пичугиной здесь был при-

креплен навигатор, который она не включала, по крайней мере, при мне. «Было бы неплохо порыться в этом устройстве» — подумал я, глядя на одиноко торчащий из-под панели приборов шнур питания навигатора. Вдруг мой взгляд упал в место, где провод проходил между стеклом и пластиковой панелью. Там торчало что-то черное и прямоугольное. Я присмотрелся более внимательно — это была мини-СД-карта. находка меня несказанно порадовала — возможно, это была карта памяти навигатора.

Я вернулся к Ольге и, показав ей свою находку, спросил:

— А нет ли в вашей машине, случайно навигатора? Дело в том, что золото и бриллианты зарыты на необитаемом острове, а карта находится здесь.

— Что это?

— Возможно, это карта памяти от навигатора, и, возможно, на ней мы найдем нечто интересное. Чтобы выяснить, так это или нет, нужен сам навигатор или компьютер.

— В машине у меня ничего такого нет, но дома найдется. Дома есть и ноутбук, и навигатор. Поехали ко мне!

— Надеюсь, чай у вас найдется?

— Можете не сомневаться.

Глава 16

Утреннее солнце щекотало мне ноздри, забиралось в волосы, упрямо лезло под веки, и, в конце концов, окончательно меня разбудило. Я встал с кровати и тихонько, чтобы не разбудить спящую Ольгу, пошел в душевую.

— Вчера мы так и не добрались до навигатора! — услышал я из комнаты ее голос.

— Все равно было уже поздно, и даже лучше, что мы ничего не стали делать. А вдруг мы и в самом деле нашли бы там координаты какого-нибудь острова сокровищ. Смогли бы тогда так расслабиться?! — проговорил я, выходя из душевой. — Побросали бы все и кинулись бы искать золото-бриллианты.

Ольга в ответ засмеялась, подскочила ко мне и повисла на шее. Долгий и сладкий поцелуй утопил меня в блаженстве...

Карта памяти, как я и предполагал, была из навигатора. Немного повозившись с настройками, мы обнаружили на ней множество записанных маршрутов и маршрутных точек.

— Вот дом, где жила Пичугина, — показал я Ольге точку, записанную под названием «Мой дом» — А вот Лысая гора, куда Пичугина приезжала вместе с Андреем Лукьяновичем.

— А это что за точка под названием «Приют охотника»? — ткнула она стилусом в точку, расположенную в самом центре огромного лесного массива между болот и ручьев.

— Интересно! Надо посмотреть, есть ли из этой точки трек до дома Пичугиной?

Я включил в навигаторе показ треков и, обнаружив, что к «Приюту охотника» ведет трек, который заканчивается на станции Агрыз, воскликнул:

— Так вот куда мог исчезнуть из поезда Андрей Лукьянович! Он просто сошел с поезда «Ижевск-Москва» на ближайшей станции.

— Странно, — задумчиво проговорила Ольга, — а почему он не поехал до Агрыза на машине, а бросил ее у вокзала?

— Зачем ему рисковать? Я видел, как он уезжал на ней от Пичугиной. Удивляюсь, как он осмелился доехать на ней до вокзала. Обратись я в полицию, его перехватили бы уже через минут десять.

— А почему ты не обратился в полицию?

— Потому, что убийство Надежды Пичугиной могут запросто повесить на меня. От полицейских мне нужно держаться подальше. До тех пор, пока Андрей Лукьянович не будет у меня в руках.

— Вчера ты мне ничего про это не рассказывал. — В глазах Ольги застыл вопрос.

— Вчера мне было не до подробностей. Дело в том, что я, скорее всего, оставил отпечатки пальцев на сумке возле убитой. Также я оставил там, в луже крови, следы своих ботинок, когда пытался поймать преступника, и мне думается, что и сами ботинки, которые я испачкал в крови и выбросил в кусты, уже стали достоянием криминалистов. Да, и еще: старушки на лавочке видели, как я входил в подъезд убитой.

— Значит, ты в розыске?

— Скорее всего!

— Как это романтично!

Ольга бросилась ко мне в объятия. Еще пару часов мы не думали ни о чем. Постель — лучшее место для отдыха интеллекта.

Телефонный звонок разбудил нас около двенадцати дня.

— Кто это в такую рань? — потягиваясь под одеялом, спросила Ольга.

Я взглянул на дисплей сотового телефона — это был Хванчкара.

— Да, — ответил я, — слушаю, товарищ лейтенант полиции!

— Хванчкара спит как убитый, — услышал я в трубке голос Властелина Паяльников. — Это я, Юрыч. Скажи, Дмитрий Петрович, до какого времени нам тут этого Андрея Лукьяновича караулить?

— А вы где?

— Как где? В поезде! Вот уже десять часов сидим в засаде в вагоне-ресторане. Поезд давно прибыл, а мы все ждем и ждем, когда здесь тот со шрамом появится. Ни вина не осталось, ни закуски, ни денег. Вот такая засада!

— В каком ресторане? — Я ничего не понимал. — Почему в ресторане? Я просил Хванчкару проверить девятый вагон.

— Про девятый вагон ничего не знаю. Мы как в Кизнере в поезд сели, сразу в ресторан пошли. Хванчкара сказал, что тут будем преступника караулить. А чтобы не привлекать внимания, велел принести побольше выпивки и закуски. Тысяч на тридцать посидели. Когда деньги к концу подходить стали, Хванчкара даже пистолет хотел в залог оставить, но я не дал. Чем, говорю, мы преступника будем обезвреживать? Не пробкой от шампанского же в него стрелять!

— А вы что, и шампанское пили?

— А как же без него! Тут в ресторан Бурановские бабушки заходили, а Хванчкара, как только их увидел, сразу ящик шампанского заказал. Всех, говорит, вас, бабушки, люблю и всех угощаю! Но бабки стойкие оказались. Чуток из бокалов отхлебнули, песню для Хванчкары грузинскую на удмуртском языке спели и обратно ушли, к конкурсу готовиться. Так мы без бабок и остались. В прямом и переносном смысле.

— А как же вас из вагона-ресторана до сих пор не выгнали? Вы там что, весь персонал напоили? — я уже подсчитывал в голове убытки на тот случай, если мне придется расплачиваться за своих друзей.

— Нет, персонал мы не поили. Так, немного полицию угостили.

— Это как? Напоили транспортную полицию?

— Да не беспокойся, Дмитрий Петрович, не всю. У Хванчкары в этом поезде земляк в наряде оказался. Он-то нас в поезд и посадил, и в вагоне решил сидеть, сколько нам нужно будет. Так сколько нам еще тут сидеть?

— Сворачивайтесь! Хванчкару только не забудьте. Машину мою где оставили?

— Знамо где, в Кизнере у вокзала. Не в поезд же ее было тащить!

— А вы бы додумались. Заберите ее на обратном пути.

— Хорошо, так Федору завтра и передам.

— Нет, завтра поздно будет передавать, передай сегодня. Мне моя еще машина дорога, да и вы, в общем-то, тоже. Когда трезвые...

Добраться до «Приюта охотника» было непросто. С асфальта мы съехали на грунтовку, с грунтовки свернули в лес, где я трижды пожалел о том, что моя старенькая и верная «Нива» простаивала в Кизнере. Дорогу в лесу нельзя было назвать дорогой в принципе и уж точно дорогой для малютки

«шевроле спарк». Своими небольшими колесиками микроавтомобиль упрямо вгрызлся в землю, изредка выплевывая из-под них в воздух жиденькие плевки из грязи и старой листвы, но толку от этого было немного. Высокая колея и огромные корни, торчавшие поперек дороги, сводили на нет все старания маленькой машинки, которая то и дело цепляла что-нибудь днищем.

— Дальше мы не проедем, придется идти пешком, — сказал я, решив больше не испытывать судьбу.

С трудом вынырнув из колеи, заехал в небольшой кустарник между берез, запарковал машину, и мы вышли из нее.

Ориентируясь по навигатору, прошли пару километров, и перед нами открылась небольшая ухоженная поляна, а за ней на живописном берегу речки стояли несколько деревянных домиков. Там же находились баня, сарай, хозяйственные постройки и несколько больших пустых собачьих вольеров. За вольерами стояли снегоходы, несколько квадроциклов и небольшой трактор с отвалом и ковшом. Над самым большим домом, очевидно, хозяйским, возвышался флюгер в виде охотника с собакой и трубой. Все здесь было красиво. С первого взгляда можно было понять, что «Приют охотника» — база для приезжих, любителей поохотиться, пособирать ягоды или грибы.

— Красота! — сказала Ольга, разглядывая «Приют охотника». — Вот бы пожить здесь пару деньков или хотя бы переночевать.

— Обещаю тебе, мы обязательно это сделаем в самом ближайшем будущем! — сказал я, не подозревая, насколько близко это самое будущее. Знай я хотя бы десятую часть того, что нам предстояло пережить в этом месте, я бы не остался там ни единой секунды.

Вдруг дверь одного из домиков распахнулась, и на пороге дома показался Андрей Лукьянович. На отчине Александры был охотничий камуфлированный костюм и высокие ботинки, называемые в народе берцами, в руках — корзинка, накрытая тряпкой. Он направился в сторону леса, и, как только скрылся из виду, мы хотели последовать за ним, но тут на поляну из кустов дикой смородины, которая окружала усадьбу, вылез мужчина, одетый почти так же, как и Андрей Лукьянович — в камуфлированный костюм и берцы. В правой руке у него был большой топор. Он осмотрелся по сторонам, а когда бросил взгляд в нашу сторону, я сразу узнал его. Это был видеооператор Алексей, снимавший свадьбу Александры и Жени. Еще раз оглядевшись по сторонам и взяв топор наизготовку, он поспешил за отчимом Александры.

— Дело принимает нешуточный оборот, — сказал я Ольге, — оставайся здесь и вызови полицию.

— А ты?

- А я пойду за ними.
- А что ты будешь делать, если они начнут убивать друг друга?
- Попробую их остановить.
- Я боюсь!
- Не бойся, все злодеи уже в лесу.

Не успел я пройти и сотни шагов, как услышал позади себя неровное дыхание. Это была Ольга.

— Мне страшно одной! — взмолилась она.

— Хорошо, — ответил я, — но если что, обещаю — будешь бежать к машине изо всех сил!

Увы, Алексея я потерял из виду, как только отвлекся на догнавшую меня Ольгу, и тяжело вздохнул:

— Искать в лесу человека в камуфляже бесполезно. — И зачем только грибники да ягодники ходят в лес в защитных костюмах? Они что подбрезовики и клубнику боятся спугнуть? И где теперь нам их искать?

— Может, вон там? — кивнула Ольга на ближайший пригорок. — Вроде в эту сторону ушли.

— Хорошо, пошли туда.

Соблюдая осторожность, мы поднялись на пригорок. За ним на небольшой поляне никого не было. И вдруг Ольга попятилась назад и закричала:

— А! А! А!

— Что? — забеспокоился я.

— Там!

Ольга показала рукой на кусты шиповника у края поляны. Возле них, раскинув широко руки, лежал на животе Андрей Лукьянович. Из его спины торчал топор. Из-под его лезвия, воткнутого в хребет почти до половины, по камуфлированной куртке медленно расплывалось огромное кровавое пятно.

— Андрей Лукьянович! — тихо вскрикнул я.

— Он мертв? — забеспокоилась Ольга.

Неожиданно из леса раздался злобный лай собак. Четыре огромные псины выскочили на нас с другой стороны поляны и злобно оскалились.

— Бежим! — крикнул я и, схватив Ольгу покрепче за руку, помчался, что было сил, обратно к «Приюту охотника». Брызгая слюной, повизгивая от злобы, собаки бросились за нами.

Мы неслись по лесу, как угорелые. Так быстро не бегают даже на гаревой дорожке. И даже на Олимпиаде.

Домчавшись на всех парах до «Приюта охотника», мы за пару прыжков оказались возле пустых вольеров, двери которых были открыты настежь. Собаки висели у нас на хвосте. Слюна брызгала из их кровожадных па-

стей и падала кипящими от злобы каплями на траву. Раздумывать было некогда. Я рванулся к одному из вольеров, втащил туда Ольгу и с силой захлопнул дверь.

— Мы спасены! — тяжело дыша, с облегчением выдохнула она.

Собаки бешено лаяли возле вольера и со звериным рыком бросались на него, но толстые металлические прутья защищали нас от их острых клыков как нельзя лучше.

— Ну что, поймали! Поймали! — дразнила их Ольга, все еще находящаяся в пылу погони. — Здесь вам нас никогда не достать! Смотрите, какая тут крепкая дверь! Какой крепкий замок!

Словно поняв слова Ольги, собаки перестали лаять и легли возле вольера.

— Замок? — задумчиво переспросил я, подошел к двери вольера и осмотрел замок. Он был английский. Я защелкнул его, когда мы вбежали в вольер, и теперь, чтобы открыть дверь, требовался как минимум ключ, а как максимум — человек с ключом по ту сторону.

— Что? — взволнованно спросила Ольга, заметив мое смятение. — Что-то не так?

— Ничего особенного, — иронично ответил я, — просто мы заперты, и даже если собаки уйдут, выбраться без посторонней помощи у нас не получится.

— Надо позвать на помощь, — предложила Ольга.

— Не надо! — отрезал я.

— Почему?

— Еще не известно, кто придет, мужик с топором или парочка маньяков с берданками. Лучше посидим тихо тут и дождемся полиции.

— Полиции?

— Да. Ты же вызвала полицию и, я надеюсь, что очень скоро она будет здесь.

— Дима, — жалобно заскулила Ольга, — не хочу тебя огорчать, но у меня села батарея в мобильнике. Я не смогла никого вызвать.

— Ничего страшного, у меня тоже есть телефон. — Я полез в карман и с ужасом не обнаружил там свой сотовый. Очевидно, он выпал во время скачки по лесу. — Все равно на помощь позвать, наверное, можно и даже нужно. Рано или поздно нас обязательно здесь обнаружат. Зачем терять время?

— Да. Зачем его терять? Чем раньше нас тут прикончат, тем лучше. Я не хочу долго мучиться.

Я обнял Ольгу и прижал ее к себе. Как ни странно, но в этом собачьем вольере она стала мне необычайно близка.

Уже вечерело. Собаки лежали у вольера и лениво косились в нашу сторону. Они смирились с мыслью о нашей недоступности, но все равно не теряли надежды порвать нас на части. Мы кричали, взывая о помощи, несколько часов. Все было тщетно, к нам никто не пришел, лишь наши голоса охрипли от криков.

Вдруг до нас донеслась мелодия песни «Yesterday».

— Это мой мобильник! — обрадовался я — Он где-то рядом!

— Я вижу твой телефон! — воскликнула Ольга.

— Я тоже. Но что с того? Как нам забрать его?

— Увы, — вздохнула она, — близок локоть, да не укусишь. Ну что мы тебе сделали, подлая, злая собака!

Очевидно, обидевшись на эти слова, пес грозно зарычал на Ольгу и сделал шаг к вольеру. Лапа его наступила на телефон, и тут же из трубки раздался голос Хванчкары:

— Дмитрий Петрович, Дмитрий Петрович!

Пес зарычал еще раз.

— Зачем сердиться, Дмитрий Петрович, мы уже едем обратно. Машину твою обязательно пригоним. Ничего с ней не случится. Клянусь своим пистолетом!

Я встал на четвереньки, прижался вплотную лицом к стальным прутьям вольера, чтобы быть к телефону как можно ближе, и громко заговорил:

— Хванчкара, дорогой! Мы попали в беду! Нам срочно нужна твоя помощь! Я и Ольга заперты в клетке в «Приюте охотника» это под Агрызом. Нам нечего есть и нечего пить!

Пес снова зарычал.

— Зачем так волнуешься, дорогой Дмитрий Петрович, как только приедем в Ижевск, сразу к вам в «Приют охотника». Что и сколько с собой брать? Шампанское — полусладкое?

— Хванчкара, ты не понял, — взбесился я, — мы тебя не бухать зовем, нам помощь нужна! Срочно!

Пес злобно залаял.

— Что вы, как собака, Дмитрий Петрович! Хванчкара сказал «помогу», значит, помогу!

Пес переступил с лапы на лапу, и телефон выключился.

— А когда Хванчкара приедет в Ижевск? — спросила Ольга.

— Завтра утром.

— Ну, хоть что-то... — обреченно произнесла она

Утром нас разбудил шум работающего тракторного мотора. Мы открыли глаза. Собак не было. Трактору кто-то добавил оборотов, и вольер качнуло.

Он заскрипел всей своей конструкцией и тронулся с места. Мы поехали в нем по поляне между красивых деревянных домиков.

— Что это, Дима? Я боюсь! — вскрикнула Ольга и прижалась ко мне покрепче.

— Уж точно не экскурсия по «Приюту охотника» в туристическом автобусе.

Я лихорадочно стал соображать, что происходит, кто и куда нас везет, но ничего не мог понять.

Вольер выехал с поляны и с грохотом нырнул в ложбину за трактором. Перед нами возникла стена огромной свежевырытой ямы. Корни деревьев торчали из нее, словно щупальца гигантского кальмара. Трактор остановился, и я понял, что нас будут закапывать.

— Не хочу тебя пугать, Оля, но дело наше, похоже, дрянь.

— Что с нами будет?

Я не стал ничего объяснять. Где-то вверху взревел мотор трактора, и сверху на вольер посыпалась сырая земля.

— Это бесполезно! — крикнул я. — Мы вызвали полицию, и она вот-вот сюда прибудет. Лучше сдаться, пока не поздно!

Ответа не последовало. Трактор закапывал нас, как будто это была его самая обычная каждодневная работа. Комья земли падали на вольер, как слова приговора. Приговора несправедливого и безжалостного. Каждый комок земли, ударяясь о крышу вольера, рассыпался на части, и с каждым из них рассыпалась наша надежда на спасение.

Взявшись за руки, мы стояли в вольере и молча наблюдали, как солнечный свет все больше и больше скрывается за кромкой засыпающей нас земли. Мне подумалось, что мы никогда больше не увидим белого света.

— Воздуху хватит минут на двадцать, — сказал я, когда вверху осталась лишь узкая полоска света.

— Надеюсь, твой Хванчкара нас найдет. — В глазах Ольги еще теплился свет надежды.

— Конечно, — ответил я, но про себя подумал, что вряд ли. Даже если полиция и сумеет быстро разобраться, где возле Агрыза находится «Приют охотника», она вряд ли успеет сюда добраться. А если принять во внимание нерасторопность Хванчкары, то ожидать скорой помощи не приходится.

Последний отблеск солнца погас. В кромешной тьме мы слышали, как сверху на вольер сыплется земля.

— Мне всегда было интересно, что слышно из гроба на похоронах. Теперь я это знаю, — спокойно проговорила Ольга.

— Должны быть еще и прощальные речи, — пытался я пошутить, — без них как-то не по регламенту.

Звук падающей земли вдруг прекратился.

— А вот и пауза для некролога, — снова пошутил я и подумал, что это моя последняя шутка.

— Стой! Стрелять буду! — раздалось где-то сверху, и через несколько секунд прозвучало несколько выстрелов.

— Мы спасены! — закричала Ольга. — Спасены!

Никогда не думал, что буду так рад видеть полицейских, тем более лейтенанта Хванчкара. Как только мы оказались на свободе, я бросился к нему с распростертыми объятьями.

— Милый, дорогой Хванчкара! Как хорошо, что ты нас нашел!

Хванчкара, однако, не разделял моей радости. Его словно подменили. Вместо того чтобы по-дружески обнять меня, он взял мои руки, направленные к нему, и, ловко защелкнув на них наручники, сухо произнес:

— Вы арестованы, Дмитрий Петрович. Вы подозреваетесь в убийстве гражданки Пичугиной.

— Он ни в чем не виноват! — возмутилась Ольга. — Вы лучше арестуйте того, кто нас тут чуть заживо не похоронил!

— Обязательно арестую. Но позже. Его счастье, что я бегая не так быстро, как он. Если бы не эти елки и палки, я бы догнал его в два счета! — хвастливо ответил Хванчкара. — Вот прибудет кинолог с собакой, мы его обязательно выследим, поймаем и арестуем.

— А когда он приедет? — спросил я.

— Дмитрий Петрович, ты теперь арестованный, зачем тебе знать? Когда надо, тогда и приедет.

— Там в лесу труп мужчины — Андрея Лукьяновича Гребешкова. От него надо тоже попробовать взять след.

— Труп? Настоящий?.. — с удивлением и некоторым испугом переспросил Хванчкара, достал из кобуры пистолет и скомандовал полицейским: — Двоим оставаться на месте, остальные со мной!

Полицейские, рядовые срочной службы, которых и было-то всего два, молча переглянулись и остались на месте. Хванчкара, не заметив этого, быстро потопал вперед, насколько это позволяли сто сорок килограмм его веса.

— Ну, где тут у вас труп! — бросил он на ходу.

— Хванчкара! — крикнул я лейтенанту. — Может, тебя проводить?

Он обернулся. Никто не шел за ним следом.

— Все за мной! — скомандовал Хванчкара.

Мы облазили всю поляну, на которой видели труп мужчины с топором в спине, но ничего не нашли.

— Ну, Дмитрий Петрович, — с подозрением посмотрел на меня Хванчкара, — и где же твой труп?

— Он не мой, Хванчкара, он — Андрея Лукьяновича.

— Хорошо, где труп Андрея Лукьяновича?

— Был тут, — пожал я плечами.

— Был и сплыл? Трупы у нас что, уже ходить научились? Полежали немало и сами ушли?

— Да вот же! — сказала Ольга, показывая на траву под кустом шиповника. — Вот тут он лежал. Видите, трава примята. А вон оттуда на нас набросились собаки...

— Послушайте, — не дал договорить Ольге Хванчкара, — какие трупы, какие собаки! Я не знаю, что вы делали под землей в собачьей клетке, но лично мы никаких псов не видели!

— Теперь увидите, — с ужасом прошептала Ольга, не отрывая взгляда от противоположного края поляны.

Мы, не сговариваясь, одновременно взглянули туда, куда смотрела Ольга, и остолбенели. Мурашки пробежали по нашим спинам, на лицах выступили крупные капли холодного пота. Метров за тридцать до нас из кустов в нашу сторону злобно смотрели все те же собаки. Шерсть на их холках стояла дыбом, пасти были искривлены в ужасных оскалах. Из их глоток вырывалось негромкое, но грозное рычание, от которого замирал дух, и стыла в жилах кровь. В глазах собак, как лезвия кинжалов, сверкали кровожадные огоньки.

— Бежим! — крикнул я, и все бросились наутек.

Луч света с трудом пробивался вниз сквозь неплотно лежащие комья земли. Они падали на наши лица, высвечивали на них отчаянье и таяли где-то на дощатой стене. Взгляды наши были устремлены вверх.. Два молодых полицейских срочной службы лет двадцати, лейтенант полиции Хванчкара, я и Ольга стояли внутри собачьего вольера и смотрели туда, где по обыкновению мы привыкли видеть голубое бесконечное небо. Но неба не было. Вместо него была темная бесформенная масса с редкими дырочками из света, которая вот-вот должна была слиться в одно большое черное пятно. Трактор в очередной раз взревел мотором, и все повторилось, как в первый раз, только сейчас нас было пятеро.

— Мама! — заскулил Хванчкара. — Я хочу домой!

— Не надо было захлопывать дверь в вольер! — отрезал я. — Я же тебе кричал.

— Я не расслышал. Я так боюсь собак...

— Так вот почему с вами не было кинолога с собакой?

- Да.
- И не будет?
- Нет...

Наступила тяжелая и длинная пауза.

— Хорошо, что здесь темно, — продолжил я через полминуты, — если бы был свет, то смотреть на тебя было бы противно!

— А почему ты сам, Дмитрий Петрович, не закрыл за нами эту чертову дверь? Ведь ты знал, что здесь английский замок?!

— А кто надел на меня наручники?

— Так приказал майор Петров. Он сказал, что тебя надо арестовать, пока ты не наломал дров.

— Дурак ты, Хванчкара, хоть и лейтенант. Сними лучше с меня наручники!

— Да как я их сниму в такой темноте!

Кто-то из молодых полицейских зажег зажигалку. На лицо рядового упал слабый свет.

— Ой, — оживился Хванчкара, — огонь! Сидоров, ты же не куришь?

— Никак нет, товарищ лейтенант.

— Отставить врать, рядовой Сидоров! В то время, когда все полицейские нашего отделения торжественно поклялись бросить курить, ты, Сидоров, подводишь своей вредной привычкой весь коллектив!

— Подвожу, — спокойно согласился Сидоров. — А вы, товарищ лейтенант, вместо того чтобы карманы наши проверять на предмет сигарет, лучше бы нам патроны в наряд выдавали. А то даже от собак нечем отстреливаться. И мобильники зачем приказали сдать? Теперь ни помощь вызвать, ни в игрушки перед смертью поиграть.

— Малы вы еще для патронов! И про телефоны сто раз уже говорил. Приказ по отделению — никаких личных разговоров в служебное время! В наряд заступил — телефон сдал. Наряд сдал — телефон получил. Что тут непонятного?

Поворчав на подчиненного, Хванчкара снял с меня браслеты.

— Непонятно, почему сам ты, товарищ лейтенант полиции, в собак не стрелял? — спросил я Хванчкару, потирая руки, затекшие от наручников.

— У меня тоже патронов нет. И позвонить я тоже не могу — деньги на телефоне закончились, в роуминге я был.

— Интересно, а кто же тогда стрелял, когда нас первый раз закопали? Мы отчетливо слышали несколько выстрелов.

— Так это не мы стреляли, — хором сказали молодые полицейские, — это в нас стреляли!

— Вот оно как! — съязвил я. — Жалко, что в Хванчкару не попали! Промахнуться в такую мишень!

— Скажи спасибо, Дмитрий Петрович, что не попали. А то кто бы вас из-под земли вытаскивал! — взорвался Хванчкара. — Сидели бы сейчас в этом собачьем вольере, погребенные заживо, и выли бы там, как шакалы!

— А сейчас, где мы, по-вашему, сидим?! — не выдержав, сказала Ольга.

Споры умолкли. Зажигалка погасла. Где-то высоко над нами прогремела гроза. Начался ливень. Вода заструилась по прутьям вольера и стала нас заливать. Она заливала наши ноги и заливала отверстия в земле над нашими головами, через которые хоть немного, но все же поступал воздух. С каждой каплей воды кислорода в нашей «братской могиле» становилось все меньше.

— Хванчкара, а плавать ты умеешь? — спросил я, чтобы как-то отвлечься от мрачных мыслей.

— Нет, но когда-нибудь обязательно научусь.

— А что ты вообще умеешь?

— Я петь люблю.

— Ну, тогда спой нам что-нибудь доброе и хорошее, — попросил я лейтенанта, — может, веселее станет.

Он глубоко вздохнул и затянул красивую песню на грузинском языке. Я закрыл глаза. Передо мной заструилось голубое небо. Огромная мохнатая собака бежала по небу наперегонки с мотыльками. Радуга свисала с ее хвоста и оставляла за ней на голубом небе размытый цветной след. Я замахал собаке руками. Пес посмотрел на меня, развернулся, подбежал ко мне и, поставив лапы на мои плечи, стал вылизывать большим теплым языком мое лицо.

— Уберите собак, я стрелять буду! — услышал я голос Хванчкары, и открыл глаза.

Я лежал на траве. Огромный кобель, тот самый, что чуть не откусил мне ноги, стоял надо мной и мило вилял хвостом. Увидев, что я очнулся, он весело, словно щенок, заскулил и принялся облизывать мое лицо и шею.

— Щекотно! — засмеялся я и замахал на собаку руками.

Пес принял это за игру и лизнул меня от всей своей огромной собачьей души еще раз.

— Хватит! Хватит! — взмолился я.

— А ну, фу! — раздался низкий мужской голос.

Собака отошла и села неподалеку. Я приподнялся и осмотрелся по сторонам. Высокий, чуть полноватый мужчина лет сорока пяти в камуфлиро-

ванном костюме и черных берцах стоял рядом со мной. Неподалеку от меня, возле ямы, где мы едва не погибли, приходили в себя остальные мои товарищи. Возле Хванчкары крутили хвостами еще два огромных пса. Лейтенант весь съежился и не спускал с них округленных от страха глаз. Четвертая собака лежала возле Ольги и грела ее своим телом.

Я подошел к незнакомцу и сказал:

— Я думаю, вы тот, кто нас спас.

— Да, верно, это я вас откопал. Я живу здесь. Меня зовут Игорь Васильевич. Вот мой дом, — показал мужчина на дом с флюгером. — А это мои собаки.

— Хорошие песики, но совсем недавно они хотели разорвать нас в клочья. Нам пришлось дважды спастись от них в вольерах. Потом кто-то хотел нас закопать прямо в них.

— Я это уже понял, но собаки тут ни при чем. Они у меня хорошие, не тронут даже цыпленка. Кстати, это они спасли вас. Я уже третий день рыбачил на озере, когда пришли собаки. Мне стало ясно, что здесь у меня творится что-то неладное. Когда уходил на рыбалку, собаки были в вольерах. Мой близкий друг и напарник Алексей должен был за ними следить. Теперь он пропал.

— А ваш друг случайно не снимает свадьбы на видео?

— Свадьбы? Ах, да! Он работает видеооператором в одной из телекомпаний. Иногда подрабатывает на свадьбах. Но Алексей не хочет, чтобы об этом знали другие. Он выпускник ВГИКа, и ему стыдно, что он опустился до такой халтуры.

— А одет он был примерно так же, как вы?

— Да. Ко мне приезжает много гостей. Порыбачить, поохотиться, сходить за грибами в лес. Не все имеют соответствующую одежду. Так вот, чтобы раз и навсегда решить этот вопрос, я купил несколько комплектов одинаковой одежды разных размеров. Все гости у меня ходят как инкубаторские, зато никаких проблем. Захотелось в лес, прыгнул в машину и ни о чем больше не беспокоюсь. Все, что нужно, можно найти тут.

— А что Алексей делал здесь? Чем занимался?

— Да всем! Принимал гостей в мое отсутствие, готовил еду, ходил за дровами.

— С топором? — вдруг спросила Ольга.

— Зачем с топором, — улыбнулся наш спаситель, — с бензопилой. С топором он только за ивой ходит. Корзинки мы тут еще плетем. Да такие красивые — одно загляденье! Хотите, покажу?

— Да, конечно!

Мы прошли в мастерскую Игоря Васильевича и минут тридцать разглядывали корзинки. Большие и маленькие, высокие и узкие, для ягод и для грибов, они завораживали своей красотой.

— А вот эта первая корзина Алексея, — сказал Игорь Васильевич, доставая с полки небольшую корзинку. С нее он начал свое корзинное творчество и теперь, как залог успеха, хранит в ней свои инструменты.

Я заглянул внутрь. Инструментов в корзинке не было, вместо них на дне лежала коробка из-под лекарства. «Адренолгон».

— А чем болен Алексей? — спросил я Игоря Васильевича.

— Да ничем. Лешка здоров как бык!

— Тогда зачем ему вот это лекарство? — Я достал коробку и показал ее Ольге и хозяину усадьбы.

— Не знаю, — развел руками Игорь Васильевич, — первый раз эти таблетки вижу.

— «Адренолгон» — это препарат, стимулирующий выделение адреналина, — вдруг сказала Ольга. — Транквилизатор. В больших дозировках может вызвать неконтролируемую агрессию.

— Откуда такие познания у бухгалтера, пусть даже у главного? — удивился я.

— Я бухгалтер аптечного склада. Более того, до экономического факультета, который я, кстати, окончила с красным дипломом, я три курса проучилась в Медакадемии на фармацевта.

— А если этот препарат дать собакам? — спросил я, тщетно ища в коробке аннотацию к лекарству.

— Думаю, что они будут очень злыми.

— Думаю, что они сожрут, кого угодно, — добавил я.

Нам стало ясно, что случилось с собаками. На самом деле они никакие не звери, а добрые и ласковые псы. Просто кто-то подсыпал им в пищу «Адренолгон». От этой мысли стало как-то легче, мы обменялись с Ольгой взглядами и улыбнулись.

— Вот вы где! — раздался в дверях мастерской голос Хванчкары. — Приехала группа захвата с кинологом. Сейчас будут лес прочесывать. Я тут больше не нужен, поеду в отделение. У вас с Ольгой есть минут десять.

— А что потом?

— А потом Дмитрий Петрович поедет со мной в отделение. Он арестован.

— Хванчкара, — возмущился я, — а мы ведь с тобой, можно сказать, из одной могилы вылезли. Не стыдно тебе, брат по погосту?

— Стыдно, когда что-то видно. А если это вообще не видно, то втройне стыдно! — ответил Хванчкара — Старинная грузинская поговорка.

Глава 17

Майор Петров медленно ходил из угла в угол своего небольшого кабинета. Я сидел у двери напротив открытого окна и молча наблюдал, как желваки на лице Петрова подплясывали в такт его не совсем добрых мыслей.

— На твоём пути только трупы, Дмитрий Петрович, — промолвил майор, остановившись передо мной. — Кажется, что ты создан для того, чтобы везде, где бы ты не появился, люди принимали яд, вешались, горели и получали в сердце ножи.

— И топоры в спину, — добавил я.

— С топором ещё не ясно. Мои люди обшарили весь лес, но ни трупа Гребешкова, ни топора, ни того, кто вас дважды закапывал под землю, не нашли. Даже собаки след не взяли.

— Так дождь же был.

— Знаю. Также знаю, что ты был на квартире у Пичугиной, когда её убили.

— Был, — сознался я. — Но я ходил в аптеку, а потом в рюмочную. Когда пришел во второй раз, она была уже мертва.

— Недалеко от окна Пичугиной нашли твои кроссовки в крови, которые ты выбросил в кусты, и старушки у подъезда опознали твою известную личность.

— Что, прямо так и сказали про меня — Дмитрий Петрович Кукушкин?

— Нет. Просто — Дмитрий Кукушкин. Помнят они ещё тебя по твоим телерепортажам. Так что нельзя тебе ходить по городу и «мочить» людей направо и налево.

— Это не я!

— Я знаю, что не ты, иначе я бы с тобой тут не беседовал. Мы проверили: ты действительно был в аптеке и в рюмочной. Кстати, буфетчица из рюмочной очень нелестно о тебе отзывалась. Я специально приказал тебя арестовать, хоть как-то успокоить ситуацию вокруг этого дела. — Майор вздохнул и пристально посмотрел на меня: — Ну, хорошо, на сегодня я тебя отпускаю, но вполне официально и очень категорично запрещаю тебе заниматься этим делом. Ещё раз узнаю, что ты расследуешь этот «кровавый свадебный пирог», пеняй на себя. Забуду про твоё алиби, и будешь ты сидеть в КПЗ до конца расследования. Твои отпечатки на сумке в квартире Пичугиной у нас есть. Как ты думаешь, почему Гребешков оставил такие важные улики у любовницы? Он хотел все свалить на неё, поэтому и убил?

— Что вы меня спрашиваете? Я же не должен это расследовать!

— Ну, ладно, не кипятись! — неожиданно подобрел Петров. — У меня, кстати, коньячок имеется. Будешь?

— Думаю, что Андрей Лукьянович просто не успел забрать свои вещи, я помешал ему. А от коньяка не откажусь.

Майор понимающе кивнул головой, нагнулся под стол и, извлекая из-под него початую бутылку армянского коньяка, усмехнулся:

— Выпьем за твои успехи, Пинкертон.

Он едва успел сделать глоток, как дверь неожиданно открылась, и в кабинет неспешно вошел Хванчкара.

— Разрешите, господин майор?

— А вот и сам господин лейтенант, ну, докладывай, невероятно быстрый полицейский.

— Там какой-то Андрей Лукьянович Гребешков пришел с чистосердечным признанием. Говорит, что хочет сознаться в убийстве своей падчерицы.

— Так он же того, с топором в спине? — сказал майор и взглянул на меня.

Я лихорадочно стал соображать, чей труп на лесной поляне под кустом шиповника мы могли принять за Андрея Лукьяновича.

— Почему с топором? С каким топором? — удивился Хванчкара. — Не было, вроде, у него никакого топора.

— Где он, веди его сюда, — приказал Петров и повернулся ко мне: — А вас, Дмитрий Петрович, я вынужден буду попросить удалиться. Настало время профессионалов.

Мне ничего не оставалось, как покинуть кабинет Петрова вслед за Хванчкарой. Я спустился с четвертого этажа на первый и направился к выходу. Возле окошка дежурного я снова столкнулся с лейтенантом, который важной походкой сопровождал отчима Александры.

— Сюда! — повелительно сказал он Андрею Лукьяновичу и слегка подтолкнул его к лестничному маршу.

Мы встретились с отчимом Александры взглядами. Он не узнал меня. Его серые уставшие глаза смотрели сквозь меня с тоской и отчаянием.

Оказавшись на улице, я набрал телефон Ирины Владимировны и сказал:

— Я нашел Андрея Лукьяновича, он в индустриальном отделении полиции.

— Что он там делает? — взволновано спросила Ирина Владимировна.

— Чистосердечное признание.

— В чем?

— Вы просили найти вашего мужа, я его нашел. Остальное, к сожалению, мне неизвестно. — Я не был полностью уверен в том, что Андрей Лукьянович и вправду пришел в полицию для того, чтобы сознаться в убийстве Евгения, и поэтому соврал.

— Мне надо срочно к нему! — быстро проговорила Ирина Владимировна и бросила трубку.

Женщины — это восьмое чудо света, поведение их не поддается никакому разумному объяснению. Они не идут, когда их приглашают; приходят, когда их не ждут; говорят о белом, думают о красном, а на деле выбирают зеленое; и делают еще миллион противоречивых вещей, логика которых в том, чтобы быть огромным беспредельным парадоксом. Вот и сейчас я несколько не удивился тому, что Ирина Владимировна бросила трубку, вместо того чтобы вместе со мной подумать, как ей увидиться с Андреем Лукьяновичем. Но при этом мне хотелось хоть как-то ей помочь, и я набрал майора Петрова — случай для меня более чем уникальный, я никогда не звонил ему, впрочем, как и он мне.

— Ты что-то забыл в моем кабинете, Дмитрий Петрович? — услышал я.

— Нет. Я просто хочу попросить вас об одной услуге.

— Ко мне только что привели Гребешкова, мне некогда. Говори в двух словах.

— Скоро к вам в отделение приедет жена Гребешкова Ирина Владимировна Измайлова. Скажите об этом ему. И пообещайте, что, как только он все расскажет, вы устроите им встречу. Думаю, что от этого его чистосердечное признание будет еще более чистосердечным.

— А если все получится с точностью до наоборот, что тогда, Пинкертон?

— Не получится. Раз он пришел, ему важно выговориться, и перспектива свидания с женой только поможет. Дело в том, что он виноват перед ней, и ему придется многое ей объяснить.

— Никаких свиданий, пока я сам этого не решу! — отрезал майор. — И не звони мне больше на сотовый! Забудь о нем до тех пор, пока тебя не начнут рвать на части за твое «пинкертонство».

— Господин майор!.. — попытался возразить я, но Петров уже сбросил соединение.

Глава 18

Дождаться возле полиции Ирину Владимировну я не стал. От полуденной жары голова раскалывалась, словно перезревшая дыня. В самом срочном порядке мне необходимо было что-нибудь выпить. Невдалеке от отделения полиции сиял большими стеклянными витринами огромный супермаркет.

Пройдя мимо самых разных безалкогольных и, наверняка, достойных напитков, я абсолютно неосознанно взял из холодильника полдюжины светлого пива с испариной на темном стекле, расплатился у кассы, мерно пошвыкивая бутылками с пивом в пластиковом пакете, вышел из супермаркета

и уселся на скамейку под невысокий тополь, скупое роняющий жидкую тень на расплавленный асфальт. Открыв бутылку, с наслаждением влил в себя одним махом добрую ее часть. «Хорошо...» — подумал я, с удовольствием смакуя холодное пиво.

— Позвольте дать вам один совет... — Рядом со мной на лавочку присел худенький старичок в треснувших очках, интеллигентного, но весьма помятого вида. — Не советовал бы вам употреблять пиво большими глотками, поглощать сей ячменный напиток приятней небольшими, но уверенными глотками, только так он сможет открыть страждущему свою нежную душу. И я, уважаемый, буду очень вам благодарен, если после себя вы оставите мне пустую посуду.

Старик был мне приятен, и я решил угостить его пивом.

— Буду рад, если вы поможете мне ее опустошить.

— Что ж, если вы так настаиваете, я могу прийти вам на помощь. — Старик, казалось, ждал моего предложения.

— Настаиваю, — ответил я, достал из пакета бутылку пива, отрыл ее и протянул ему.

Он запрокинул голову, приставил ко рту бутылку пива, и, не отрываясь, маленькими глотками, долго и со вкусом вливал в себя хмельной напиток.

— Великолепно! — произнес старик, когда пиво в бутылке закончилось.

— Хотите еще? — предложил я и весело рассмеялся: — Вы настоящий виртуоз по части пива! Никогда раньше такого не видел!

— Ну что вы! На самом деле пить пиво, как я, это, конечно, требует определенных навыков, но вот услышать голоса с одной бутылки — это настоящее искусство!

— Это как? — не понял я. — Какие еще голоса?

— О, мой дорогой друг, голоса — это верх питейного искусства. Кто не слушал голоса, тот, можно сказать, и не пил ничего крепче молока.

— Да что вы, — усомнился я, — какие голоса могут быть с пива!

— Не скажите, мой друг, не скажите. — Старик ловким движением открыл бутылку, достал из-за пазухи небольшой темный пузырек и плеснул из него что-то в пиво.

— Что это? Что вы добавили в пиво?

— Ничего особенного, так, немного добавок собственного производства.

— Вы — химик? — спросил я.

— Я — фармацевт, ну, или почти. Хотите попробовать? — протянул мне бутылку старик.

— Хочу, — кивнул я.

Он протянул мне бутылку, и при этом предупредил:

— Один большой глоток за один раз, не более.

— Понял, — ответил я и осторожно отхлебнул.

Никаких голосов я не услышал. В голове лишь слегка приятно зашумело, а внутри меня образовалась какая-то легкость.

— Ну, как? — спросил меня старик.

— Да пока не очень, но это намного приятней, чем просто пиво.

— Что я вам говорил! — воскликнул он. — Надо просто к этому привыкнуть. Давайте еще!

Мы пили по очереди большими жадными глотками, передавая бутылку друг другу. После каждого раза старик закрывал глаза и шептал про голоса поющих ангелов. Я же ничего кроме головокружения не ощущал. Голоса не приходили ко мне, хоть тресни. В конце концов, когда пиво подошло к концу, а старик докапал в шестую бутылку последние капли своей удивительной жидкости, я запрокинул голову и закрыл глаза...

Голоса появились внезапно, когда я их уже не ждал. Они не походили на голоса ангелов. Что-то грубое и крайне неприятное, словно скрежет металла по стеклу, заползло в мои уши..

— Пусть пока здесь полежит, очухается, потом будем оформлять! — что-то грубое и крайне неприятное раскатистым эхом прозвучало в моей голове. С шумом закрылась железная дверь. Лязгнули стальные засовы.

Я открыл глаза. Серые облезлые стены. Высокий облупившийся потолок. Небольшое зарешеченное окно. Два ряда двухъярусных нар вдоль стены. Стойкий запах отвратительного табака. Стол и две скамьи возле него. Несколько мужчин за столом с картами в руках. Все вокруг говорило о том, что это не пятизвездочный отель, а самая настоящая тюрьма.

— Где я? — Мой вопрос изрядно развлек обитателей камеры.

— Тут, — ответил мне небритый детина в майке и спортивных штанах, и вся компания дружно рассмеялась.

Я попытался привстать на нарах, чтобы получше осмотреться, но голова моя закружилась, и я чуть не упал на пол. От падения меня спас все тот же детина. Быстро подскочив ко мне, он крепко ухватил меня за плечо и усадил поудобней.

— Сиди, не падай, — сказал он и не зло улыбнулся. — Нам еще тут припадочных не хватало! Эй, параноик, это в твою компанию!

Мужики снова засмеялись. В глубине двухъярусных нар напротив меня кто-то зашевелился, и из их чрева высунулось испуганное лицо. Я тут же узнал его. Отчим Александры сидел передо мной в тесной затхлой камере. Похоже, что он не узнал меня. Мельком взглянув в мою сторону, недовольно шмыгнув носом и вновь исчез.

— Всего час, как тут сидит, а уже достал всех. Пугается каждого шороха, говорит, что его могут убить с минуты на минуту, — громко рассмеялся детина.

— Я еще раз повторяю, — раздался голос Андрея Лукьяновича с нижней койки — за мной идут по пятам. Меня хотят прикончить.

— Надоело! Ну, кто тебя здесь прикончит?! Может, он? — ткнул детина в мою сторону.

Андрей Лукьянович вновь высунулся из глубин нар и с опаской уставился на меня.

— Здравствуйте, Андрей Лукьянович — спокойно произнес я.

— Караул! Убивают! — закричал Гребешков, спрыгнул с нар и забил кулаками в стальную дверь камеры.

Прибежавшие на шум полицейские силой усадили его на нары и приковали наручниками к койке.

— Отдохни сам и нам дай отдохнуть, — сказал старшина, — через час-другой за тобой приедут. Там, в психушке, сможешь сколько угодно на двери кидаться, а здесь не вздумай. Еще башку разобьешь, чего доброго, отвечай потом за тебя.

Андрей Лукьянович забился в угол двухъярусных нар и затаился.

— Андрей Лукьянович, — присел я к нему, — вы помните меня?

Гребешков весь съежился, будто в ожидании удара, и испуганно произнес:

— Конечно. Вы тот, кто должен меня убить.

— А зачем мне вас убивать? — спокойно спросил я, поняв, что он не в себе.

— Черный ангел смерти кружится над морем крови! — вместо ответа зашептал Андрей Лукьянович. — Он ищет того, кто еще на плаву!.. Вы убьете меня за то, что я убил миленькую Сашеньку...

— А вы на самом деле ее убили? Как это произошло? — осторожно спросил я.

Андрей Лукьянович посмотрел на меня в упор и прошептал сквозь стиснутые зубы:

— Черный ангел смерти! Он забрал нашу Сашеньку! Она была слишком хороша для этой жизни. Слишком хороша! Я отравил ее! Подсыпал ей в свадебный торт мышьяк, и она уснула.

— Мышьяк? В торт? — переспросил я.

— Да. А Женечке я помог пойти за Сашенькой. Черный ангел смерти... Зачем жить человеку, если рядом с ним нет очаровательной Сашеньки?..

Я смотрел на Андрея Лукьяновича и ничего не мог понять. Тут лязгнули дверные засовы, дверь со скрипом отворилась, и сонное лицо сержанта пробурчало внутрь камеры:

— Все, кто на прогулку, выходим, кто не хочет, сидим, не рыпаемся!

Все, кроме нас с Андреем Лукьяновичем, встали и вышли. Я посмотрел им в след, дождался, пока закроется дверь, и, повернувшись к Андрею Лукьяновичу, неожиданно спросил:

— Зачем вы все это выдумываете, Андрей Лукьянович? Вы никого не убивали. Что происходит?

Гребешков замер, пристально взглянул мне в глаза, затем пригнулся ко мне и спокойным тоном, как будто до этого и не было никакого «Черного ангела», спросил:

— Почему я должен вам доверять?

— Я расследую это убийство в частном порядке. По просьбе вашей жены. Вы должны меня помнить, я был на свадьбе.

— Да-да, припоминаю.

— Я знал покойных. Александру и Евгения. Когда-то мы вместе занимались бегом.

Гребешков еще раз взглянул на меня, глубоко вздохнул и сказал:

— Хорошо, я вам все расскажу. Но пообещайте мне...

— Дмитрий. Меня зовут Дмитрий.

— ...пообещайте мне, Дмитрий, что, пока убийца Сашеньки не будет найден, вы сделаете все, чтобы я сидел где-нибудь за крепкой решеткой. Хоть в тюрьме, хоть в психушке.

— Я не выдам вас, это точно, остальное зависит не от меня.

— Хорошо. Пусть так. Тогда слушайте. Дело в том, что с тех пор, как погибла Сашенька, мне не дает покоя какой-то неизвестный или неизвестная. Дня через два или три после того, как умерла моя падчерица, мне позвонил кто-то и странным голосом, не похожим ни на мужской, ни на женский, сказал следующее: «Ты убил Александру. Сознайся в этом!» Но я никого не убивал!

— Станным голосом, — повторил за ним я. — Не мужским, не женским. А это как?

— Ну, это что-то вроде компьютерного голоса. Знаете, какой бывает в некоторых фантастических фильмах. Если бы со мной был мой сотовый, я мог бы дать вам его послушать.

— Вы его записали?

— Да. В моем сотовом телефоне есть диктофон, я настроил его так, чтобы он автоматически записывал все мои разговоры.

— Вам надо было отнести в полицию запись этого звонка.

— Сначала я тоже так подумал, но есть некоторые обстоятельства... — Андрей Лукьянович немного засомневался, говорить дальше или нет, и я решил ему помочь.

— Как мужчина мужчину я всегда пойму вас.

— У меня роман на стороне, — вздохнул Гребешков. — Покойная Александра знала о нем. Впрочем, и ее жених тоже. Мы не очень ладили с падчерицей, и это ни для кого не секрет. Она была слишком прямолинейной, делила мир только на черное и белое, для нее не существовало оттенков. Александра и Женя решили, что после свадьбы я должен сам все рассказать моей жене. Бедная Ирина Владимировна, она не перенесла бы этого. Дело в том, что моя любовница Надежда Пичугина — лучшая подруга моей жены. Но этого не случилось. Александра умерла, и Евгений тоже. Думаю, если бы я обратился в полицию, меня заподозрили бы в первую очередь.

— Да, — согласился я, — у вас были мотивы для двойного убийства. — А как вы узнали о смерти Евгения?

— Это случилось сразу после того странного звонка. Пытаясь от него отвлечься, я читал новости в Интернете и наткнулся на заметку о том, что Евгения нашли мертвым в дачном домике на Лысой горе. Пресса назвала свадьбу Сашеньки и Евгения «Черной свадьбой» и не упускает случая вернуться к этой теме.

— Пресса у нас тоже не белая... — отметил я и добавил: — А какие отношения у вас были с Евгением?

— Практически никаких. Он просто знал мою тайну. После того, как умерла Александра, Евгений позвонил мне и попросил дать ему немного денег — продержаться некоторое время. Взамен обещал держать язык за зубами. У него оказалась фотография, где я и Надежда вместе, причем в постели. Евгений сказал, что покажет фотографию моей жене, если я не помогу ему. Денег у меня не было, но я надеялся договориться с ним и без них, и приехал к нему на Лысую гору, где он скрывался от полиции.

— А почему Евгений скрывался от полиции? Чего он боялся?

— Он боялся всего вот этого, — развел руками Андрей Лукьянович, показывая на пространство камеры. — Евгений страдал клаустрофобией, и любое, пусть самое короткое, заключение в камеру он вряд ли бы выдержал.

— А почему Женя считал, что окажется в камере?

— Я тоже задал такой вопрос, когда я приехал к нему на Лысую гору. В ответ он поведал мне, что его бывшая подруга Елена Крупчинская сказала ему, что она и он будут первыми подозреваемыми в этом деле, и что без ареста не обойдется. Елена была очень умной девушкой. У нее было два высших образования, одно из которых юридическое.

— Она сказала это ему, когда он приходил к ней в больницу?

— Да. После этого Евгения пришли арестовывать. Прямо на работу. Но ему повезло, и он убежал!

— Было бы гораздо лучше, если бы его арестовали, — с грустью заметил я. — Он остался бы в живых. А что еще произошло между вами и Евгением на Лысой горе?

— Я не дал ему денег — у меня их просто не было. Женя занервничал, стал шантажировать меня фотографией. Я сказал, что в таком случае выдам его полиции.

— Вы бы и в самом деле это сделали?

— Нет. Хотя, признаюсь, поначалу у меня были подозрения, что Евгений причастен к смерти Александры, но потом, после того звонка, они исчезли. Не мог же Евгений звонить мне с того света!

— А что стало с той фотографией? Где она? — Я решил до конца проверить правдивость Андрея Лукьяновича.

— Я был в отчаянье. Вырвал злосчастное фото из его рук, разорвал на части и выбросил. Евгений сказал, что это ничего не меняет, что это только копия, что есть еще одна. Больше я с Евгением не встречался. После этого он ушел в мир иной, а неизвестный продолжал преследовать меня и вынуждать сознаться в том, чего я не совершал. Несколько раз на дню мне звонил все тот же непонятный голос с разных номеров и говорил одно и то же: «Ты убил Александру. Сознайся в этом!» Потом стали приходиться «эсэмэски» с таким же содержанием. Под конец, когда я выключил телефон и стал недоступен, на меня было совершено нападение. Кто-то подкараулил меня поздним вечером у подъезда и пытался зарезать. Я отбивался от незнакомца, как мог, и только благодаря этому остался жив. Вот что стало с моими руками.

Андрей Лукьянович закатал рукава и показал мне изрезанные вдоль и поперек предплечья.

— Вы успели разглядеть нападавшего?

— Было темно, но кое-что я успел разглядеть. Он был с усами и в темных очках.

— А как он нанес вам эти раны? — спросил я Гребешкова, рассматривая порезы на его руках.

— Он рубил длинным ножом, словно саблей, — ответил Андрей Лукьянович и рубанул рукой по воздуху, изображая удар незнакомца. — Кстати, это не первые мои шрамы. Давным-давно, когда я проходил срочную службу в армии, я получил вот эту отметину. — Гребешков задрал рубаху и показал мне свой шрам, проходящий наискось по всему телу. — Это результат глупости. Как-то, будучи еще молодыми солдатами, мы с приятелем делали ремонт в квартире комбата. Комбат этот был большой любитель холодного оружия. Где он его брал — не знаю, но вся квартира у него была завалена всякими саблями, шашками, шпагами, ножами и кинжалами.

Однажды, оставшись одни, мы нашли у комбата в холодильнике едва начатую бутылку водки. Разумеется, чуток выпили, а потом сняли с ковра сабли и начали фехтовать. Вот и нафехтовали. Меня еле зашили, даже комиссовать хотели, а с комбата чуть погоны не сняли. Пришлось ему половину коллекции генералу подарить, чтобы это дело замять.

— А какое тут может быть дело? — не понял я.

— Как, какое! Мы же не на ученьях были, а у комбата ремонт делали!

— Ясно. Мне кажется, — сказал я, возвращаясь к разговору о нападении, — что тот незнакомец в темных очках не хотел вас убивать. Он порезал вас, чтобы напугать, чтобы вы пришли в полицию и наговорили на себя. Что вы, впрочем, и сделали.

— Если бы только напугать! — воскликнул Андрей Лукьянович. — После того случая я домой на полчаса забежал — благо жена спала, руки, как мог, перебинтовал, взял такси и уехал на дачу к Надежде, подальше от всего этого. Позвонил ей оттуда, чтобы она меня не теряла, а жене — ни слова, побоялся, что меня через нее как-нибудь вычислят.

— И что случилось на даче?

— На даче все шло сначала хорошо. Я вновь отключил телефон и два дня наслаждался полным одиночеством. Мне казалось, что меня наконец-то оставили в покое. Но не тут-то было! На второй день ко мне завалился в дом какой-то весьма подвыпивший мужчина и стал требовать тысячу рублей за дрова, которые у него якобы купила Надежда. У меня не было денег, и я попросил его зайти через несколько дней, когда приедет Наденька. Но его это не устроило. Он схватил телевизор и сказал, что забирает его за дрова. Я воспрепятствовал этому. Между нами завязалась небольшая потасовка. В пылу борьбы я выхватил телевизор из его рук, и мужчина упал, стукнувшись головой о край стола. Мне показалось, что он потерял сознание. По крайней мере, он дышал, но на мои попытки привести его в чувство не реагировал. Я хотел выбежать на улицу, чтобы позвать кого-нибудь на помощь, но не смог открыть дверь — кто-то закрыл ее снаружи. Дверь на даче у Надежды закрывается на обыкновенный висячий замок, и, если захотеть, можно запросто закрыть ее любой железкой. Дернув изо всех сил пару раз за ручку двери, я почувствовал едкий запах дыма. Дом горел, да так сильно, что за считанные секунды пламя охватило его целиком. Языки огня бились в окна снаружи, но выбраться из дома через них было нельзя совсем не поэтому. Надя боялась воров и буквально месяц назад мы поставили на все окна крепкие стальные решетки. Мне ничего не оставалось, как пролезть на чердак через узкий лаз в потолке, выбраться через слуховое окно и выпрыгнуть вниз. Очутившись на земле, я не почувствовал себя спасенным. Чувство страха завладело мной целиком. Я бросился бежать

подальше от горевшего дома. Мне казалось, что вот-вот со мной случится нечто страшное, что смерть буквально следует за мной по пятам. Не помню, как я оказался на автобусной остановке. На мое счастье, автобус стоял с открытыми дверями и, как только я в него запрыгнул, он тронулся. Через час я уже был у Нади. Увидев меня, она чуть не лишилась чувств. Ей стало плохо, и мне пришлось отпаивать ее корвалолом. Как только Наде стало легче, она сказала мне, что видела, как меня выносили на носилках санитары «Скорой помощи». Очевидно, это был тот мужчина, у которого Надя купила дрова, но не успела расплатиться. Бедняга, он сгорел, и в этом есть и моя вина.

Андрей Лукьянович глубоко вздохнул. Его немолодые выцветшие глаза наполнились слезами. Я взял его за руку и попытался успокоить:

— Думаю, что в смерти этого мужчины нет вашей вины. По-моему, вас действительно хотели убить, и просто чудо, что вы остались живы.

— Я тоже это понял, — продолжил Андрей Лукьянович взволнованным голосом. — Не успел я побыть у Надежды и десяти минут, как в дверь к ней кто-то позвонил. Мне пришлось срочно уходить и опять же через окно. Хорошо, что Наденька живет на втором этаже.

— Хорошо, — согласился я, припомнив свой прыжок из этого же окна. — А почему вы решили, что и у Нади вас подстерегает опасность?

— Не знаю, Дмитрий, не знаю. — Глаза Андрея Лукьяновича беспокойно забегали. — Иногда мне кажется, что я схожу с ума. Как только очутился на улице, я сразу кинулся к машине Надежды. Ключи от своей машины и немного денег — вот все, чем успела мне помочь моя Наденька. Когда я тронулся с места, то увидел в зеркале заднего вида, как какой-то мужчина бежал за мной.

— Это был я, — признался я.

— Вы?! — Андрей Лукьянович был сильно удивлен.

— Да. Мы ездили за вами на дачу. Потом я привез Надежду домой. Наверное, она не успела вам все это рассказать. Или не захотела.

— Она была вне себя от счастья видеть меня живым, — признался Андрей Лукьянович. — И я тоже очень рад был видеть ее.

Я подумал, что не стоит расстраивать и без того измученного Андрея Лукьяновича известием о смерти его любовницы, и не стал ничего говорить об убийстве Надежды Пичугиной.

— А потом вы поехали на вокзал, — сказал я.

— Да. А откуда вам это известно? — удивился Андрей Лукьянович.

— Я видел репортаж с вокзала по телевизору. Там случайно показали вас. Вы сели в поезд «Ижевск — Москва».

— Верно. Я поехал к товарищу в «Приют охотника». Это недалеко от станции Агрыз. Укрыться в лесу — это была моя последняя надежда. Мой

хороший знакомый Алексей, который снимал свадьбу Сашеньки на видео, давно приглашал меня к себе в гости.

— Хороший знакомый... — задумчиво повторил я, вспомнив, как Алексей пошел в лес за Андреем Лукьяновичем с топором в руке.

— Старый добрый знакомый, — повторил Андрей Лукьянович, пропустивший мои сомнения мимо ушей. — Мы познакомились с ним случайно лет пять назад в «Контур-Фото», когда я еще увлекался фотографией.

— В «Контур-Фото»?!

— Да. Это фотолаборатория и магазин фотопринадлежностей. Я частенько отдавал туда на проявку и печать пленки, сделанные на моем стареньком «Киеве-19», знаете, были раньше такие фотоаппараты.

— Да, конечно. У меня у самого был когда-то такой.

— Так вот, у меня всегда были проблемы с печатью. То цвет получался какой-то не натуральный, то резкости не было. Однажды я посетовал на свое неумение в самом магазине. Девушка, выдающая мне мой заказ, не смогла ничего толком ответить, а молодой человек, стоящий позади меня, дал мне несколько дельных советов. Это был Алексей. Потом мы еще несколько раз встречались в этом самом «Контур-Фото», и у нас завязалось что-то вроде дружбы.

— Понятно. И, очевидно, из этого магазина к вам попала ручка с надписью «Контур-Фото». — Я достал ручку и показал ее Андрею Лукьяновичу: — Эту ручку мне дала Надежда Пичугина.

— Ах, ручка! Нет, что вы! Я уже год не бывал в «Контур-Фото». Остыл я как-то к фотографии, да и времена пленочных фотоаппаратов, увы, давно прошли, сейчас все поголовно на цифру снимают. А эту ручку мне Алексей подарил. На свадьбе. Он частый гость этой фотолаборатории.

— Не знал, что Алексей снимает и фото.

— Снимает! Еще как снимает! Он ведь только на работе видеооператор, а в душе он фотограф, и очень даже неплохой.

«...и еще корзинки плетет и собакам «Озверин» дает» — мысленно продолжил я.

В коридоре раздался шум. С прогулки возвращались наши сокамерники. Услыхав это, Андрей Лукьянович затараторил:

— В «Приюте охотника», когда я пошел за ягодами, меня еще раз хотели убить. Я еле унес ноги.

— Кто это был и как он выглядел? — только и успел спросить я, как дверь в камеру отворилась, и вместе с запахом дешевого табака в нее вошли наши сокамерники.

— Дмитрий Петрович, на выход! — услышал я голос Хванчкары из открытой двери. — И, пожалуйста, поскорее, пока у майора Петрова настро-

ение хорошее! Он каким-то чудом узнал, что тебя закрыли у нас в камере предварительного задержания за то, что ты лежал у магазина на скамейке в бессознательном состоянии.

Делать было нечего, я пожал на прощанье руку Андрею Лукьяновичу и быстро вышел.

— Я надеюсь на вас, Дмитрий! — услышал я позади себя за секунду до того, как за мной закрылась тяжелая стальная дверь камеры.

— Не страшно было? — спросил меня с небольшой издевкой Хванчкара, когда мы пошли на выход по длинному коридору мимо других камер.

— Не страшнее, чем в яме, в собачьем вольере, — ответил я. — Стесняюсь спросить, а как я сюда попал? Помню только пиво и старичка на скамейке.

— И он предложил тебе услышать ангельские голоса? — хитро улыбаясь, спросил Хванчкара.

— Да. Мы немного добавили его зелье в пиво, — нехотя сознался я.

Хванчкара хлопнул меня по плечу и громко рассмеялся.

— Это наш старый знакомый по кличке «Фармацевт», — хлопнув меня по плечу, рассмеялся Хванчкара. — Мне рассказывали, что в былые времена, когда в нашем здании, помимо нашего отделения, находился вытрезвитель, он поставлял туда клиентов. Накапает пару капель своей сногшибательной жидкости в стакан собутыльнику, и через десять минут клиент готов. Ребята из вытрезвителя даже никуда не ездили. Просто брали бинокль и наблюдали, когда возле Фармацевта на лавочке кто-нибудь уснет. Если клиент богатый, немного перепадало и Фармацевту. Теперь вытрезвители закрыли, но Фармацевт, видимо, скучает по былому и иногда развлекается задаром. Тяга к профессии, так сказать.

— Вот скотина!

— А зачем пить с незнакомыми людьми незнакомую жидкость? Какая же он скотина? Он — воспитатель! Правда, у нас в Грузии такому воспитателю давно бы уши обрезали.

— А как же он сам не засыпает? Он ведь тоже пьет эту гадость? — удивился я.

— Дорогой, Дмитрий Петрович, внимательней надо быть частному детективу, внимательней! Не берет Фармацевт в рот своей отравы ни грамма. Себе в стакан капает одно, а другим наливает другое, из точно такого же пузырька. Ловкость рук!

— Его надо арестовать, Хванчкара! — возмутился я. — Это противозаконно!

Тем временем мы дошли до конца коридора, дежурный выдал мне по описи мои вещи, протянул листок, чтобы я поставил на нем свою подпись, затем мигом соскочил с насиженного стула, метнулся к решетчатой двери и, немного позвеневав ключами, быстро открыл ее.

Глава 19

Свобода встретила меня угасающей вечерней жарой. Из отделения полиции я прошел мимо того магазина, где Фармацевт угостил меня сногшибательным пойлом. Мысль о выпивке родилась и сразу же пропала при воспоминании о его «чудодейственной» добавке к пиву. «Так можно и в трезвенники записаться, — подумал я, переживая, что меня провели за нос, как первоклассника, и тут же успокоил себя: — В конце концов, если бы не Фармацевт с его гадостью, то я вряд ли бы так просто мог поговорить с Андреем Лукьяновичем. Теперь, когда у меня столько информации, я, во что бы то ни стало, должен отыскать настоящего убийцу или убийц. И первым, кого теперь мне необходимо найти, это Алексей — видеооператор со свадьбы, который не захотел говорить мне своей фамилии. Возможно, за этим скрывается нечто большее, чем просто желание остаться в тени из-за творческих амбиций. К тому же топор в его руке, который мы с Ольгой видели в «Приюте охотника», не внушал никакого доверия». С такими мыслями я поймал такси и поехал домой. Первым делом заварил себе крепкий кофе. Попивая небольшими глотками самый утренний в мире напиток, я размышлял о том, где мне найти видеооператора Алексея. Пара неприятных вопросов к нему должны были поставить точку в этом пропитанном кровью деле. Я представил лицо майора Петрова, когда он узнает, кто же на самом деле виновен в смерти нескольких людей, Алексей даже не входил в круг его подозреваемых.

Но праздновать победу было рано. Прежде всего, необходимо было узнать хотя бы адрес Алексея, номер сотового телефона и определить круг его знакомых. Я знал двух людей, которые могли дать мне нужную информацию. Это были видеооператор Иосиф и свадебный фотограф Олег. Оба знали Алексея и, вполне возможно, могли быть в курсе его дел. Я набрал телефон Иосифа, но он был вне зоны доступа. Телефон фотографа Олега, напротив, звонил, не переставая, но трубку никто не брал. «Возможно, — подумал я, — Олег забыл его в машине, так часто бывает». Решив ускорить события, я стал соображать, как еще можно найти Олега. Кофе мой закончился, и я побрел в ванную комнату. Когда все утренние процедуры были выполнены, ко мне вдруг пришла мысль, что найти фотографа не так уж и сложно. Дом его я знал, оставалось вычислить квартиру. Если вспомнить

нашу встречу у памятника Ленину и то, что Олег шел до меня ровно три минуты, вычислить его квартиру было делом техники. Кофе и ванна прекрасно сделали свое дело — голова моя легко и в один миг решила сложную задачу. Быстро собравшись, я направился к памятнику Ленину.

Моя старенькая «Нива» была без лишних затей припаркована Федором возле моего подъезда прямо на газон. Испытывая легкие муки совести за то, что колеса моей машины безжалостно вжимали в землю несколько кустов какой-то щуплой садовой растительности, я залез в нее и завел мотор. Машина издала какой-то странный, нездоровый для автомобиля звук выхлопной трубой и умолкла. Все остальные попытки вдохнуть жизнь в моего старого верного стального коня ни к чему не привели. Очевидно, гонки за поездом «Ижевск-Москва» под руководством Федора, присмотром Властелина Паяльникова и под грузом лейтенанта Хванчкары выжали из нее последние соки.

До памятника Ленину я дошел на своих двоих. Это было недалеко, и двадцать минут пешей прогулки принесли мне истинное удовольствие. Встав точно на то же место, где меня увидел фотограф, я начал вычислять его окно. Это оказалось совсем несложно. Передо мной отрылась узкая полоска окон в один ряд, с третьего этажа по пятый. Все остальное пространство закрывали плотной листвой ветки деревьев. Включив в телефоне таймер, я вошел в дом и ровно через три минуты оказался на площадке третьего этажа. Из трех дверей только одна могла вести в квартиру, окно которой выходило на памятник. Нисколько не сомневаясь в правильности своего выбора, я позвонил в дверь.

— Открыто! — послышался мужской голос. — Проходите в зал, я сейчас!

Я прошел в зал. Огромная, почти квадратная комната дома старой постройки походила больше на творческую мастерскую или музей, чем на жилое помещение. Повсюду, куда ни глянь, были предметы африканской культуры. Маски, бубны, длинные и кривые ножи, копья и даже мумия небольшой обезьянки висели на стенах комнаты вперемешку с различными картинами и фотографиями. Репродукция картины «Крестьянка в красном сарафане» была прислонена к настольной лампе, стоящей на письменном столе у окна, и закреплена по бокам двумя стопками книг. Недописанная копия этой картины красовалась на мольберте перед ней. Рядом с мольбертом на небольшом столике лежали краски и кисти.

— Добрый день! — услышал я позади себя и обернулся.

В дверях комнаты стоял Олег. В руках он осторожно держал за края мокрую фотографию большого размера. Увидев мое лицо, фотограф слегка оторопел.

— Не ожидал увидеть вас у себя, — сказал он после недолгой паузы.

— Не мог дозвониться на сотовый. Сообразил, где живете, и пришел. Извините за вторжение. Я позвонил в дверь, вы сказали: «открыто».

— Ничего страшного, — ответил Олег. — Я в ванной печатаю по старинке фотографии. Заказчик у меня один появился, хочет, чтобы все было, как раньше: пленка, проявка в бачке, печать в ванной при красной лампе. Только так, говорит, можно сделать настоящее фото, от которого пахнет жизнью.

— И фиксажем, — добавил я.

— Да. И фиксажем. Заработался я в этой ванной. С раннего утра там сижу. Телефон я в другой комнате забыл, так что звонить бесполезно. Я и дверь специально открытую оставил, чтобы не выбегать посреди процесса. Ко мне часто приходят по разным делам.

— Вы еще и художник? — спросил я, взглянув на мольберт.

— Да. Немного. Заказали сделать копию картины Серебряковой «Крестьянка в красном сарафане». Она в нашем музее хранится, но в музее мне сидеть некогда, да и договариваться неохота. Вот с репродукции и копирую. Конечно, это не очень правильно, но, думаю, претензий не будет.

— Я видел эту картину в нашем музее. В подлиннике она стоит кучу денег. Один мой знакомый искусствовед сказал мне, что ее стоимость около трех миллионов евро, и я из любопытства сходил и посмотрел.

— Да, возможно, она стоит таких денег, — рассмеялся Олег. — Передвижки сейчас в цене. Даже не верится, что такая ценность хранится в нашем провинциальном музее вместе с мазней местного советского реализма. А что привело вас ко мне? Вроде бы я отдал вам все фото с той роковой свадьбы.

— Я ищу вашего напарника Алексея — видеооператора, который работал вместе с вами на той свадьбе.

— Если не секрет, для чего? — спросил фотограф с напускным безразличием.

— Дело в том, что я — частный детектив, и веду расследование серии убийств параллельно с полицией. Чтобы проверить одну версию, мне нужно поговорить с Алексеем. И чем раньше, тем лучше. Число трупов растет. Возможно, что в опасности и ваша жизнь тоже.

— Ну, если так, то ради бога, но я знаю только телефон Алексея и больше ничего.

— Как? — удивился я. — Неужели ничего?

— Нет. Только его номер телефона. Когда надо оператора на свадьбу, я звоню ему, когда нужен фотограф, он звонит мне. Вам дать его телефон?

— Конечно. Хоть что-то.

— Я напишу его на своей визитке. Мало ли, вдруг вам потребуется фотограф. — Олег достал из бумажника визитку и принялся искать ручку.

— Вот, возьмите, — сказал я и протянул ему ручку с надписью «Контур-Фото».

На секунду фотограф замер, не спуская глаз с ручки.

— Спасибо, — сказал он, взял ручку и написал телефон на своей визитке. — Вот, пожалуйста. По-моему, у него только один номер, по крайней мере, другого я не знаю. — Олег одной рукой протянул мне визитку, а другая рука быстро убрала ручку в карман.

— Всего доброго! — попрощался я и направился к выходу. В дверях неожиданно остановился и обернулся: — Я, кажется, забыл у вас свою ручку.

— Ах, да! Простите! — смутился Олег. — Привычка — вторая натура. Извините, пожалуйста, чуть не увел вашу ручку! — Он достал ручку и протянул ее мне.

— Между прочим, эта ручка когда-то была Алексея, — многозначительно произнес я, взял ручку и показал Олегу надпись на ней.

— «Контур-фото», — прочитал он. — Есть такая фирма в нашем городе. Наверное, Алексей пользовался ее услугами.

— Пользовался? — переспросил я. — Почему в прошедшем времени? Он больше не нуждается в их услугах? Нашел фирму получше?

— Пользовался, а может, пользуется. Я не знаю, просто так вырвалось.

— Понятно. Спасибо, и еще раз извините за вторжение, — сказал я, убрал ручку в карман и шагнул в дверной проем.

— До свидания!

Дверь за мной затворилась, и было слышно, как Олег запирает ее на замок.

«Странно, — подумал я, — а ведь когда я входил, дверь была не заперта».

Я уже в пятый раз набирал номер Алексея, но он не отвечал. Потеряв всякую надежду, я положил телефон в карман, и он тут же громко зазвонил. Это был Иосиф.

— Как дела? — спросил он. — Я был на съемках и отключал мобильник. Мне пришло сообщение, что ты мне звонил.

— Я хотел узнать, как мне найти одного видеооператора.

— Собираешься играть свадьбу? Ты хорошо подумал? Если что, у меня есть немного хозяйственного мыла и кусок пеньковой веревки. Сук можешь выбрать сам. Живописных мест с деревьями у нас много.

— Я ищу видеооператора Алексея, ты знаешь такого? — спросил я, не обращая внимания на глупые шутки Иосифа.

— Какого именно? Я знаю несколько Алексеев. Тебе нужен тот, который работает у нас в студии на «Новостях»?

— Нет. Которого ты снимал на вокзале, когда шел прямой эфир о проходах на конкурс Бурановских бабушек.

— Ты смотришь мои эфиры! Весьма польщен! Это Алексей с телекомпания «Новый регион». К сожалению, я не знаю его координат. Мы часто встречаемся на съемках разных городских мероприятий, но наши отношения дальше этого не зашли.

— А в какой телекомпании он трудится?

— «Новый регион». Можешь позвонить туда, там-то уж точно знают, где его искать.

— Спасибо.

— Спасибо — это уныло! Желаю ощутить твою благодарность желудочно-кишечным трактом. Закуску беру на себя.

— Ты неисправим. Но обещаю, как-нибудь мы обязательно посидим.

— Я запомнил твои слова.

— Можешь их даже записать. Все. Пока!

Звонить в «Новый регион» и узнавать, где сейчас находится Алексей, мне показалось неправильным. По телефону могут запросто «отфутболить» человека или сказать ему неправду. Поэтому я решил сам пойти туда.

Девушка на ресепшене подозрительно посмотрела на меня и убедительно попросила подождать, пока она дозвонится до операторов. Поговорив пару минут, она подняла на меня глаза и пожала плечами:

— Алексея нет. Он не появлялся сегодня, и неизвестно, когда будет. Мы не можем до него дозвониться.

— А где я могу его найти? — поинтересовался я.

— Таких справок мы не даем. Если хотите, переговорите с директором.

— Хочу.

— Ее сейчас нет, она будет только завтра. Без нее никто не даст вам адрес Алексея.

— Хорошо, я приду завтра, до свидания, — пробубнил я и пошел на выход.

До завтра у меня была целая куча свободного времени, и я решил заняться ремонтом своей «Нивы».

Глава 20

Старенькая «Нива» с открытым капотом печально смотрела железными внутренностями не первой свежести в окно пенсионерки с недовольным лицом.

— Бабушка, я уберу машину с газона, как только она заведется, — пытался успокоить я женщину.

— Так я тебе и поверила! Скорее мой старик заведется, глядя на меня, чем твоя рухлядь.

— Заведется, заведется! — утверждал я. — Вот сейчас товарищу позвоню, он приедет и все исправит.

Вдохнуть в машину жизнь у меня не получилось. Все, что я смог сделать для ее реанимации, это поменять свечи. Но этого оказалось недостаточно. Что можно еще поменять в моей машине, кроме нее самой, я не знал, поэтому позвонил Юрычу:

— Юрыч, приезжай! Машина без тебя не заводится.

— С одним условием, — ответил мне Властелин Паяльников. — Я завожу машину, а ты едешь с нами.

— Куда? — испуганно спросил я, пытаюсь лихорадочно сообразить, что могли придумать Федор вместе с Властелином без моего ведома.

— Как куда? На природу. У меня же сегодня день рождения. Ты что, забыл?!

— Нет, не забыл. Я и не знал, ты никогда не говорил.

— А теперь говорю. Короче, чиним твою машину и едем на ней на природу отмечать мой юбилей.

— Так у тебя юбилей! Поздравляю! И сколько, если не секрет?

— Тридцать три, — уверенно произнес Властелин Паяльников.

— Что за шутки, Юрыч! — возмутился я. — Во-первых, тридцать три — это не юбилей, а во-вторых, ты гораздо старше. Тебе около пятидесяти.

— Про пятьдесят это ты сам догадался, я тебе этого не говорил. Так по рукам?

— По рукам, — сказал я и подмигнул бабушке в окне: — Заведется машина, еще как заведется! Сейчас Властелин Паяльников приедет, он, что хочешь, починит.

— А может, он мне и швейную машину отремонтирует? — заинтересовалась пенсионерка.

— Приедет, поглядит. Но сначала моя машина, остальное — потом.

Федор и Властелин Паяльников приехали на такси. По их слегка помятому виду можно было догадаться, что семья Федора все еще не вернулась с курорта, и друзья живут так, как им заблагорассудится. А рассудок у них направлен строго в одну сторону — к ближайшему магазину.

— Мы тут решили подышать свежим воздухом. Какие будут предложения с твоей стороны? — спросил меня Федор.

— С моей стороны предложение одно: сначала привести в чувство мой автомобиль.

— Никаких проблем! — раздался из-под капота голос Властелина Паяльников, который уже успел приложить руки к моей машине. — Можешь заводить!

— Так быстро? — удивился я. — Ты точно ничего не перепутал? Машина не взлетит на воздух и не превратится в кофеварку? Мы точно останемся живы?

— Заводи, не бойся! — сказал Юрыч, закрывая капот.

Я сел в машину и с опаской повернул ключ зажигания. Машина завелась. Она проработала минуту, потом две. Не глохла и не чихала.

— Что там было? — спросил я Властелина Паяльников, заглушив двигатель.

— Ничего особенного. Просто перетерся один проводок. Ну что, теперь на природу?!

В окне появилась пенсионерка. В руках она держала швейную машину «Зингер» начала прошлого века.

— Машинку мою почините, сынки?

— Этого немого свидетеля прошлого века? Запросто! — Властелин Паяльников подошел к окну и решительно взял машинку с подоконника.

— А может, в следующий раз? — предложил я, с опаской наблюдая, как он потащил «Зингер» к моей «Ниве».

— Мы ее с собой возьмем, на природу. Там и починим. Хорошо?

— Да хоть на тот свет, лишь бы заработала, — пошутила пенсионерка.

— Э-э-э, нет! На тот свет не надо. На этом как-нибудь справимся, — ответил Властелин Паяльников, открыл багажник моей «Нивы» и поставил туда раритетную машинку.

— Юрыч, а ты, и вправду, на природе ее чинить будешь? — негромко спросил я его.

— Конечно, а ты думаешь, я там только пить буду? Вы с Федором рыбачьте, сколько вам влезет, а меня от рыбалки тошнит с детства. С тех пор, как меня отец заставил всю пойманную рыбу съесть.

— И много было этой пойманной рыбы? — поинтересовался я.

— Много. Я ее тогда в нерест ведром начерпал, сколько в лодку влезло.

— А зачем так много?

— Вот и отец так сказал: «Зачем так много?». А потом добавил: «Жри, раз поймал, и пока всю не съешь, ничего больше не увидишь, ни хлеба, ни каши!» Я ее месяца три ел. Чуть не помер. «Скорую» даже вызывали.

— А куда поедем? — поинтересовался я, глядя, как Федор запихивает поверх швейной машинки рыболовные снасти и мешки с провиантом.

— Хотелось бы куда-нибудь в красивый уютный уголок, где небольшая речка или прудик, — неожиданно романтично ответил Федор.

— Я знаю, куда мы поедем! — Мысль, которая пришла мне в голову, была великолепной. — Мы поедем в «Приют охотника».

— Ты что, хочешь еще раз подразнить собак из вольера? — пошутил Федор.

— Собаки там хорошие, я уже вам рассказывал. Но не в них дело. Там как раз есть и речка, и озеро. И все это в лесу. Рыбалка будет великолепной! Хозяин неплохой человек, думаю, он нас с радостью примет

— А заодно ты будешь вынюхивать, куда мог деться труп с топором в спине, — предположил Федор.

— Какой труп?! — решительно возразил я. — Там полиция с собакой ничего не нашла, куда уж мне! Нет, я буду исключительно валять дурака. Частный детектив тоже имеет право на отдых.

— Ну, тогда, поехали! — сказал Властелин Паяльников, и мы сели в машину.

— А как же Хванчкара?! — вспомнил вдруг Федор. — Может, стоит его позвать?

Мы переглянулись с Властелином Паяльниковым, и я сказал:

— Звони ты.

— Хванчкара хоть и лейтенант полиции, но не идиот! — услышали мы в трубке, которую Властелин переключил на громкую связь. — Какая природа! Какая рыбалка! Мне ваших шершней хватило на сто лет вперед, не говоря уже о собаках! Никакой летней удмуртской природы! Никогда! И даже не уговаривайте!

— Хванчкара, — спокойно произнес Властелин, — ты хочешь обидеть меня в мой день рождения?

— День рождения! Эх, дорогой! Почему сразу не сказал!? — Хванчкара вмиг превратился в другого человека. — Обязательно буду! Только чуточку позже. Надо с работой немного разобраться. Преступников арестовать.

— Всех не арестовывай. Нам оставь, — пошутил Юрыч. — И обязательно приезжай. Очень ждем. Куда ехать, знаешь.

Хозяин «Приюта охотника» Игорь Васильевич встретил нас очень радушно. За символическую плату он предоставил нам шикарные, по охотничьим меркам, апартаменты и посоветовал, где лучше рыбачить.

— Вниз по речке метров пятьсот небольшой омуток под дубом. Если повезет, там можно и сома выловить, — сказал он, когда мы собрались на улице перед гостевым домом.

— А на сома какую снасть надо? — спросил Федор. — Я тут приготовил удочку, не знаю, подойдет или нет.

— Крючок на ней есть?

— Конечно, есть — ответил Федор.

— Значит, подойдет. — Властелин Паяльников достал из багажника моей «Нивы» швейную машинку и поволок ее в дом.

— А вы что, здесь шить будете? — удивился Игорь Васильевич.

— Если бы, — хмыкнул Юрыч. — Не работает этот «Зингер». Вот, просили починить. Рыбачить я все равно не буду, так хоть делом займусь.

— Смотри, не смастери вертолет из этой швейной машинки, а то меня та бабуля с потрохами съест. Она и так на меня косо смотрела за то, что вы мою «Ниву» на газон перед ее окнами поставили.

— Так это все Федор. Я ему говорил, давай прямо к дверям подъезда поставим — кому нужно, обойдут, а он: «Это же внедорожник, вне дороги и припаркуемся!»

Как водится, перед началом рыбалки мы решили немного выпить за приезд и за природу. Когда солнце стало клониться к закату, я и Федор пошли брать сома. Именно брать — не ловить, так, по словам Федора, говорят настоящие сомятники. Федор, как заправский рыбак, взял купленную и снаряженную накануне удочку, а мне, как новичку, Игорь Васильевич дал большой подсачник. Немного запинаясь за торчащие из земли корни деревьев, мы пошли к омуту брать сома.

— Сом — рыба осторожная, — сказал мне Федор, тихонько пробираясь сквозь кусты, — соответственно, удочку лучше закидывать так, чтобы он нас не заметил. Леска у меня длинная, я новую шпулю намотал перед отъездом, поэтому, думаю, хватит.

— Там что, такой глубокий омут?

— Нет. Там очень высокий дуб, — ответил Федор. — Игорь Васильевич сказал, что омут под высоким дубом, в котором есть большое дупло.

Мы нырнули в кусты и, выкарабкавшись из них с другой стороны, увидели невдалеке на большой поляне огромный дуб. Метрах в пяти от земли в стволе дуба темнело огромное дупло. Внизу текла река, и ее изгиб образовывал под дубом глубокий черный омут.

— Он, — решительно проговорил Федор и короткими перебежками направился к дубу. — За мной, — тихо прошипел он, махая мне рукой на ходу.

Я осторожно пошел за Федором.

— Да пригнись ты!

Я сел на корточки и пошел к дубу гусиным шагом. Когда добрался до Федора, мне потребовалось некоторое время, чтобы отдышаться. Наконец мое дыхание восстановилось, и он сунул мне в руки свое удилище:

— Держи, потом подашь!

— Ты куда? — спросил я.

— Известно куда, в дупло.

— Ты что, какая в дупле рыба?!

— Я где-то читал, что дупло — самое идеальное убежище для засидки на сома. Оттуда очень удобно закидывать удочку, — пояснил Федор. — Наживка с поплавком как раз по центру омуты пойдет, в самое глубокое место. Я спрячусь в дупле, и сом меня не увидит. А как клюнет, я его из воды вытащу, ну а здесь ты с подсачником поджидать его будешь. Вопросы есть?

— Вопросов нет.

— Тогда я пошел.

Федор попытался залезть на дуб. С первой попытки у него ничего не получилось. Руки его скользили по коре, ноги не могли как следует обхватить могучий ствол дерева. Чтобы схватиться за самый нижний сук, ему не хватало около полутора метра.

— Подсоби! — попросил он.

Я встал на четвереньки и уперся руками в дуб. Федор встал мне на плечи, и я, скрипя всем своим скелетом, начал вставать.

— Еще чуть-чуть. Еще! — командовал он сверху.

Я выпрямился. Рука Федора была на уровне сука, но теперь она находилась в метре от него по горизонтали.

— Два шага влево, пожалуйста.

Я сделал, как он просил, но второпях не учел, что трава была сырая от вечерней росы. Ноги мои разъехались, и я, обнимая двумя руками ствол дуба, сел возле него на шпагат. Сверху надо мной маячили ноги Федора, которому все же удалось каким-то чудом ухватиться за сук. Он вскарабкался вверх и, залезая в дупло, прокричал оттуда:

— Поддай, Дмитрий Петрович, ты мне удочку. Солнце село, самое время сома ловить.

Я подал Федору удочку. Высунувшись по пояс из дупла, он схватил ее за кончик и поднял к себе.

— Еще одна просьба, — не унимался на дереве Федор, — я тут не вижу ни черта, а надо червей насадить. Давай, я тебе крючок спущу, ты насадишь..

— Ладно, спускай свой крючок.

Через несколько секунд огромный крючок на сома беспечно раскачивался из стороны в сторону перед моим носом.

— Смотри, подсекать без команды не начни! — сказал я Федору, опасаясь за свое здоровье.

— Не бойся, у меня все под контролем!

— А где черви?

— У меня. Я сейчас тебе баночку скину. Лови!

Федор бросил сверху мне банку. Разумеется, он промахнулся. Банка стукнулась о ветку, отрылась и высыпалась на лету. Толстые и длинные навозные черви попали мне на голову и стали, как ни в чем не бывало, устраиваться поудобней в моих волосах.

— Федор, никогда ничего мне больше не кидай! — закричал я. — Слышишь, никогда!

— Не глухой... Извини, Дмитрий Петрович, не рассчитал.

Насадив с горем пополам червя на крючок, я дернул за леску.

— Готово!

Федор взмахнул удилицем, и червь скрылся в глубине омута. Упавший следом за ним поплавок оставил на воде красивые ровные круги.

Прошло какое-то время, но он был неподвижен, словно его приклеили к водной глади. Солнце уже собиралось вставать, а мы еще не видели ни одной поклевки. Вернее не видел поклевок только я, Федор уснул почти сразу, как забросил удочку. Его богатырский храп был под стать дубу, в дупле которого он сидел, словно филин-переросток. Под утро, когда глаза мои начали слипаться, я не выдержал и сказал:

— Федор, по-моему, сома мы сегодня не поймает.

Храп в кроне дуба прекратился, и сверху послышался заспанный голос:

— На рассвете самая рыбалка. Надо наживку проверить, вдруг червяк уже сдох.

Федор начал доставать удочку, но крючок за что-то зацепился.

— Там кто-то сидит! — взволновано закричал он.

— Зацепил, наверное, за корягу, — засомневался я, но подсачник все же приготовил.

— Нет. Смотри, я немного могу приподнять его от дна. Это сом!

Федор попытался подмотать леску на катушку, но ничего не получалось. Удочка загнулась в дугу и, казалось, вот-вот сломается пополам.

— Беги за Властелином! — закричал Федор. — Тащите лебедку!

Я бросил подсачник в траву, побежал к домику. Разбуженный мною Паяльников долго не мог сообразить, что от него требуется, но когда суть вопроса стала ему ясна, он быстро оделся и схватил швейную машинку, на которую уже успел приспособить какой-то барабан.

— Юрыч, зачем тебе «Зингер»? — спросил я, ничего не понимая.

— Повезло вам со мной, ох, как повезло! Только вчера вечером тяговое усилие на этой машинке увеличил, как сегодня вам уже лебедку подавай! Вытащим сейчас вашего сома, не успеете оглянуться!

Подхватив швейную машинку, Властелин вместе со мной со всех ног помчался к дубу. Когда мы прибежали, Федор уже наполовину торчал из

дупла. Вцепившись обеими руками в удочку, он боролся с гигантской рыбиной из последних сил.

— Скорее! Он меня сейчас отсюда вытащит и в омуте утопит!

— Мне нужна твоя удочка! — крикнул Властелин Паяльников. — Я пропущу леску через «Зингер» и вытащу этого монстра, кем бы он ни был.

— Хорошо, я попробую, — от напряжения сквозь зубы процедил Федор.

Он стал раскачиваться вверх-вниз, затем выгнулся изо всех сил и исчез в дупле.

— Держите, а я, кажется, тут крепко застрял! — донесся оттуда его приглушенный голос.

— Давай удочку вниз! — крикнул Властелин Паяльнико. — Сначала сома вытащим, а потом и тебя.

Как только комель удочки опустился к нему на расстояние прыжка, он подпрыгнул, схватил удочку двумя руками и закричал:

— Ура!

— Ура, — глухо пробурчал Федор внутри дуба.

Для того чтобы приладить леску к «Зингеру», потребовалось несколько минут, после чего Юрыч приступил к его испытанию, отчаянно вращая ручку швейной машинки. Леска потихоньку наматывалась на барабан. «Зингер» скрипел всеми болтиками, но работал безотказно.

Рука Властелина Паяльникова вращала ручку швейной машинки все медленнее. Леска звенела. Омут ожил. Водная гладь вспучилась, волны побежали от центра омута к берегам, а из толщи воды показалось нечто.

— Вот это рыбина! — прошептал пораженный увиденным Властелин. — Вот это плавник!

— Это не плавник, Юрыч, — сказал я. — Это топор.

Тело убитого на поляне мужчины в камуфлированном костюме и ботинках всплыло к нам из глубин омута. Топор все так же торчал в спине трупа, как и тогда. Убийца даже не потрудился его вынуть.

— Ну что там? Достали!? — раздался возбужденный голос Федора.

— Достали, — прошептал Юрыч.

— Килограмм на тридцать хотя бы будет? — раздалось из дерева.

— На все девяносто, вместе с топором, — ответил я.

— Не понял! С каким топором? Вы что там, его уже рубите? Мне, пожалуйста, голову. Это я его поймал!

— Да хоть всего забирай!

— А вот и я! — раздалось со стороны поляны, и возле дуба появился лейтенант Хванчкара. — Мне сказали, что вы тут без меня сомов ловите.

Это радует. Хоть кого-то поймать вы все же в состоянии. — Он подошел к омуту, увидел труп и присвистнул: — Вот это улов!

— Ну, все! Я требую, чтобы меня немедленно достали отсюда! — раздался раздраженный голос Федора.

— Это что? — удивился Хванчкара. — Это откуда?

— Это Федор.

— Федор? А где он?

— В дубе, — постучал я по дереву. — Надо идти за бензопилой.

— Прежде чем сома распиливать, меня достаньте. Я хочу сфотографироваться с этим гигантом! — не унимался Федор.

Пока Хванчкара и Властелин Паяльников обсуждали план вызволения Федора из дуба, я спустился к омуту. Взяв подсачник за самый конец ручки, сделал несколько попыток, прежде чем зацепил сеткой голову трупа. Не спеша, чтобы снова не отправить на дно, подтащил его к берегу и повернул на бок. Передо мной лежало тело видеооператора Алексея. В его открытых безжизненных глазах медленно проплывали облака. Внимательно осмотрев труп, я увидел широкий черный матерчатый ремень, обхватывающий тело на уровне живота. На ремне большими буквами значилось «Кэнон. Марк 2». К поясу трупа при помощи этого ремня был привязан ржавый трак от трактора.

— Дмитрий Петрович, ничего не трогай! — крикнул мне сверху Хванчкара. — Скоро приедет следственная группа, они все сделают.

— Как скажете, господин лейтенант, — ответил я и оставил труп в покое. Все, что мне было нужно, я уже узнал.

Глава 21

Магазин «Контур-Фото» находился недалеко от центральной площади Ижевска в торговом центре «Леон». Словно страж на вратах, он расположился у самого входа, и не пройти мимо фототоваров было просто нереально. Тысячи покупателей в день посещали торговый центр и несколько сотен из них неизбежно попадали в «Контур-Фото». Нельзя утверждать, что все посетители этого магазина были фотографами, но то, что им определенно нравились расставленные на полках всевозможные фотопринадлежности и аксессуары, это точно. Поймав себя на мысли, что я, как и все, подвержен действию ненавязчивого маркетинга, я оторвал свой взгляд от объективов в витрине, которые были мне необходимы, как корове седло, и зашел в отдел.

— Чем могу помочь? — спросил меня продавец-консультант.

— Я ищу ремень для фотоаппарата или для видеокамеры.

— Так для фото или для видео? — удивился продавец. — Если для видео, то у нас ничего нет. А если для фото, то какой именно у вас фотоаппарат?

— Это не у меня, — стал я оправдываться, — это у одного моего знакомого. Я хочу сделать ему подарок. Не знаю точно, но, по-моему, у него «Кэнон. Марк 2».

— Это фотоаппарат. У нас был один ремень для него, но мы продали его буквально вчера. Вы можете сделать заказ, и в течение недели мы его привезем.

— А можно посмотреть, как он выглядел?

— Да, конечно, я могу дать вам рекламный проспект этого фотоаппарата. Там наверняка можно найти изображение ремня.

— Вы меня не поняли. Я хочу узнать, как выглядел тот, кто купил у вас этот ремень. Дело в том, что если это мой друг, то мне нет смысла делать заказ. Зачем ему второй ремень?

— Я вас понял. Это был наш постоянный клиент. Его зовут Олег. Он немного лицом похож на колобка. Мы так его тут и прозвали. Он свадебный фотограф.

— Да. Это он. Надо же, чуть не сделал ненужный подарок.

— Вы можете подарить ему что-нибудь другое. Например, светофильтры, штатив или фотосумку.

— Боюсь делать подарки, будучи неуверенным в том, нужны они или нет. Я узнаю получше, что ему нужно, и обязательно к вам приду.

— Очень на это надеюсь. Вот вам от нас маленький сувенир, — сказал продавец и протянул мне белую шариковую ручку с надписью «Контур-Фото».

— Большое спасибо! — сказал я. — У меня такая уже есть.

Когда я вышел из торгового центра, в кармане зазвонил мой мобильник.

— Дмитрий Петрович, — услышал я в трубке голос мамы Александры, — из Италии пришло еще одно письмо по поводу наследства. Это точная копия первого. Его прислали потому, что мы не ответили на первое письмо. А как мы могли ответить, если оно пропало, а Александра... — Ирина Владимировна заплакала.

— Успокойтесь Ирина, Владимировна, — сказал я. — Что там, в этом письме?

— Все то же самое. Если вам интересно, приезжайте.

— Я скоро буду, Ирина Владимировна, — ответил я и направился к машине.

«... наследство достанется тому, чей ребенок, рожденный в законном браке, внук или внучка Валерио Сузини, родится первым» — значилось в самом конце завещания.

— Что значит, родится первым? — спросил я Ирину Владимировну. — У Валерио есть еще дети?

— Не знаю. Это был такой мужчина! Ему стоило только моргнуть, как любая захотела бы иметь от него детей. Да что тут рассказывать, лучше я покажу вам его фото.

Ирина Владимировна подошла к шкафу, открыла стеклянную дверцу и достала толстый фотоальбом. Пролистав его, она остановилась на странице с единственной черно-белой фотографией, выполненной по всем канонам фотоискусства.

— Вот он — Валерио Сузини, итальянец, отец Александры.

Я взглянул на фото. С альбомной страницы на меня смотрел тот самый мужчина, фотографию которого я видел на стене в квартире фотографа. Ошибки быть не могло.

— А как вы познакомились с фотографом Олегом, который снимал на свадьбе? Вы раньше встречали его где-нибудь? — спросил я.

— Нет. Этого паренька я раньше не видела. Его порекомендовал Алексей — видеооператор, знакомый Андрея Лукьяновича. Мой муж попросил поснимать Алексея свадьбу на видео и найти фотографа, что он и сделал. Незадолго до свадьбы Олег приходил к Александре обсуждать план съемок.

— А вы присутствовали при этом обсуждении?

— Нет. Зачем мне это? Меня и дома-то не было. Александра потом просто сказала, что приходил фотограф, и они все обсудили. Олег ей очень понравился. Она сказала, что рада тому, что ее свадьбу будут снимать такие хорошие люди, как Алексей и Олег.

— Один то из них точно хороший, — пробормотал я.

— Вы что-то сказали?

— Нет. Это я так. Знаете что, Ирина Владимировна, вы не могли бы посидеть дома два-три дня, никуда не ходить и никому дверь не открывать?

— Это зачем? Меня хотят убить? — взволновано спросила она.

— Думаю, что нет, но на всякий случай на вашем месте я бы послушался моего совета.

— Хорошо. Два дня я посижу. У меня как раз дома полно работы накопилось. Но не больше. Потом я просто сойду с ума.

— Вы мне обещаете?

— Обещаю.

Попрощавшись с Ириной Владимировной, я вышел на улицу, достал со-
товый и набрал Хванчкару.

— Мужественный полицейский слушает! — раздался в телефоне бо-
дрый голос лейтенанта.

— Хванчкара, не знал, что ты читаешь Толстого.

— Обижаешь, Дмитрий Петрович, конечно, читал. «Войну и мир», к при-
меру, два раза читал.

— Хванчкара, я не того Толстого имел в виду. «Война и мир» — это Лев
Толстой, а «мужественный полицейский» — это Алексей. Произведение
называется «Буратино». Только там говорится: «Господин мужественный
полицейский».

— «Буратино» я тоже читал. Вернее, смотрел. Это имеет значение, читать
или смотреть?

— Для тебя — нет. Так вот, если мужественный полицейский Хванчкара
хочет поймать преступника, он должен поехать со мной. Подробности по
дороге.

— Поймать преступника?! Конечно, хочу! А можно, Властелин Паяльни-
ков с Федором со мной поедут? — необычайно бодро спросил лейтенант.

— Хванчкара, ты что, выпил?

— Зачем так спрашиваешь? У меня сегодня выходной. Хванчкара что,
не человек?

— Куда ехать? — раздался в трубке голос Федора, перехватившего
телефон. — Можем выехать хоть сейчас.

— А вы где?

— У меня. Последний день холостяцкой жизни отмечаем. Завтра семья
из Турции возвращается.

— Я заеду сам, минут через десять, но вы ждите на улице. И вот что:
если у Хванчкары есть пистолет, пусть возьмет его на всякий случай.

— А может, не надо пистолета? — засомневался Федор. — Хванчкара
сегодня уже выпил, еще промахнется.

— А кто сказал про патроны? Пистолет пусть берет, а патроны пусть
оставит. Не хватало еще, чтобы он нас вместо преступника пострелял!

— Хорошо, — согласился Федор, — патроны мы отберем.

Забираться в мою «Ниву» у Хванчкары получилось, как ни странно, с пер-
вого раза. Ловко нырнув внутрь машины, он в один момент втащил туда
свой живот, а затем втянул рукой правую ногу.

— Удивительно! — отметил проворство тучного лейтенанта Федор. —
Мастерство растет с каждым разом.

Когда мы тронулись, я вкратце изложил друзьям свои предположения по поводу убийцы.

— Будем брать! — сказал Властелин Паяльников и хищно потер руки.

— А если он опять в нас из «маузера» начнет стрелять? — предположил Федор.

— «Маузера» у него уже нет, — ответил я. — По всей вероятности, он уже должен быть оформлен в полиции как вещдок. Так, Хванчкара? — вопросительно посмотрел я на лейтенанта.

— А что ты на меня так смотришь, Дмитрий Петрович?! — возмутился Хванчкара. — Майор Петров категорически запретил мне говорить тебе что-либо об этом деле. Может, и есть «маузер» в вещдоках, а может, и нет.

— Значит, так, — сказал я на подъезде к дому фотографа, — Юрыч и Федор, на всякий случай, останутся возле подъезда. Мы с Хванчкарой пойдем к фотографу. Лейтенант его задержит, и мы отвезем убийцу в полицию.

— Хорошие слова! — согласился Хванчкара. — Только лейтенант полиции Хванчкара способен задержать преступника. Вам, любителям, этого никогда не сделать.

— Это еще почему? — спросил Властелин Паяльников.

— А потому что это противозаконно!

— Противозаконно людей убивать и мою машину из «маузера» расстреливать, — влез в разговор Федор, — до сих пор в ремонте стоит.

Я остановил машину, и мы быстро покинули «Ниву». Федор и Властелин Паяльников встали с двух сторон у дверей подъезда снаружи, я и Хванчкара вошли внутрь и быстро, насколько это позволяла комплекция лейтенанта, поднялись по лестнице. У дверей фотографа остановились и переглянулись. Хванчкара достал пистолет, взял его наизготовку и хотел позвонить в дверной звонок, но я остановил его и легонько толкнул дверь. Она открылась.

— За мной! — прошептал я лейтенанту.

Мы вошли в коридор. Из кухни доносился шум воды, кто-то мыл посуду. Я знаком показал Хванчкаре, чтобы он двигался на кухню первым. Держа пистолет перед собой двумя руками, лейтенант бесшумно вошел на кухню. Не заметив нашего присутствия, хозяин квартиры, одетый, как на праздник, в брюки и белую рубашку с галстуком, занимался мытьем посуды. Хванчкара подошел к нему сзади и, приставив пистолет к его голове, громко произнес:

— Вы арестованы! Руки вверх!

Тарелка выпала из рук мужчины и разбилась. Он медленно поднял руки. Хванчкара вынул наручники и быстро защелкнул их на руках арестованного.

— Дмитрий Петрович, сегодня я всех угощаю, это мой первый арестованный! — Хванчкара от радости стал размахивать пистолетом: — А ну, встань к мойке задом, к лейтенанту полиции передом! — и повернул арестованного к себе.

Перед нами стоял мужчина лет пятидесяти, его испуганные глаза неотрывно смотрели на ствол пистолета.

— Это не он, — разочарованно произнес я.

— Как, не он!? Почему не он? — Хванчкара не хотел верить в нашу ошибку.

— Дорогой! Ты там что, тарелки на счастье бьешь? — раздалось из комнаты, и в кухню вошла женщина бальзаковского возраста в вечернем платье. — Что тут происходит? — удивленно спросила она, увидев нас. — А, я поняла! Где-то здесь спрятана скрытая камера. Вы из программы «Розыгрыш недели». Кажется, я видела вас по телевизору. — Женщина показала на меня пальцем и кокетливо улыбнулась. — К сожалению, вы немного опоздали. Молодые уже уехали.

— Как, уехали? — спросил я, мгновенно сообразив, в чем дело. — Куда?

— Что значит, куда? Сначала кататься, а потом в ЗАГС. Уехали минут десять назад. Оставили родителей мыть посуду после фуршета, а сами уехали. Но ничего, скоро мы тоже туда поедем.

— Да. Скоро поедем, — подтвердил мужчина, в лоб которому по-прежнему смотрел пистолет Хванчкары.

— Хванчкара, дорогой, опусти «пушку», — сказал я лейтенанту, — мы опоздали, надо извиниться.

— Извините, — пробормотал он и опустил пистолет.

— Ничего, ничего, — сказала женщина, — мы отлично понимаем, что это ваша работа. Какой интересный у вас пистолет, почти как настоящий! Можно посмотреть?

Она протянула руку к пистолету, и Хванчкара уже, было, хотел дать ей в руки оружие, но я вовремя остановил его, наступив незаметно на ногу, и сказал:

— К сожалению, реквизит мы на руки не даем.

— Не даем, — подтвердил Хванчкара, и убрал пистолет в кобуру.

— А в каком ЗАГСе будет регистрация и во сколько? — спросил я.

— Как? Вы не знаете, где будет регистрация? Что у вас за контора? — удивилась женщина.

— Что вы, конечно, знаем! Просто хотим уточнить, чтобы перестраховаться от еще одной ошибки.

— Дворец бракосочетания. Ровно в четырнадцать ноль-ноль. Смотрите, не опоздайте! Думаю, ваш розыгрыш очень понравится молодым. Олег так любит всякие шутки!

— Хорошо, учтем. Но у меня к вам одна просьба — ничего не говорите молодым о нашем розыгрыше. А мы уж постараемся, чтобы все выглядело максимально по-настоящему.

— И стрелять даже будете? — с восторгом спросила женщина.

— Конечно. Но, разумеется, холостыми.

— Ура! — захлопала она в ладоши. — Конечно, мы ничего не скажем.

— Тогда до встречи в ЗАГСе.

— До встречи, — хором ответили мужчина и женщина.

— Руки, кстати, можно опустить, — сказал я мужчине, выходя с кухни.

— И, Хванчкара, не забудь снять наручники.

Выйдя из подъезда, мы увидели, что Федор и Властелин Паяльников с большим энтузиазмом связывают руки какому-то молодому человеку на газоне возле подъезда. Молодой человек при этом лежал, уткнувшись носом в чернозем, а Федор сидел у него на спине и держал руки, которые Властелин Паяльников заматывал бельевой веревкой и при этом приговаривал:

— Поймали мерзавца! Будет знать, как в нас из «маузера» палить!

— Ты мне по полной за ремонт машины заплатишь! — вторил ему Федор.

— Что тут происходит? — спросил я.

— Как что? — ответил Властелин. — Преступника вот вяжем.

— Преступника? Почему без меня?! — возмутился Хванчкара и стал расстегивать кобуру.

— А с чего вы решили, что это преступник? — спросил я.

— А с того, что он из подъезда как угорелый выбежал. Хорошо, что я не растерялся, подножку ему поставил. А так бы он задал стрекача, ищи его потом!

— Отпустите его, это не преступник.

— Да как же не преступник! — возразил Властелин Паяльников. — Ты сказал, что убийца фотограф. Вот, смотри! — Он поднял связанные руки молодого человека. На одной из них на шнурке болтался маленький фотоаппарат-мыльница.

— Это не преступник, — твердо повторил я.

— Это не ты? — спросил Властелин Паяльников молодого человека.

— Это не я, — ответил тот, отплевываясь от земли.

— Ну, тогда, извини, — сказал Юрыч и развязал веревку. — Федор, отпусти его!

Федор встал с молодого человека, помог ему подняться и заботливо отряхнул его от земли.

— Извини, пацан, так получилось. Больно ты быстро из подъезда выбежал. Прямо как на пожар.

— Да я на свидание из-за вас опоздал! — рассерженно воскликнул парень. — Теперь у меня вся личная жизнь расстроится.

— Ну, это спорный вопрос, — возразил Федор. — За это можно нам и спасибо сказать.

— А где у тебя свидание? — спросил я.

— У Дворца бракосочетания.

— Не очень хорошее место для встреч, вызывает навязчивые идеи, — заметил я. — Но тебе повезло, мы едем туда же. Можем подкинуть.

Глава 22

Нежные переливы флейты скользили по просторному залу, наполненному неярким нежным светом. Тихо играл рояль. Его ритм осторожно подхватывала виолончель и в легком кружении уносила мелодию высоко в небеса. Взяв друг друга за руки, молодые стояли в зале торжественного бракосочетания. Пышнотелая женщина с невероятно большой грудью, зарегистрировала брак.

— ... согласны ли вы, Олег, стать законным мужем...

Договорить она не успела, так как дверь с шумом отворилась, и в зал ввалился Хванчкара с пистолетом в руке.

— Это полиция! Всем оставаться на местах! — выкрикнул он и зачем-то выстрелил в воздух.

С шикарной хрустальной люстры, висящей в центре зала, посыпались осколки. Раздался многократный женский визг, молодожены и гости попадали на пол, некоторые из гостей полезли под стулья. Музыканты подхватили свои инструменты и выскочили из зала. Женщина-регистратор выронила поднос с кольцами и замерла, как статуя. Родители жениха сидели и наблюдали за происходящим, как ни в чем не бывало, словно в кинотеатре.

— Как здорово! — захлопала в ладоши мать фотографа. — Наконец-то у нас научились делать настоящие шоу!

— Я же просил отобрать у Хванчкары патроны! — крикнул я Федору, когда мы вбежали в зал через боковые двери.

— Отобрать у Хванчкары патроны? Это невозможно! — ответил он. — Патроны мы втихаря подменили на холостые — у меня целая обойма была.

— Это что, по-твоему, холостые? — спросил я, показывая рукой на расстрелянную люстру.

— Не знаю. Патроны менял Юрыч, может быть, что-то пошло не так.

— Сейчас все пойдет не так! — сказал я. — Лейтенант Хванчкара, отставить стрелять!

Но до Хванчкары было уже не докричаться. Адреналин бил в его жилах горячей струей, заливал ему потом глаза и озорно играл каждой мышцей на его тучном теле.

— Всем руки за голову! — скомандовал он и выпустил вверх всю обойму.

Над залом торжественного бракосочетания прошел дождь из хрустальных осколков. Осколки падали на вечерние платья и костюмы лежащих на полу гостей, стучались о паркет и радостно подпрыгивали.

Когда пистолет защелкал впустую, и все замерло, жених приподнял голову, осмотрелся, вскочил и бросился бежать.

— Стоять! — крикнул ему Хванчкара и попытался перегородить ему дорогу, но фотограф оказался проворней. Нырнув под распростертые руки лейтенанта, он ударил его локтем в живот и был таков. Хванчкара выронил пистолет и повалился на бок, обхватив живот руками. Подбежавший к нему Властелин Паяльников схватил упавший «Макаров» и бросился за женихом, крича на ходу:

— Я верну, честное слово!

Мы с Федором последовали за ним и, выбежав на улицу, увидели, как жених вытащил за шиворот водителя из свадебной машины, прыгнул за руль и дал полный газ. Наряженный кольцами и свадебными лебедями белый «лексус», свистя колесами по асфальту, размахивая разноцветными ленточками, рванулся вперед мимо разношерстных свадебных процессий. Одна новоиспеченная семейная парочка приготовилась сфотографироваться с голубями, и в этот момент мимо них, буквально в нескольких сантиметрах, промчался свадебный «лексус». Платье невесты зацепилось подолом за украшения на машине, и в один миг новобрачная осталась без юбки. От неожиданности она взвизгнула, а ее жених не на шутку струхнул. Руки влюбленных разжались, и освобожденные голуби устремились ввысь. Желая вернуть юбку, невеста на тонких кривых ногах в белых чулках неуклюже побежала за «лексусом», а мы кинулись к моей старенькой «Ниве». Вскочив в машину, я мгновенно включил зажигание и тронулся с места. Федор и Властелин Паяльников запрыгнули в салон уже на ходу. Тут на дороге перед нами неожиданно возник Хванчкара, перегородил собой всю проезжую часть, и мне ничего не оставалось, как нажать на тормоз.

— Я с вами! — произнес он сквозь тяжелое дыхание и, изогнувшись невероятным образом, в одно мгновение оказался в машине.

Я сбросил сцепление, и «Нива» рванулась вперед.

«Лексус» мчался, не сбавляя скорости и петляя по городским улицам. Но интенсивное движение и узкие улицы сводили на «нет» все его преимущества перед обычной «Нивой», и очень скоро мне удалось догнать его и повиснуть у него на хвосте.

— Не уйдет, не уйдет! — радовался Властелин Паяльников и размахивал пистолетом.

Фотограф свернул на набережную и на всех парах помчался туда, где уже собралось несколько свадеб. Он не сбавлял скорости и не сигналил, напротив, только прибавлял ходу.

— Он хочет проехать по свадьбам, как танк, чтобы мы остановились на трупах! — сказал я и начал сигналить без остановки.

Невесты, женихи и гости, собравшиеся у памятника Дерябину, услышав сигнал, приняли его за приветствие, замахали в ответ руками и радостно запрыгали.

— Идиоты! — вырвалось у меня. Я открыл окно и стал кричать, что было мочи:

— Тормоза пропали!

Первыми, кто понял мои слова правильно, были женихи. Не раздумывая ни секунды, они бросились к своим невестам, схватили их, кто за руки, кто в охапку, и оттащили подальше от дороги.

Тем временем взбесившийся «Лексус», раскачивая лебедями на капоте и гремя свадебными колокольчиками на крыше, домчался до тупика на набережной и лихо развернулся. Я дал по тормозам и выкрутил руль влево. «Нива» накренилась и встала поперек дороги — путь назад для «лексуса» был отрезан.

— А говорил, тормоза пропали! — заметил один из женихов.

— А теперь нашлись! Отечественный автопром! — ответил я и похлопал снаружи по своей дверце.

— Что он собирается делать? — спросил Федор, указывая на «лексус», который злобно подгазовывал и хищно смотрел включенными фарами в бок нашей «Нивы».

— Думаю, он собирается атаковать, — спокойно ответил я и, погладив руль своей машины, проговорил: — Прощай, любимая! Всем покинуть автомобиль!

Моя команда была как нельзя кстати. Не успел я договорить, как «лексус» рванулся с места и на огромной скорости понесся на нас.

Федор, я и Властелин Паяльников вылетели из «Нивы», как пробки. Что же касается Хванчкары, то его огромное тело застряло и никак не хотело покидать салон. Корчась и тужась изо всех сил, он безуспешно пытался выйти из машины. Лебеди на капоте «лексуса» неотвратно приближались к правому боку «Нивы», где застрял лейтенант.

— Хватай его! — закричал я, и мы бросились к Хванчкаре. Федор и Юрыч схватили его за руки, я же ухватил его за шиворот.

— Раз, два ... — командовал Федор.

По команде «три» мы дернули Хванчкару так сильно, что он вылетел из машины и, собрав нас в свои объятия, рухнул в двух метрах от «Нивы», похоронив под собой всех нас.

«Лексус» врезался в бок «Нивы», перевернул ее, словно картонную коробку, отбросил в сторону и был таков.

— Хванчкара, — взмолился я, прижатый к асфальту его огромным телом, — прошу тебя, встань с меня!

— И с меня, — послышался голос Федора из-под лейтенанта.

Хванчкара встал сначала на четвереньки, потом во весь рост.

— Все живы? — спросил я, вставая вслед за ним.

— Властелин Паяльников! Он не дышит! — воскликнул Хванчкара.

Мы бросились к Юрычу. Закрыв глаза, он неподвижно лежал среди цепей и замков. Его правая рука сжимала оторванный погон Хванчкары, левая лежала на газоне, и сквозь растопыренные пальцы торчал небольшой одинокий цветок.

Федор припал к груди Властелина и крикнул:

— Вроде дышит! Эй, кто-нибудь, дайте воды!

— Воды нет, только шампанское, — сказал свидетель с одной из свадеб и протянул открытую бутылку.

— Не годится, нужна вода! — ответил Федор.

— То есть, как это, не годится! — возмущенно произнес Юрыч и открыл глаза: — Очень даже годится!

Все с облегчением вздохнули. А он приподнялся, взял предложенную бутылку и жадно присосался губами к горлышку. Но больше двух глотков сделать ему не удалось. Взболтанное шампанское двумя пенящимися струйками вышло из его ноздрей.

— Прямо как Змей Горыныч, — подметил Федор, и все вокруг дружно засмеялись.

На перекрестке улиц Кирова и Карла Маркса, на повороте, сошел с рельс трамвай, и движение встало намертво. Никто, даже машина ГИБДД, не мог проехать и полуметра. Помятый «лексус» в потрепанном свадебном

оформлении стоял в среднем ряду автомобильной пробки. Пешеходы, водители и пассажиры с удивлением разглядывали разбитый капот, с которого свисали к колесам разноцветные шелковые ленты. Два лебедя, давно не белых, на крышке капота сиротливо жались к треснувшему лобовому стеклу, голова одного из них была сломана пополам и болталась на тонкой нитке, свадебные кольца на крыше машины покосились. Тут на месте аварии появился инспектор ГИБДД и, размахивая жезлом, стал освобождать от машин проезжую часть. Левая полоса пришла в движение. Цепочка машин медленно потекла мимо разбитого свадебного «лексуса», почти вплотную притираясь к нему. Пассажиры, сидящие в них, беспардонно фотографировали на телефоны празднично наряженный «автохлам».

Вдруг рядом с «лексусом» остановился огромный черный лимузин со свадебными кольцами на крыше, и, высунувшись из его окна, Властелин Паяльников прокричал:

— Привет убийце! Полагаю, что гонка закончилась!

— Ну, это мы еще посмотрим, — сквозь зубы процедил Олег.

— Вы арестованы! — грозно сказал Хванчкара, высовываясь из другого окна.

— Ну, так выйди, мешок в полицейской форме, и надень на меня наручники, — огрызнулся фотограф.

Хванчкара попытался открыть дверь, но она уперлась в «лексус», стоявший в сантиметрах двадцати от лимузина.

— Сначала похудей, как следует, килограмм так на двести, чтобы пролезть в такую щелочку!

— Я буду стрелять! — предупредил Хванчкара и пригрозил пистолетом.

— Я тоже! — ответил Олег, и в руке его мгновенно появился «маузер». — «Помните еще эту «пушку», детективы хреновы?!

Я схватил Хванчкару за плечи, и с силой втащил его внутрь. Жених и невеста, которые любезно предоставили нам лимузин вместе с водителем для погони, быстренько подвинулись, чтобы лейтенант их не раздавил.

— Ты же сказал, что полиция нашла этот «маузер» на квартире убитой Пичугиной? — возмущенно посмотрел я на Хванчкару.

— А я и не отрицаю. Сначала нашла. Потом он пропал.

— Как?! Как из полиции может пропасть вещдок? Тем более пистолет?!

— Я взял его, — сознался Хванчкара.

— Для чего?!

— Хотел с ним сфотографироваться.

— Зачем?

— Так... — смутился Хванчкара. — У Дзержинского такой был... Я с ним сфоткался, а потом где-то оставил.

— Я, кажется, догадываюсь, где ты мог оставить этот «маузер». У фотографа!

— Ну, так что, любители частного сыска и ожиревший полулейтенант, постреляем немножко? — раздалось из «лексуса».

— Почему он назвал меня полулейтенантом? — обиженно спросил Хванчкара.

— Да потому, что у тебя всего один пагон, — ответил Властелин Паяльников.

— Зря он это сказал. Ох, зря! Сейчас я его зарежу! То есть застрелю! — Лейтенант высунулся в окно и выстрелил в воздух, сказав при этом: — Первый выстрел предупредительный! Второй пронзит насквозь твое черное и гнилое сердце!

— Зачем тратить слова и патроны, болван! — ответил ему фотограф, взвел курок и выстрелил в Хванчкару. Пуля пробила кузов лимузина в нескольких сантиметрах от лейтенанта.

— Газу! — крикнул я водителю, и лимузин рванулся вперед.

«Лексус» нырнул в образовавшуюся в потоке машин дырку, пристроился за нами, и тут же позади нас грохнул выстрел. Пуля вошла в заднее стекло и, никого не задев, вышла через лобовое.

— А почему мы так медленно едем? — сказал Хванчкара. — Эй, уважаемый, нельзя ли побыстрее?

Водитель лимузина невозмутимо кивнул и нажал какую-то кнопку. Над автомобильным потоком взвыла полицейская сирена. Машины прижались вправо и уступили место. Нога водителя вдавила педаль газа в пол, колеса бешено закрутились, и мы помчались вперед. «Лексус» продолжал следовать за нами.

— Погоня! — проворковала невеста. — Это так романтично!

— У нас будет самая незабываемая свадьба! — сказал жених, и молодожены слились в долгом поцелуе.

— Любовь! — глядя на них, произнес Федор.

— Под пулями, — добавил Юрыч. — Хорошее название для романа, дарю его тебе, Дмитрий Петрович.

— Спасибо, лучше подари бронжилет, — ответил я, оглядываясь назад. «Лексус» мчался за нами по пятам.

— Где мы можем от него оторваться? — спросил я водителя.

— Только по прямой.

— А точнее?

— У нас одна дорога — к «Лосю».

— Ну, к «Лосю», так к «Лосю» — обреченно вздохнул я.

— Ура! Мы едем по нашему свадебному маршруту! — обрадовалась невеста. — Я люблю тебя, дорогой!

— И я тебя! — ответил жених, и они снова поцеловались.

«Лексус» поравнялся с лимузином, фотограф, ведя его одной рукой, целился в нас из «маузера»

— Так сколько, ты говоришь, у него патронов? — спросил Федор Властелина Паяльников.

— Десять.

— Значит, осталось восемь.

— Нас вместе с водителем семеро, — посчитал Юрыч. — По пуле на человека.

— Одна остается, — заметил Федор.

— Последней он сам застрелится, — сказал я, — если, конечно, мы не пригнемся. Ложись!

Тут опять раздались выстрелы, и все дружно попадали на пол.

Тем временем машины вырвались за город и мчались по шоссе. В широком месте, на подъезде к «Лосю», «лексус» поравнялся с лимузином, и фотограф, взяв на мушку водителя, громко засмеялся:

— Ну что, страшно? Сейчас вы попрыгаете!

— Прижимай его! — закричал я водителю.

— Прижимай! Прижимай! — поддержали меня молодожены.

— Желание клиентов — закон, — невозмутимо произнес водитель и резко дал влево.

Лимузин ударил бортом «лексус» и прижал его к левой обочине. Встречные машины, сигналивая и мигая фарами, чудом успевали уходить вправо. Впереди показался «Лось». Метров за десять до него лимузин резко ушел вправо, а «лексус» на всем ходу выскочил с дороги и врезался в памятник. «Лось» сорвался с копыт, проехал верхом на «лексусе» еще десяток метров и остановился вместе с ним у забора. Свадебные букеты с его рогов, падая, образовали за ним длинную цветочную дорожку.

Фотограф пытался выйти из машины. Он толкал свою дверь, но она лишь чуть-чуть приоткрылась. Ноги статуи держали двери «лексуса» в железобетонных тисках.

— Помнится, кто-то советовал мне похудеть килограмм так на двести, чтобы пролезть в такую щелочку! — сказал Хванкчара, приближаясь к «лексусу».

— Кто-то, в конце концов, должен ответить за дырки в моей машине. — Федор засучил рукава.

— И еще за множество самых отвратительных преступлений, — добавил я.

Фотограф прекратил попытки выбраться из машины. Он усмехнулся, взял в руки «маузер» и направил его в нашу сторону:

— Ребята, у меня еще патроны остались!

— Юрыч, а сколько выстрелов ты насчитал? — спросил Федор.

— Десять, а может, девять.

— Ложись! — крикнул я на всякий случай, и все кроме Хванчкары упали вниз на живые цветы.

Хванчкара стоял с пистолетом в руке, ноги его были широко расставлены, обе руки крепко сжимали пистолет, указательный палец лежал на спусковом крючке. Он держал фотографа на прицеле.

— Ложись, Хванчкара, у тебя холостые патроны! — прошептал ему Властелин Паяльников.

— Сам ложись! — ответил Хванчкара.

— Давай на счет «три», как в кино? — предложил лейтенанту фотограф.

— Хорошо. Только считать буду я. Раз, два...

— ...Три, — сказал фотограф и выстрелил.

— ...Три! — сказал Хванчкара и выстрелил в воздух. — Вы арестованы! Сверху под ноги лейтенанта упала подстреленная ворона.

— Ты же сказал, что там холостые! — зашипел я на Федора.

— Не знаю, наверное, это опять не та обойма, — пожал он плечами.

Из лимузина с букетом роз вышла невеста. Лицо ее сияло от счастья, в глазах догорал шаловливый огонек. Поправив помятое платье и сбившуюся прическу, она спросила:

— Ну что, куда здесь цветы-то закидывать?

Глава 23

Фотограф Олег Опаров стоял возле белого побитого «лексуса», прикованный наручниками к бойцу спецназа. Мы стояли напротив него и с удовлетворением наблюдали, как следственная группа, во главе с майором Петровым, делает свое дело.

— Я не понимаю, в чем меня обвиняют? — сказал фотограф майору, что-то записывающему в блокнот. — Они гнались за мной, я просто от них убежал.

— Вы убили Александру Копытову, в девичестве Измайлову, при помощи редкого африканского яда на ее собственной свадьбе. В подсобке кафе.

— Меня не было в той подсобке. Там нет ни одного моего следа.

— А вам и не нужно было проникать в подсобку. Яд, которым вы воспользовались, начинает действовать лишь тогда, когда раздражена слизистая носоглотки. Для этого достаточно, к примеру, нюхнуть перца. Сначала вы уговорили невесту сфотографироваться с бокалом шампанского, в который заранее положили яд. Потом попросили ее сделать глоток из него. Ради хорошего свадебного снимка невеста, конечно же, согласилась. Далее все шло как по маслу. Вы знали, что невест на свадьбах крадут. В кафе, где проходила свадьба, вы бывали не один десяток раз и прекрасно знали, куда там прячут невесту. Вы даже знали, что работники кафе заранее отдают стороне невесты ключ от подсобки, чтобы подвыпившие гости не ходили по другим помещениям. Когда невесту заперли, все побежали требовать выкуп. Чтобы брызнуть в замочную скважину из перцового баллончика, вам необходима была всего одна секунда. Перцовый баллончик мы обнаружили в мусорном контейнере возле кафе. Там же был обнаружен смятый листок, предположительно со списком гостей, в который вы завернули газовый баллончик, чтобы не оставить на нем отпечатки пальцев.

— Это мой листок. Кто-то вырвал его из моего блокнота во время свадьбы,— сказал я.

— Не кто-то, а господин фотограф, — уточнил Петров. — На этом листке хорошо сохранились пальчики. На свадьбах едят все, даже фотографии, а жир — это именно то, что требуется для хорошего отпечатка. Думаю, вы догадываетесь, чьи они.

— Бред! — возразил фотограф. — Я вырвал этот листок, чтобы взять по нему баланс белого цвета. Это нужно для фотографии.

— И именно поэтому на листке обнаружены следы перцового газа.

— Я взял баланс белого цвета и выбросил листок. Что потом с ним было, я не знаю.

— Желая запутать следствие, вы решили свалить убийство на свидетельницу, — продолжил майор. — Она была бывшей подружкой жениха и вполне могла иметь основания для убийства. Женская месть — явление, часто встречающееся в криминальной практике.

— Откуда, по-вашему, я знал о любовных похождениях жениха до свадьбы?

— Вы узнали об этом сразу после регистрации, когда оператор в салоне попросил жениха встать рядом со свидетельницей. Возмущение невесты и ее последующая речь, из которой можно понять, что свидетельница — это бывшая любовница жениха, хорошо видны на свадебном видео.

— Мало ли что говорят невесты на свадьбах! Да они все на них сумасшедшие от счастья! Не помню ни одной свадьбы, где невеста не говорила бы чепухи! — Олег заметно нервничал.

— Чтобы бросить тень на бывшую любовницу жениха Елену Крупчинскую, вы пришли к ней в дом, отравили ее тем же ядом и поставили на видное место пузырек с ним. Но вы немного не рассчитали. Елена только что вернулась, а вернее, сбежала из больницы, опасаясь, что ее заподозрят в убийстве первой. Там ей ставили капельницы. Глюкоза смягчает действия этого редкого африканского яда, поэтому Крупчинская умерла не сразу. Поняв, что отравлена, она набрала номер Службы спасения и сказала, что умирает.

— Какая трогательная сказочка, я сейчас пущу слезу! Скажите еще, что я написал от ее имени какое-нибудь признание.

— Скажу. Именно так вы и сделали. И у нас есть предположение, как вам это удалось.

— Предположения оставьте для мемуаров. Нужны доказательства. У вас они есть? — Фотограф сделал вид, что ему все это глубоко безразлично.

Майор задумался. Было видно, как он принимает какое-то непростое решение.

— Разрешите, господин майор, — поднял я руку, словно школьник.

— Что у тебя, Дмитрий Петрович?

— Я могу объяснить появление предсмертной записки свидетельницы Крупчинской и жениха Копытова.

— Не возражаю.

— Все достаточно просто. Фотограф Олег Опаров, как я убедился самолично, побывав у него дома, еще и художник. Я видел картину, которую он копировал. И надо сказать, это у него получалось великолепно. Думаю, что ему не составит большого труда подделать любой почерк.

— Значит, вместо предположения появилась еще одна улика, — сказал майор. — Молодец, Пинкертон!

— С этим частично могу согласиться, — произнес фотограф, — рисую я действительно неплохо.

— Я имел в виду, что вы неплохо копируете, — возразил я. — Думаю, что художник из вас, как и фотограф, никудышный. Будь вы мастером своего дела, не стали бы убивать, чтобы разбогатеть.

— Разбогатеть? — переспросил майор.

— Да. — Я почувствовал, что настал мой звездный час и пора сказать самое главное. — Убитая Александра могла получить наследство, если бы первая родила в законном браке. Первая, потому что у миллионера из Италии Валерио Сузини было в Ижевске, как минимум, два наследника.

— Два? — удивился Петров.

— Да. Покойная Александра и фотограф Олег.

— Ничего не понимаю, — пожал плечами Властелин Паяльников, — они что, брат и сестра? Как же можно убить свою сестренку, да еще и с племяншкой внутри?

Воцарилась гробовая тишина. Даже сотрудники следственной группы перестали делать свои дела и посмотрели на убийцу.

— Я все расскажу, — вдруг сказал Олег. — Чем быстрее все это кончится, тем лучше.

Майор Петров позвал видеооператора из следственной группы, и тот включил камеру.

— Мой знакомый видеооператор Алексей однажды предложил мне поработать на свадьбе фотографом, — начал свой рассказ Олег. — Так часто бывает, Ижевск город небольшой, и практически все, кто работает на свадьбах, знакомы друг с другом. День, на который была назначена свадьба, был у меня свободным, и я согласился. Алексей дал мне телефон невесты, чтобы мы могли с ней обсудить стоимость работы и план съемок. Мы созвонились и договорились о встрече. Александра встретила меня у себя дома очень радушно. По стоимости она согласилась сразу, а вот по качеству работ у нее возникли пожелания. Ей захотелось, чтобы некоторые снимки со свадьбы были сделаны в старинной манере. Для примера она принесла фотоальбом и показала черно-белое фото мужчины, которого назвала своим итальянским папой и в котором я узнал своего отца.

— Вы не могли ошибиться? — спросил майор.

— Ошибки быть не могло. У меня дома есть точно такая же фотография отца, которого я никогда не видел. Мама сказала мне, что он погиб в автокатастрофе еще до моего рождения. Я даже не знал, что он итальянец.

— Вы сказали Александре, что у вас общий отец?

— Нет. Я не из тех, кто бросается на шею родственникам, которых никогда не видел. Я решил побольше узнать об отце и своей сестре Александре. Это было нетрудно. Александра оказалась болтушкой, и скоро я знал все, включая и то, что она беременна, и что ее ожидает огромное наследство. В завершение она показала мне письмо из Италии, которое потом я у нее выкрал, незаметно положив в карман. В письме говорилось, что наследство достанется тому из детей Валерио, у кого в законном браке первым появится ребенок. Дело в том, что у меня тоже скоро должен появиться ребенок. Правда, не раньше, чем он мог быть у Александры.

— И вы решили убрать ее с дороги, — покачал головой Петров.

— Да. А потом заключить законный брак с моей девушкой, чтобы выполнить все условия завещания. Это была моя единственная идея, за которую я ухватился двумя руками. Ничто раньше так не занимало всего меня, как это стремление получить наследство. Времени у меня было немного,

и я придумал план с отравлением. Я долгое время интересовался жизнью африканских народов и много знал об африканских ядах. Самое сложное было сделать первый шаг — отравить Александру. Все последующее получалось само собой.

— А зачем вы приходили в мою квартиру в первый раз? — спросил я.

— Я хотел забрать у вас деньги, которые вам дали в качестве гонорара. О них я узнал от Александры. Она также дала мне ваш телефон, как и телефоны многих других. По ним я без труда узнал адрес всех, кто меня интересовал.

— Вы что, обращались для этого в полицию? Кто был вашим соучастником? Я немедленно хочу узнать их фамилии! — Хванчкара не на шутку раздухарился.

— В наш компьютерный век, для того чтобы найти адрес, телефон нужного человека и даже его дачу или дом в деревне, совсем не нужно никуда обращаться. Достаточно просто пойти на рынок и купить из-под полы за сотню рублей любую базу данных. Так что в наше время лучше не указывать настоящие данные, заполняя анкеты в различных супермаркетах. Все это потом оказывается на прилавке, пусть и подпольном.

— Вот это правильно! — сказал Властелин Паяльников. — Я всегда пишу в подобных анкетах, что я пришелец с планеты Центурий, а свой номер телефона изображаю в виде китайских иероглифов.

— Вы приходили ко мне дважды. Оставили после себя видеокассету. Зачем? — спросил я фотографа.

— Когда после ЗАГСа мы поехали кататься, вы сказали, что вы — частный детектив. Сначала я не придавал этому значения, но потом понял, что вами можно воспользоваться, вернее, вашим непрофессионализмом. Поначалу я думал о вас именно так. Мне не хватало еще одной ложной версии убийства Александры — я решил перестраховаться. Мне думалось, что убитый жених поставит окончательную точку в расследовании, и я буду недосыгаем. Подозревая, что вы не устоите от расследования, я подкинул вам видеокассету и тем самым «пригласил» вас на новый труп. Черт возьми, я оказался прав. В вашей квартире я нашел ручку, которую обронил возле квартиры свидетельницы. Я узнал ее по царапине. Это говорило о том, что вы занимаетесь этим делом. Моя идея сработала. Вы кинулись по ложному следу, как застоявшаяся гончая.

— По-моему, он назвал тебя собакой, Дмитрий Петрович, — шепнул мне на ухо Юрыч.

— Подстроив самоубийство Копытова, я уехал, но вдруг вспомнил, что забыл положить рядом с предсмертной запиской ручку. Согласитесь, это было бы странно: записка есть, а ручки, которой она написана, нет. Вер-

нувшись, я заметил ваше присутствие. Я не думал, что вы так быстро сможете прочитать мое приглашение.

— А потом была расстреляна моя машина! — гневно добавил Федор.

— К сожалению, только машина. Пусть в парике, в темных очках и с усами, но вы меня видели. Вы сами подписали себе приговор. — Фотограф окинул нас потухшим взглядом и добавил: — Старый «маузер»... Я просил мастера исправить его гнутый ствол, но ему было некогда. Я знал, что пистолет меня подведет.

— Но вас не подвели спички, керосин, нож и топор, — сказал я.

— Это само собой. Менее сложные вещи всегда надежней. Но до них нужно дорасти.

— Эволюция преступления? Камень, нож, топор, пистолет, бомба — помню, нам преподавали это в милицейской школе, — с видом знатока произнес Хванчкара.

Майор Петров смерил его тяжелым взглядом, и он сразу стушевался:

— Ну, может, я что-то путаю. Давно это было. Два месяца назад.

— В той единственной и долгой беседе с Александрой она пожаловалась мне на отчима и рассказала, что он изменяет матери с Пичугиной.

— А с какой стати убитая была с вами так откровенна? Вы что, принесли с собой вино? — спросил Властелин Паяльников.

— Помолчи, прошу тебя, Юрыч! — цыкнул я на него. — Не все пьют, чтобы выдать секреты.

— Мне нравится ваш юмор, — криво улыбнулся фотограф, — даже жалко, что я хотел убить вас. Так вот, свадебный фотограф — это нечто большее, чем просто фотограф. Это почти как член семьи. Он может снимать много откровенного. В постановочных снимках хороший фотограф снимает то, каким человек мечтает быть. Поэтому от нас мало что скрывают. Нам часто доверяют самые разные тайны. К тому же я умею разговаривать с женщинами. У них от меня секретов нет.

— С такими талантами вам надо было психиатром работать, а не людей убивать, — заметил Федор.

— Они заслужили смерти. Александра слишком много болтала. Крупчинская по-прежнему втайне желала быть с Евгением, то есть с чужим мужем, а сам Евгений был глуповат. Отчим невесты Андрей Лукьянович изменял жене. Я долго пытался свести его с ума, и у меня это почти получилось. Я решил подбросить улики в квартиру к его любовнице, зная, что рано или поздно полиция выйдет на нее. К сожалению или нет, но, проникнув в квартиру Пичугиной, я застал ее дома, и пришлось ее убить. Нож не подвел меня, как пистолет.

— А зачем вы хотели убить Андрея Лукьяновича? Неужели вам было мало, что он почти сошел с ума от вашего преследования? — спросил я.

— В какой-то момент я понял, что он нужен мне мертвым. Мертвые ничего не говорят и ничего не поясняют. Это был «запасной парашют». Улики лежали у Пичугиной под диваном, а это значит, что мой сон мог быть чуточку спокойней. Убить его, правда, не получилось. Так же, как не получилось закопать кое-кого из присутствующих живьем.

— А видеооператор Алексей? Какой смысл был убивать его? — вмешался в разговор майор Петров.

— Я не ожидал тогда увидеть его на поляне, пока возился с собаками, которых я готовил для Андрея Лукьяновича. Он узнал меня и потребовал, чтобы я отпустил чужих псов. Завязалась драка, я убил Алексея его же топором. В этом есть суровая правда жизни. Он привел меня к Александре, им и закончились мои убийства. Больше мне нечего вам сказать.

— Уведите его! — приказал майор полицейским.

Фотографа посадили в машину и увезли.

— Ну что, Пинкертон, — обратился ко мне майор, кладя руку на мое плечо, — неплохо для начала, но в следующий раз приставлю к тебе кого-нибудь другого.

— Я к Хванчкаре привык, — усмехнулся я.

— А у него практика заканчивается. Ему скоро домой, в Грузию.

— А разве так бывает?

— Когда у тебя жена — сестра грузинского чиновника, а у чиновника есть не очень худой сын-полицейский, мечтающий попрактиковаться в России, бывает все.

— Жаль. Властелин Паяльников и Федор этого не перенесут.

— Да. Без его песен будет скучновато.

Эпилог

Я и Ольга бежали вокруг стадиона в кроссовках на гелиевой подошве. Мы никуда не спешили. Нас то и дело обгоняли другие бегуны. Вдруг один из них поравнялся с нами и на ходу обратился ко мне:

— Как прошла свадьба?

— Какая свадьба? — не понял я.

— Ну, помните, месяц назад, тут же, на стадионе, я спрашивал, прислали ли вам приглашение на свадьбу.

— Ах, да. Теперь вспомнил.

— Я уезжал и не смог прийти к ним на свадьбу. Так как там все было? Хорошо повеселились?

Я остановился и тяжело вздохнул. Следом за мной остановились Ольга и паренек.

— Повеселились? Вы что, ничего не знаете?

— А что случилось?

— Их убили.

— Не может быть!

— Еще как может!

— Что вы говорите! Буквально вчера я видел их из окна трамвая, они с малышом гуляли по улице.

— Не хочу вас расстраивать, но вы обознались.

— Не может быть, я их очень давно знаю. Саша — мой друг, а Женя ходит к моей жене в гинекологию.

— Так Женя — девочка, а Саша — мальчик?!

— Ну, конечно. А вы как думали?

— А я, видимо, совсем не думал. Я обознался. И вы, похоже, тоже.

— Извините, — сказал паренек и побежал дальше.

Мы с Ольгой проводили его взглядом.

— Хорошо, что мы вместе бегаем по утрам, — сказала она, прижавшись ко мне.

— Хорошо. И хорошо, что ты у меня есть.

— А ты у меня. И очень здорово, что ты больше не пьешь.

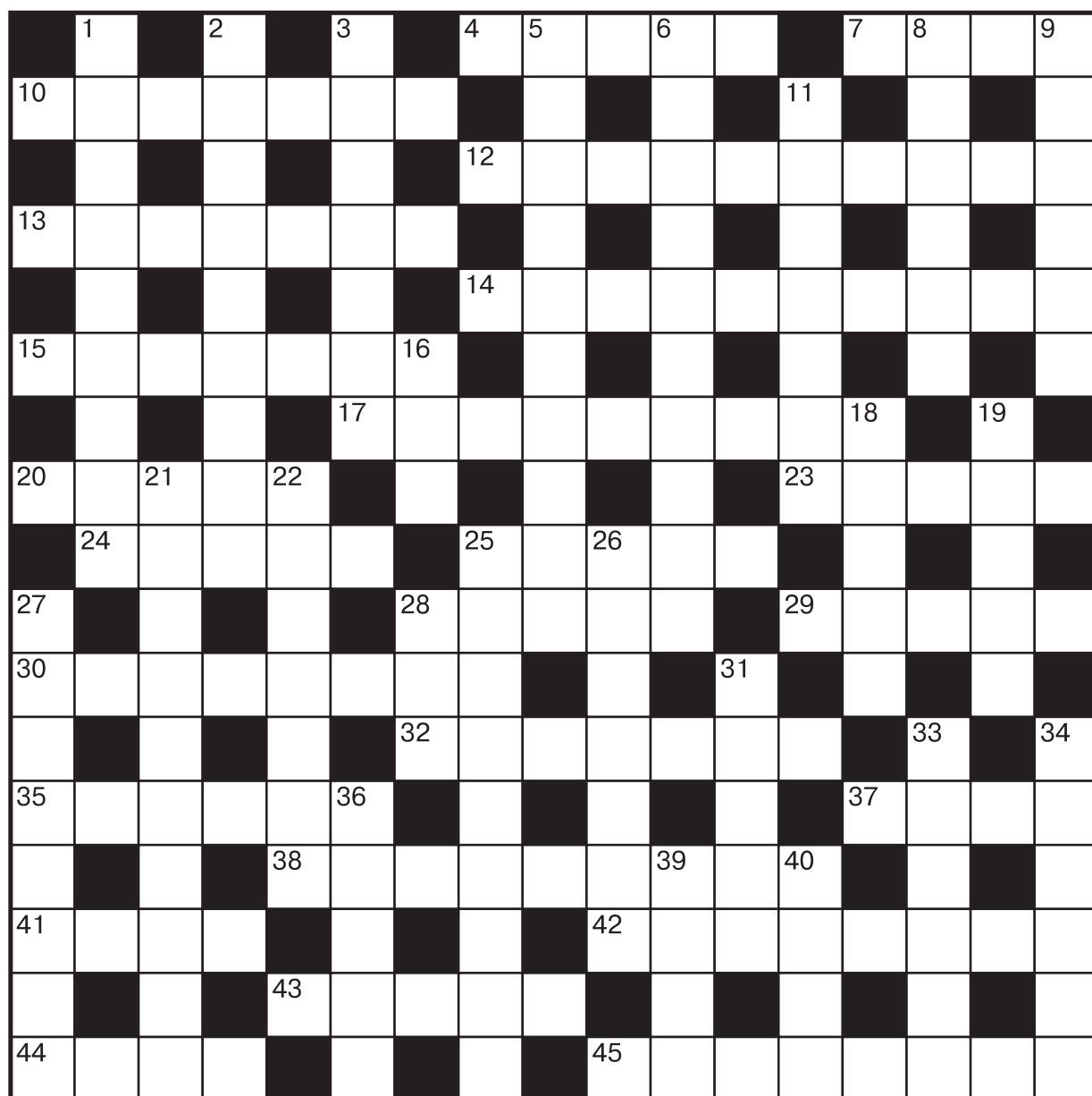
— Не пить, когда любишь, — это вполне естественно. Нормальному человеку алкоголь необходим, чтобы свободно думать, а когда ты живешь сердцем, думать вообще не нужно, — пошутил я.

— Как всегда, ты придумываешь на ходу всякую чушь!

— Это моя бывшая профессия. Я ведь когда-то был журналистом!

Мы засмеялись и продолжили свой бег... □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Союз нерушимый металлов. **7.** «Вот ведь: ищешь счастье, а приобретаешь снова ...!» **10.** Какая птица ныряет в воду глубже всех? **12.** «Мелодия грозы». **13.** Паства имама. **14.** Какая актриса пробовалась на главную роль в телефильме «Чародеи»? **15.** Медовый ликер из шотландского виски. **17.** Осмотр экспонатов. **20.** Элементарная

частица, участвующая в сильных взаимодействиях. **23.** Какой исход не позволяет определить сильнейшего? **24.** Победный завершающий удар в теннисе. **25.** Какой дядюшка истории у Джоэля Харриса рассказывает? **28.** Форма рупора. **29.** Что собой представляла любимая татуировка Уинстона Черчилля? **30.** Черновик художника. **32.** Какого мисте-

ра во многих постановках «Питера Пэна» играет тот же актер, что исполняет роль капитана Крюка? **35.** Властитель Карфагена из новеллы «Лесной дьявол» Николая Гумилева. **37.** Самый сильный окислитель. **38.** «Без промаха стреляет только ...». **41.** Какой француз избавил раненых солдат от обычая прижигать рану раскаленным железом? **42.** Кому испанский король Хуан Карлос I пожаловал титул маркиза «за вклад в олимпийское движение»? **43.** Что попросили прислать цапли из стихотворения «Телефон» Корнея Чуковского? **44.** Голливудский актер, купивший себе за три миллиона долларов остров в Карибском море. **45.** Классическая мелодрама, чей сюжет здорово перекликается с оперой «Травиата» Джузеппе Верди, отрывок которой и попал в фильм.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Музыкальная труба из эвкалипта. **2.** Кто возглавил поход греков против Трои? **3.** «Быкоголовый» классик из Флорен-

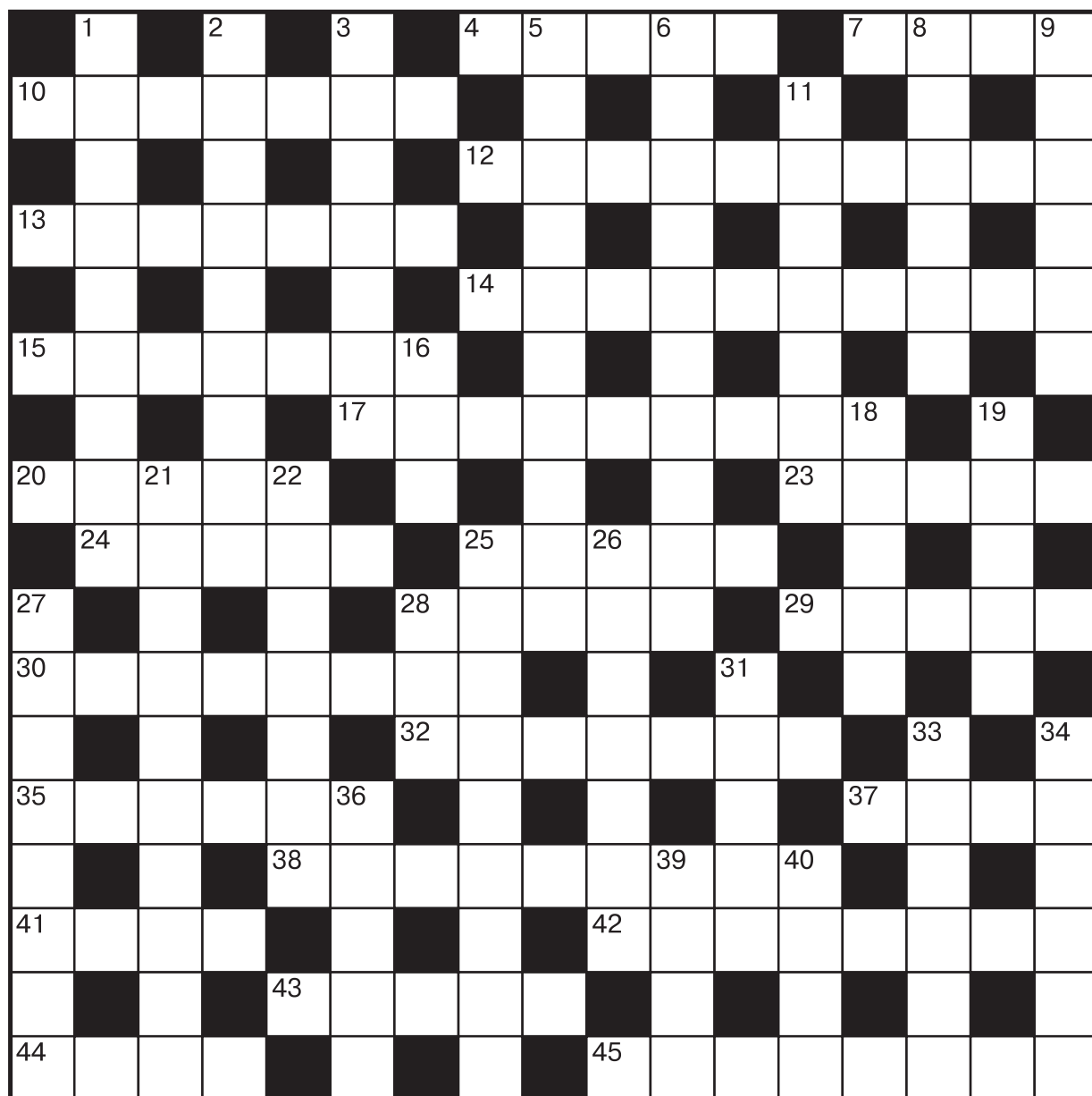
ции. **5.** Витамин в молоке и печени. **6.** Бумажный «антиквар». **8.** Сэндвич с итальянским вкусом. **9.** Нервная трясучка. **11.** Кому из первых русских летчиков посвящен фильм «В мертвой петле»? **16.** «Крестик из уравнения». **18.** «Дорого ... к Христову дню». **19.** Кто посвящал свои стихи Мальвине? **21.** Кто из высших бонз Третьего рейха до смерти испугал своим букетом роз Галину Уланову? **22.** Маловато будет. **25.** К какому жанру относят культовый хит «Heartbreak Hotel» от Элвиса Пресли? **26.** Красная обувь у древних римлян. **27.** «Я еще не успела испытать свою осень, а уже ... сторожит у ворот». **28.** Что используют для секретной переписки? **31.** Какая обстановка располагает к поцелуям? **33.** Титан с обложки сборника карт, выпущенного знаменитым Меркатором в XVI веке. **34.** Из какой повозки вывалился Чичиков, когда ехал к Собакевичу? **36.** Какую «часть супа» можно выразить в денежном эквиваленте? **39.** Дерево, поставляющее камфару. **40.** Какая гетера вдохновила Ивана Ефремова на последний роман?

Ответы на кроссворд, опубликованный в №4

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Акула. **9.** Викелас. **11.** Садко. **12.** Голдинг. **14.** Эфиоп. **15.** Чемпион. **16.** Алмаз. **18.** Взрыв. **20.** Нелегал. **23.** Поезд. **25.** Сите. **28.** Нильгау. **29.** Тюлень. **30.** Поло. **32.** Габон. **33.** Канон. **34.** Миелофон. **36.** Литератор. **38.** Малевич. **39.** Салют. **40.** Пиночет. **41.** Кизил. **42.** Адель. **43.** Гастрит. **44.** Бекас.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Тиффози. **2.** Недосып. **3.** Маг. **5.** Кидман. **6.** Ланч. **7.** Сампрас. **8.** Сквош. **10.** Соблазн. **13.** Генерал. **17.** Зельдович. **19.** Военкомат. **21.** Лимон. **22.** Бекон. **24.** Диван. **26.** Штамп. **27.** Клюев. **30.** Паваротти. **31.** Логопедия. **32.** Голенище. **35.** Великан. **36.** Личина. **37.** Бардо. **38.** Мюсли.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Византийский император, использовавший трафарет, чтобы поставить свою подпись под указами, поскольку был неграмотным. **7.** Супергерой, придуманный Стэном Ли и Джеком Керби. **10.** Наплечный плат в литургическом облачении. **12.** Половина цитранжа. **13.** Прозвище русского офицера,

который подчеркнуто соблюдал этикет во всем. **14.** Самая мелкая игра в преферансе. **15.** Какой из городов Уэльса гордится пятью замками? **17.** Помада для придания волосам блеска. **20.** Народ из Нового Завета. **23.** Прическа из косичек. **24.** Указ предстоятеля поместной православной церкви. **25.** «Открытие» месье

Сиродена. **28.** Репа ацтеков. **29.** Боевое судно у древних греков. **30.** «Пунктированные» руны из романа «Утраченный символ». **32.** Пасхальное блюдо у иудеев. **35.** Подушечка для придания объема узлу пояса на кимоно. **37.** Китайский сморчок. **38.** На борту какого судна Джордж Буш произнес речь «Миссия выполнена»? **41.** Кто из шахматных чемпионов преподавал литературу в школе? **42.** В каком американском штате дамы впервые получили избирательное право? **43.** Имя кого из диснеевских героев связывают с открытием планеты? **44.** Работа Пинчера из истории о поросенке Фунтике. **45.** Что разрешено делать только на одной из башен «Великой китайской стены»?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Какая придворная должность исчезла в правление Палеологов? **2.** Где обитает Крэнг из мультиков про черепашек-ниндзя? **3.** Чьи правила использовали Джеймс Уотсон и Фрэнсис Крик при определении ДНК в виде двой-

ной спирали? **5.** «Заоблачный» шар. **6.** Результат брака при инъекции. **8.** Неоязыческое движение со скандинавскими корнями. **9.** Креольский менуэт. **11.** Из какого сплава делают лучшие часовые волоски? **16.** Кто после смерти Джека Лондона закончил роман «Бюро убийств»? **18.** «Нобелевский металл» для супругов Кюри. **19.** Священный журавль хантов. **21.** Кто сидит внутри иконографа из романа «Цвет волшебства»? **22.** Громадный кружевной воротник в Испании XV века. **25.** Какой «великий белый народ» Африки историки смело связывают с исчезновением Атлантиды? **26.** Чей отец служил управляющим делами Временного правительства? **27.** Синоним ангела. **28.** Гений из Эйзенаха. **31.** Палач Прокруста. **33.** Кто однажды бросился в залив Сан-Франциско со скованными руками за спиной и 75-фунтовым ядром, привязанным к ноге? **34.** Состояние боксера на ринге. **36.** Убийца Эдмонда Кирша. **39.** Пояс в наряде палестинцев. **40.** Швейцарский воскресный хлеб.

Ответы на эрудит, опубликованный в №4

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Ялава. **9.** Кошелек. **11.** Эйдос. **12.** Клавлен. **14.** Отбор. **15.** Тартини. **16.** Сплит. **18.** Ихрам. **20.** Тарарах. **23.** Лупер. **25.** Хака. **28.** «Рататуй». **29.** Струве. **30.** Виви. **32.** Ресио. **33.** Леман. **34.** Апликтон. **36.** Робертсон. **38.** Анчаров. **39.** Слинг. **40.** Улугбек. **41.** «Пьета». **42.** Океан. **43.** Хмелита. **44.** Асана.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Кортехо. **2.** Веронал. **3.** Оек. **5.** Лавсит. **6.** Виет. **7.** Ойстрах. **8.** Сосна. **10.** Клеппер. **13.** Намакуа. **17.** Татаринов. **19.** Мунвокинг. **21.** Хаким. **22.** Сатин. **24.** Рамен. **26.** Астат. **27.** Фрелл. **30.** Вертюгаль. **31.** Вапоретто. **32.** Рональдс. **35.** Феллема. **36.** Ростан. **37.** Тлако. **38.** Анбаг.

**Уважаемые читатели! Открыта подписка на 1-е полугодие 2021 года
через редакцию. Условия оформления подписки на журнал:**

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales-smena@yandex.ru

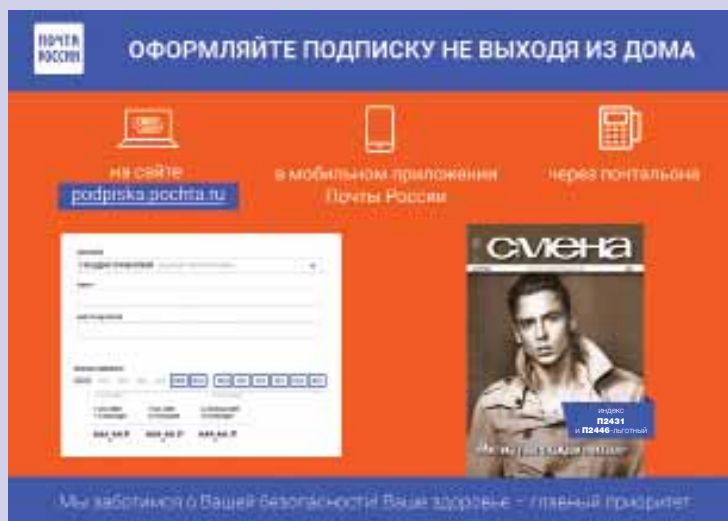
Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 179 рублей 30 копеек	За 1 номер — 215 рублей 60 копеек
За полугодие — 1075 рублей 80 копеек	За полугодие — 1293 рубля 60 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			
Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Инструкция по оформлению подписки на печатную прессу через сайт [PODPISKA.POCHTA.RU](http://podpiska.pochta.ru)

- Выберите журнал и газету из 5 000 изданий:
  - по индексу,
  - по теме и профессиональным интересам,
  - по алфавиту,
  - по части названия,
  - из списка самых популярных
  - по полу и возрасту (детям, женщинам, опытным читателям, мужчинам).
- Выберите способ доставки.
- Введите данные получателя: адрес доставки, ФИО.
- Выберите период подписки.
- Пройдите простую процедуру регистрации или авторизуйтесь на сайте.
- Оплатите заказ.

Инструкция по оформлению подписки онлайн через МОБИЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ ПОЧТЫ РОССИИ

- Зайдите в мобильное приложение Почты России.
- В правом нижнем углу выберите раздел «Еще».
- Нажмите на строчку «Подписка на журналы и газеты».
- Выберите журнал и газету из 5 000 изданий:
  - по индексу,
  - по теме и профессиональным интересам,
  - по алфавиту,
  - по части названия,
  - из списка самых популярных
  - по полу и возрасту (детям, женщинам, опытным читателям, мужчинам).
- Выберите способ доставки.
- Введите данные получателя: адрес доставки, ФИО.
- Выберите период подписки.
- Пройдите простую процедуру регистрации или авторизуйтесь на сайте.
- Оплатите заказ.

ПОДПИСКА В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется через ООО «УП УРАЛ-ПРЕСС»
+7(3652)51-02-35; +7-978-117-13-07; Эл. почта: e_bunina@ural-press.ru

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

ВНИМАНИЕ, ! КОНКУРС !

Дорогие читатели!

Недавно в редакцию пришло письмо из Новосибирской области от нашей читательницы Клавдии Болдыревой, в котором было одно стихотворение:

*Книга в наш дом возвращается вновь,
К ней никогда не угаснет любовь.
Прежнему уровню будем верны –
Самой читающей в мире страны.*

Эти строки навели нас на мысль объявить в 2021 году
конкурс «Книжка лучше “мышки”?!»

В свое время Максим Горький говорил: «Всем хорошим я обязан книгам». Книга — это некий волшебный мир, в который погружаешься и из которого не хочется уходить... Она помогает жить и сохранять в себе духовное начало, присущее каждому человеку. А вы, друзья, любите читать? Какие авторы и книги вам кажутся наиболее интересными и особенно любимыми? Прививаете ли вы своим детям интерес к чтению – ведь принято считать, что современная молодежь в эпоху «всемирной паутины» полностью погружена в Интернет и свои мобильные телефоны? Из ваших писем станет понятно ваше отношение к классической и современной литературе, наиболее популярной и актуальной на сегодняшний день.

Ваши письма с пометкой «На конкурс» принимаются до 30 октября 2021 года. Итоги, как всегда, будут опубликованы в первых номерах 2022 года, а трое победителей получают премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка
на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем ваших писем.
Удачи, друзья!*

